

УРАЛЬСКИЙ следопыт

ISSN 0134 - 241X

6 (744) ИЮНЬ, 2019

www.uralstalker.com

Пора,
собираться
скоро

АРКТИЧЕСКАЯ
ПТИЦА УДАЧИ

Я ПОСАДИЛ ДЕРЕВО

ПРО УРАЛЬСКИЕ
АЛМАЗЫ

Июнь 2019

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Ю.А. Марченков, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Архив – О.Ю. Тирикиди.

На обложке – Фотография Валерия Бочарева.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин,
Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет

• Асхаб Магомедович Асхабов.

Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.

• Владимир Николаевич Большаков.

Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.

• Сергей Вячеславович Левыкин.

Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук

• Сергей Геннадьевич Захаров.

Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.

• Николай Николаевич Назаров.

Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.

• Евгений Викторович Голубев.

Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.

• Алексей Михайлович Прокашев.

Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор

• Игорь Юрьевич Шароватов.

Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.

• Оксана Александровна Гирман.

Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2019 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке:
Фонда Президентских грантов.

«Уральский следопыт», №6 (744), 2019 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Наши проекты

Н.ДУДКО

«Минное поле» в центре

Екатеринбурга.....3

Природа в ладонях

Н.ВЕХОВ

Жар-птица

Севера 10

Наши проекты

Н.ДУДКО

Наш

клубный лес.....24

Река времени

Далекое-близкое

А.МОЛЧАНОВ

Как в Тастубе

снимали

«Вечный зов»..... 14

Родословная

Г.НИКОЛАЕВ

Первые мастеровые

и работные люди

Шайтанского

завода 18

Далекое-близкое

Н.ПАРТАНОВ

Как Музей

Торум Маа

стал народной

стройкой28

Кладовая истории

С.КУДРЯВЦЕВ

Ненависть

или жалость? 31

Далекое-близкое

Е.СТУДЕННИКОВ

Похороны

на селе36

Кладовая истории

С.СКРЮКОВ

Загадки старого

бердыша 38

Тропой поиска

В.ТРУСОВ

Возвращение картин

Денисова-Уральского..... 40

Тропой поиска

В.КИСЛЫХ

Деревенская

старина42

Литературное

краеведение

В.КОШКОВА

Пашкины

алмазы.....44

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»

вы можете через:

- Почтовые отделения России:
- Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Каталог Агентства МАП, индекс 31958
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Журнал
в журнале**

α элита

«Минное поле» в центре Екатеринбурга

В уральской столице прошел традиционный фестиваль экстремальных видов спорта «Майский экстрим»

— Смотреть-то на них страшно, а уж какво прыгать с моста на каяке?! — комментирует старенький дедушка-зритель. — Молодые — ничего не боятся!

Действительно, «Майский экстрим» собрал молодых и бесстрашных. Более 1,2 тысячи свердловчан приняли участие в мероприятии.

Партизаны в городе

Юный партизан добыл секретную карту. Он смог ее скопировать и переслать в штаб партизанского соедине-

Надежда Журавлева

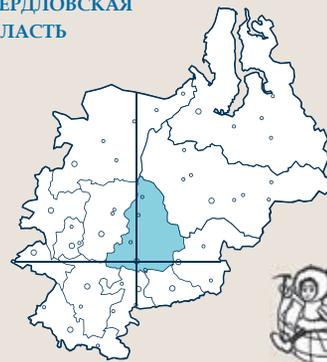
— Огромное спасибо за такой просто фантастический праздник! Отдельное спасибо за туристические этапы для малышей!*

Наталия Дудко

Постоянно ищет приключения. Мечтает подняться на Пик Ленина.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Влад Канэ
— Просто нет слов!
Такой позитивный,
активный, крутой
день! Лично нам он
очень понравился, и мы
хотели бы больше таких позитив-
ных фестивалей, квестов. Наде-
мся, вы будете еще проводить
подобные мероприятия!*

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Виктория Симонова
— Этап «Пороги», где люди на руках изображали катама-
ран, — это шедевр! Спасибо ТК «Романтик» за креатив,
вспоминаю и смеюсь...*

Встречный ветер

Олег Бабенко
— Все очень круто, словами не описать. Больше всего понравился этап «Сплав на катамаране». Обязательно приду еще!*

страшные. Отдельная дистанция была разработана для младших школьников. Она состояла из 15, а не из 60 этапов.

Каждая команда пришла на квест по своим собственным причинам и мотивам: «Вершина» — узнать что-то новое, «Оптимисты» — встретить старых друзей и завести новых, «Монтажный десант» — отстоять честь колледжа. Но положительные эмоции, яркие впечатления и прекрасное настроение точно получили все участники. И в очередной раз ребята убедились, что взаимопонимание, взаимовыручка, слаженность и командный дух — залог любой победы.

Серафим Чернонос
— Команде больше всего понравился этап с вязанием узлов, проверили имеющиеся навыки и узнали новое.*

щим партизанам — уметь ориентироваться на местности, проходить без потерь по «минному полю», пилить дрова, разводив и тушить костер, оказывать первую помощь раненому, выживать в лесу, принимать сигналы азбуки Морзе, пользоваться навигаторами и электронными дальномерами, определять уральские минералы, представителей флоры и фауны, форсировать реку Исеть на катамаране, переправляться по всевозможным навесным сооружениям, разбирать и собирать автомат Калашникова, метать гранату,

стрелять из пневматического оружия и многое другое.

150 команд (по 5 человек в каждой команде) смогли не только показать знания и умения, но и продемонстрировать творческие способности: изобразить любую достопримечательность, станцевать танец или спеть партизанскую песню, сочинить стихотворение про Екатеринбург. Среди команд оказались и учителя екатеринбургской школы № 50. Педагоги участвуют в соревнованиях уже не первый год и доказывают, что они тоже молодые и бес-

Марк Гришук
— Мне больше всего понравился этап «Переправа по веревкам», и пусть мы не получили максимальное количество баллов, но весело провели время!*

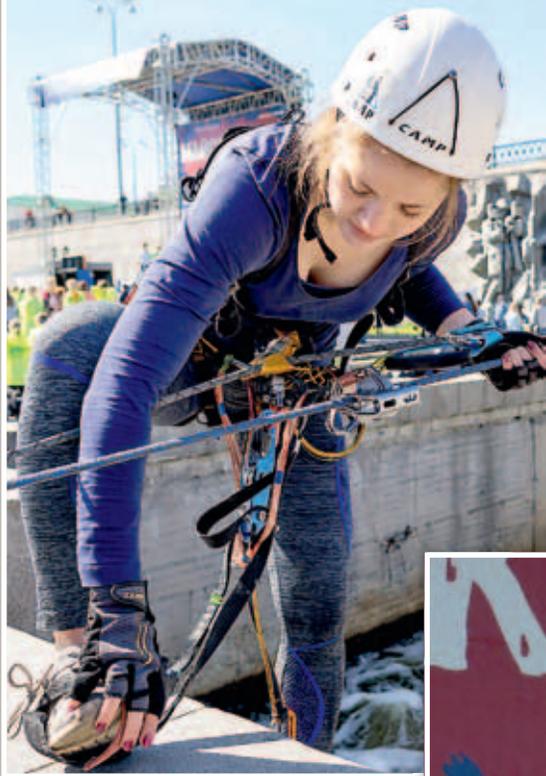
Женя Пичугова
— Отличное мероприятие!! Дети в восторге! Больше всего понравилась переправа на катамаране! Боролась со страхом воды! Спасибо огромное!*

Любовь Смольникова

— Команда «10-ка» в восторге! Мы одолели с малышами программу-минимум, а потом с 4-5 классами попытались наравне со взрослыми стать настоящими партизанами! Благодарим за чудесный день и кучу положительных эмоций! Мы впервые в жизни занимались разминированием, стреляли, ставили палатку и собирали самостоятельно рюкзак (без памятки и родителей)! Мы обязательно будем участвовать в проекте в следующем году!*

Алина Пак

— Было очень увлекательно, много эмоций, немало нового узнала, хотелось бы повторить!*

Егор Костоусов

— Дружеская атмосфера и вкусная каша. Жду следующий «Экстрим!»*

Мас-рестлинг — сила плюс ловкость

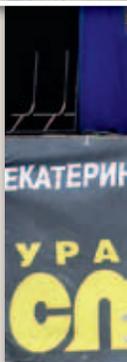
Толпу азартных болельщиков собрали состязания по мас-рестлингу. «Олор!» — дает команду судья. Соперники садятся друг напротив друга и берутся за палку. «Чэ!» — и схватка начинается.

«Что это такое? Что за вид спорта?» — удивлялись непосвященные, те, кто первый раз видел, как два спортсмена, сидя на помосте, перетягивают палку на свою сторону.

Екатерина Баранова

— Участвуем второй год, и нам очень все нравится. В этом году понравились конкурсы, которые были в этой группе. Ждать своей очереди было нескучно — мы танцевали, фотографировались, придумывали летательный аппарат и многое другое. Приедем в следующем году, ждите!*

Варя Красноборова
— 60 этапов — это мощно. Зеленые человечки были повсюду на плотинке. Смотрелось зрелищно!*

Света Трофимова
— Нам абсолютно все понравилось! Не пожалели, что пришли! Но этап «Минное поле» больше всего понравился!*

«Мас» в переводе с якутского означает «деревянная палка», «рестлинг» — с английского — «борьба» (кто-то шустрый уже «погуглил» и умничает среди других зрителей). Правила мас-рестлинга очень просты: для победы спортсмену необходимо просто вырвать палку из рук соперника. При этом ноги упираются в доску.

Поединок длится до победы одного из борцов в двух раундах из трех. Победа в схватке засчитывается, если одно-

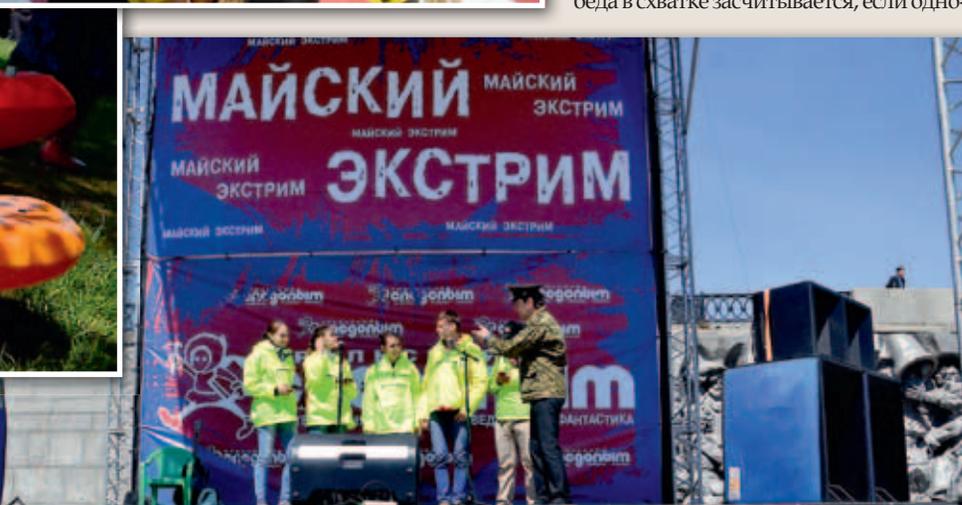
му удалось перетянуть соперника через опорную доску или если соперник выпустил палку.

Соревнуются и парни, и девушки, всего более 120 человек.

Рассказывает Вика, участница мас-рестлинга:

— Это только на первый взгляд кажется, что все просто — тяни палку и все. У меня своя тактика в поединке. Важно, чтобы противник резким движением не вырвал палку из рук в первые же секунды. Для этого надо иметь отличную реакцию. И уметь стремительно контратаковать. Этот вид спорта мне нравится, потому что не нужно особого инвентаря и снаряжения, кроме палки. И тренируется сила, ловкость и выносливость. Вот только мозоли на руках бывают, но это проходит.

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Экстрим как норма жизни

На каяке можно не только сплавляться, но и... прыгать. Одновременно три спортсмена-кайкера прыгают с моста, один переворачивается и уходит вниз головой в воду, зрители громко охают и взвизгивают. Спортсмен пропадает под водой на какие-то секунды, зрители дружно затаили дыхание. Тут он появляется живой-невредимый и уже вверх головой, толпа радостно кричит и болеет за него. Адреналин зашкаливает не только у участников каяк-кросса, но и у болельщиков.

— Мы такие с детства, мы родились с тягой к риску, — говорит один из участников соревнований и, смеясь, стучит себя по шлему, — на всю голову экстремальные.

Действительно, только невероятная тяга к риску, экстремальным приключениям заставят человека на глазах толпы прыгать на каяке в не совсем чистую и не очень глубокую Исеть и соревноваться со своими же друзьями-одноclubниками.

Катамаранчики и рафтеры тоже не отстали. Участвуют в конкурсе «Ло-

Анюта Захарченко

— Невероятно крутое событие! Этого дня ждут многие водники и экстремалы. Именно в этот день можно поплавать на лодке по плотинке, прыгнуть с моста! И попытаться прорваться к бущующему сливу. «Майский экстрим» проходит уже не первый год, но не всегда радует нас погода, в этот раз сошлись все звезды на небе, погода была шикарная, и все отрывались как могли. Нынче удалось модернизировать рампу для прыжков с моста, удалось поместить три и даже четыре лодки для стартов каяк-кросса. Изюминкой был прыжок катамарана, смотреть было захватывающе! Ралли — это вообще отдельная история, где надо на скорость пройти участок от плотинки до парка Маяковского. Не каждый день можно проплыть по Исети с достаточным уровнем воды. За весь день сил потрачено немало, но приятное чувство усталости просто нереальное. Огромная благодарность организаторам этого грандиозного мероприятия в центре города! Людям, которые помогли в этом процессе, а это огромный труд!»

Анастасия Некрасова

— «Майский экстрим» — одно из самых добрых, зрелищных и позитивных событий Екатеринбурга. Нам завидует Киров! К нам приезжают Пермь, Тагил, Сочи, Москва. Участвуют Пышма, Арамил, Серов, Патруши, Березовский, Полевской, Богданович, Первоуральск, Невьянск... Всех не перечислить, да всех лично и не знаю. И в этом году «Майский экстрим» был прекрасен как никогда. Сказочно повезло с погодой, приятно удивили организаторы, упростив процедуру регистрации, спорту тоже нашлось место не в ущерб фестивалю. Где еще встречать старых и искать новых друзей?!

Но это и не спорт чистой воды. И не тусовка для своих. Это именно для всех. «Майский экстрим» взрослеет и молодеет одновременно, превращаясь в семейный праздник, трансформируясь из нишевого мероприятия в городскую традицию. Здесь же, в гуще событий, среди батуты и аквагрима, дети играют карабинами и веслами, прыгают по лодкам и катамаранам. А те, кто случайно прогуливается по набережной, видят, что можно еще и вот так. Самый центр города, столько зрелищных активностей, презентация возможностей для каждого жителя — бери и пробуй. Шанс совершенно бесплатно открыть для себя новый мир.*

тели облепили створ плотины и громко, азартно болеют за каждый экипаж. Один экипаж неимоверными усилиями догреб, но не дотянулся до веревки с призами, и их течением унесло обратно. Другой попал в затор из нескольких экипажей и не может выгрести оттуда, только выбрался из затора — его течением унесло далеко от призов. Зрители кричат и радуются сорванным призам. Визжат от того, что на них попадают брызги. В это время над бушующим потоком по веревке туда-сюда перемещаются скалолазы — у них тоже соревнование — кто за меньшее время преодолет этот маршрут. В этом году пройти его решились 30 человек.

Фестиваль «Майский экстрим» подарил городу праздник, хорошее настроение, много ярких впечатле-

Александр Хомутов

— Это третий год моего участия в таком мероприятии, и с каждым разом все приятнее наблюдать за ростом количества зрителей и активных участников этого мероприятия. С каждым годом уровень организации повышается, появляются новые активности и занятия для участников и гостей фестиваля.

Как участник водной части фестиваля, заметил рост интереса к данному виду активности, люди подходят, спрашивают, фотографируются, особенно привлекают «цветные лодочки» маленьких детей, которые с радостью залазят внутрь, берут весла и радостно позируют родителям для фотографий. А значит, все это проходит не зря.*

сось идет на нерест», в котором необходимо, загребая на катамаране против течения (а для этого по просьбе организаторов напор воды усилили), схватить привязанный сверху приз. Зри-

ний и напомнил, что, помимо учебы-работы-забот-проблем-соцсетей, есть интересная, полная приключений и экстрима жизнь. [VK](https://vk.com/may_extrim)

* https://vk.com/may_extrim

Виталий Каякерский

— Вот и прошел очередной «Майский экстрим 2019»! Все было отлично! Было очень много конкурсов, развлечений и много радости! В данном мероприятии участвовали как взрослые, так и дети, люди приезжали целыми семьями!

«Майский экстрим» растет с каждым годом, народу приходит все больше. Это очень хорошо, когда видишь счастливые лица!*

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

▲ Так выглядят местообитания розовой чайки на островах в дельте р. Яны. Фото Никиты Рыкова

Жар-птица Севера

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник многочисленных экспедиций. Автор более 600 научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

В августе 1985 года, во время экспедиции на севере Якутии, наше судно высадило нескольких человек гидрографов и двух зоологов, среди которых был и автор этих строк, на остров Ярок в авандельте реки Яны. Здесь мне посчастливилось мельком увидеть самую редкую птицу Арктики — розовую чайку.

Сразу скажу, что эта встреча в моей жизни была единственной с такой грациозной птицей. Обследуя небольшие тундровые озёра, заполнившие квадраты-полигоны, вытаявшие среди льда, погребённого под небольшим слоем песка, перемешанного с торфом, я заметил, как над одним из окружённых сырой, заболоченной тундрой водоёмов медленно, неслышно рассекая воздух острыми крыльями, на небольшой высоте пролетела розоватая птица. Сначала я подумал, что это обычная крачка, уж очень она была схожа с ней и по полёту, и форме тела, но почему-то оказалась слегка «подкрашенной» в розовый цвет. Я подумал, день склонялся к вечеру, и в этих широтах уже вовсю начинались сумерки, может, это закатное солнце «так чудесно раскра-

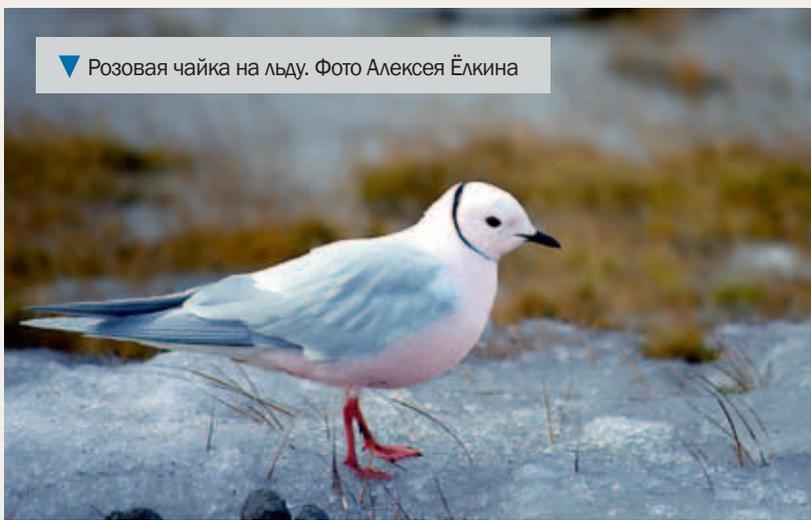
сило» птицу красновато-розовым налётом. Такое случалось, когда все окружающие предметы неживой и живой природы приобретали причудливые очертания и раскраску. Но мой коллега, знакомый с птицами Арктики, сказал, что это и есть розовая чайка.

Встреча с ней, пусть и краткая, стала настоящим праздником и хорошим знаком, что и в дальнейшем будет сопутствовать удача. Так оно и вышло, нам удалось побывать на многих островах в дельте Лены, на Новосибирских островах, посетить ряд мелких островков в дельте Яны и везде собрать обширный научный материал. Многими годами позже мне захотелось узнать подробнее про эту жар-птицу Севера.

Начну с того, что розовая чайка — очень редкая в природе птица.

◀ Розовая чайка у гнезда, проверяет сохранность яиц после отлёта на кормёжку. Фото Руслана Кириллина

▼ Розовая чайка на льду. Фото Алексея Ёлкина

Достаточно привести такую современную информацию. Учёные установили, что в низовьях и дельте Индигирки, а это несколько сот квадратных километров территории, например, гнездятся всего двадцать пар розовых чаек. За красоту ее часто называют «жар-птицей» Севера. Такое сказочное сравнение вполне соответствует нашим знаниям об этой птице, загадках её открытия и из-за почти всегда неожиданности встреч с ней человека. Ещё многими годами ранее я неоднократно слышал о ней от д.б.н., профессора С.М. Успенского.

Открыв четвёртый том довоенного пятитомника «Жизнь животных. По А.Э. Брему», целиком посвящённый птицам, я обнаружил, что вся информация на первую половину XX века об этом удивительном создании на тот период исчерпывалась всего лишь двумя десятками строк. Прямо скажем, немного, если речь идёт о такой незаурядной птице. Десяток страниц посвящено ей и в последнем многотомнике «Птицы СССР», изданном в 1980–1990-х годах. Пришлось обратиться к более ранним работам по птицам Севера и запискам путешественников. То, о чём мне удалось узнать, я хочу рассказать в этом очерке.

История открытия этого вида пернатых и летопись первых встреч с розовой чайкой таковы. Впервые ее увидел известный английский полярный исследователь Джеймс Росс 2 июля 1823 года на полуострове Меллвил в Северной Канаде.

Найти и воочию увидеть розовую чайку (чайку Росса) — такой мечтой не один год бредил знаменитый норвежский полярный исследователь Фридьоф Нансен. Его мечта исполнилась лишь 3 августа 1894 года, когда руководимая Нансеном экспедиция на «Фра-

ме» дрейфовала в акватории Северного Ледовитого океана, к северу от современной Северной Земли.

Очарованный встречами с розовой чайкой, первооткрыватель её родины русский профессор С.А. Бутурлин в 1905 году писал, что эта птица как будто навсегда сохраняет в своем оперении отблеск бесконечных зорь и прекрасных северных сияний своей морозной родины.

Как самостоятельный биологический вид (*Rhodostethia rosea*) она была описана в 1824 году, но примерно до середины XX века, до того времени, пока Арктика не стала ареной широкомасштабных и планомерных научных исследований, когда учёные и путешественники из разных стран проникли подчас в самые потаённые её уголки, эта птица оставалась полусказочным, полужантасическим животным северной фауны. Её видели так редко, что и в научной, и в периодической печати то и дело высказывались мысли, уж не выдумка ли это вездесущих мореплавателей и трапперов, жаждущих любой ценой sníскать известность и получить из подобной сенсации выгоду.

Со временем все сомнения отпали. Сейчас реальность существования розовой чайки признают все учёные-зоологи, да и путешественникам и мореплавателям она не кажется сказочным фантомом.

По-английски эту птицу часто называют чайкой Росса. Фамилию этого английского полярного исследователя носят, кроме птицы, тюлень, море, залив и остров. Орнитологи считают, что розовая чайка особняком стоит среди своих собратьев из семейства чайковых; ближе всего она к малой чайке. Аре-

▼ Розовая чайка. Фото Владимира Позднякова

ал розовой чайки обширен. Он охватывает Яно-Индигирскую и Колымскую низменности от Омолая до Колымы, ограниченные с севера северной границей южной подобласти арктических тундр. Лишь по долинам рек Индигирки и Колымы, которые как своеобразные каналы кинжалообразно прорезают арктические тундры, они проникают ещё севернее, внедряясь в арктические тундры. Это обычное на севере материковых суши явление, когда по долинам меридионально ориентированных рек животные и растения с северными ареалами проникают на юг, а южные, наоборот, часто забираются в Субарктику и Арктику, к северу от своих ареалов. Но спорадически розовую чайку встречают далеко от её привычного гнездового ареала. Зоологи, путешественники и охотники видели птицу в Чаунской низменности, в дельте Лены, низовьях рек Таймыра, западной и северо-восточной Гренландии, на островах Королевы Мод в Канадском Арктическом архипелаге, окрестностях Черчилля на берегу Баффинова залива и в канадской провинции Манитоба. Как редкий гость она залетала на Шпицберген. На зимовку эта птица с поэтическим названием, как и почти абсолютное большинство соплеменников «северян», улетает на юг и восток. Основная часть популяции розовой чайки зимует на незамерзающих полыньях в северной части Берингова моря и в Охотском море, в последнем случае концентрируясь главным образом у восточного Сахалина. Природоохранные службы призывают население с уважением относиться к гостю с Севера, не мешать ей спокойно погостить на юге, — не пугать, не отстреливать и т.д.

Розовая чайка — небольшая птица. Вес её составляет 200–250 г. Изумительно красив черный клюв, спина и клиновидной формы хвост сизые, ноги

▲ Внимательно выглядывает розовая чайка из травы, не притаился ли где поблизости враг. Фото Алексея Ёлкина

красные, а на голове, груди и брюшке — нежно-розовый отлив в оперении. Весной в брачном наряде у птицы бросается в глаза характерное черное ожерелье. Зимой птица окрашена так же эффектно, но без черного ожерелья. Не имеют чёрного ожерелья и молодые птицы — первого возрастного года.

Но удивительный розовый наряд птица имеет только в природе. Можно понять разочарование, какое постигает любопытствующих, желающих познакомиться с добытыми экземплярами этой птицы, хранящимися в коллекциях музеев. При хранении в виде тушек или чучела розовый цвет нередко быстро исчезает. На какие ухищрения не идут музейные работники, чтобы сохранить розовые оттенки: пытаются хранить тушки с особой тщательностью — в герметичных, не пропускающих света коробках, да ещё заворачивают каждую птицу в черную бумагу. Но куда там, и такой способ спрятать

розовое оперение от губительного действия света всё равно не спасает.

Ни одна из птиц не доставляла столько хлопот фотографам, которые занимаются съемками животных, как розовая чайка. Её нежно-розовое оперение почти никогда не получается, даже на самых качественных фотопленках. Все цвета выходят превосходно: голубое, отбеленное полярным днем небо, спокойная, с солнечными бликами, вода небольших озерков и неяркая зелень тундры. А вот знаменитый розовый цвет отсутствует.

Полет розовой чайки легкий. По отношению к человеку птица обычно доверчива. Голос этого вида гораздо выше и нежнее, чем у других чаек, и отличается большим разнообразием. Чаще всего слышится крик вроде «э-ву, э-ву»; испуганные, они издают короткий крик «вя, вя, вя», если очень беспокоятся — «киау-киау», а при нападении другой чайки того же вида или крачки кричат «э-дак, э-дак».

На места гнездовой розовая чайка обычно прилетает в конце мая или начале июня и селится небольшими колониями от нескольких до 10–20 пар, иногда вместе с полярной крачкой. Свои гнездовья розовая чайка устраивает среди мокрой равнинной тундры и лесотундре, часто на островках многочисленных озер. Нередко тут же устраивают свои гнёзда и другие арктические птицы — круглоносые плавунчики и полярные крачки.

Внимательному наблюдателю иногда везло, и в брачный период перед

◀ Гнездо розовой чайки. Фото Алексея Ёлкина

▲ Розовая чайка на фото розовой не получается.
Фото Владимира Позднякова

▲ Песец — один из естественных врагов розовой чайки. Фото автора

ним разворачивалась картина необычных брачных церемоний. Вот как их описывает известный отечественный орнитолог С.А. Бутурлин: «Самец всячески выражает самке свою нежность, то как-то поклевывая или почесывая ей шею открытым клювом, то время от времени начинает похаживать перед ней взад и вперед, несколько выпячивая зоб, и затем с какой-то трелью или трещанием «трррррр» наклоняет совершенно переднюю половину туловища к земле (точнее, ко льду и снегу), поднимая высоко вверх заднюю половину с хвостом и сложенными крыльями, и продолжает эту пантомиму несколько секунд, делая в этом положении несколько шагов туда и сюда. Иногда этим упражнениям предается и самка».

▶ Местообитания розовой чайки в дельте Лены. Фото Никиты Рыкова

Насиживают оба родителя в течение немногим более трех недель. Родители активно защищают свое гнездо от крупных чаек и поморников. В конце июня — начале июля появляются

птены, которые во второй половине июля становятся летными. Как только птицы перелиняют и их птенцы поднимутся на крыло, они переключаются на море. Здесь они ведут чисто морской образ жизни, странствуя в различных направлениях и питаясь рыбой и морскими беспозвоночными. В конце недолгого полярного лета молодые птицы встают на крыло и начинают кочевать вместе с родителями. В это время они частые гости заполярных поселков, на окраинах которых кормятся.

На размеры кладок и численность потомства розовой чайки влияют обилие песцов и обеспеченность их пищей. Всюду рыскающие зверьки пытаются отыскать себе пропитание. В первую очередь их острые зубы находят яйца и птенцов различных видов птиц, в том числе и розовых чаек.

Отрицательным следует считать влияние человека. Прежде всего, это прогон стад домашних оленей через гнездовые участки. Тут и выгнанные тундры, когда под копыта оленей попадались гнезда с яйцами и птенцами. Здесь, помимо песцов и других естественных врагов розовой чайки, следует отнести и вездесущих пастушечьих собак, которые не прочь полакомиться яйцами птиц. Ещё в старину в голодные годы эскимосы стреляли розовых чаек для пропитания. В начале XX века, когда на Чукотку довольно часто заезжали американские моряки, китобойи и охотники на морского зверя, местное население добывало этих экзотических птиц для изготовления тучел-сувениров. Тогда один экземпляр миниатюрной, необычно окрашенной чайки стоил до 200 долларов. Сегодня добыча этого вида полностью запрещена.

Так что судьба розовой чайки по-прежнему волнует и отечественных, и зарубежных исследователей. Поэтому в 1980–1990-е годы её включали в Красную книгу СССР и региональные Красные книги. **VG**

Как в Тастубе снимали «Вечный зов»

Название села Тастуба имеет две версии. Первая — башкирская — связана с близлежащей Лысой горой. С башкирского таз — лысый, плешивый, түбә — вершина горы. Вторая версия — русская, согласно которой в XVIII веке при выезде из караидельского леса по указанию Екатерины II здесь стояла застава — заступа — для борьбы с разбойниками, промышлявшими по дорогам.

Тастубинский школьный историко-краеведческий музей в Дуванском районе Республики Башкортостан открылся 36 лет назад. Вначале он располагался в Доме культуры, а потом переехал в школу. Его основатель — директор школы в те годы Евгения Ивановна Мехоношина (23.11.1929–21.11.2000). Первым руководителем в течение 30 лет была Мария Водолеева. Огромную работу в оформлении, приобретении архивных документов, в поисках участников Великой Отечественной войны, погибших и вернувшихся, провёл преподаватель военного дела, ее муж Павел Яковлевич Мокроусов. Он был своим человеком в Архиве ЦГА РБ, в библиотеке

имени Белинского Санкт-Петербурга. С его фотокопий сделаны перепечатки в сборники для пользования краеведами района. Вместе с Марией Васильевной мы ведем разговор о съемках популярного сериала «Вечный зов», которые проходили в этих местах.

— У меня муж был секретарь парткома знаменитого животноводческого колхоза «Искра»: лошади, крупный рогатый скот и свиноводческая ферма большая, — вспоминает Водолеева. — Вот он как-то с совещания приехал и сказал, что у нас будут снимать фильм «Вечный зов». До этого с большим интересом прочитали одноименный роман Иванова. Конечно, все радовались, что именно наше село вы-

Алексей Молчанов

Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал в пресс-службе ГУВД Свердловской области, газете «Уральский рабочий», телевизионной и радиовещательной компании. Печатался во многих газетах и журналах, как центральных, так и местных. Дипломант и призер многих газет и журналов. Давний автор нашего журнала.

БАШКОРТОСТАН

◀ Тастуба — вид с горы

▶ Бомбочки времен Гражданской войны

брали для кинокартины. Потихонечку началась подготовка.

— Каким образом?

— Стали приезжать организаторы выбирать натуру. Им очень понравился двухэтажный дом, в котором размещалось правление колхоза «Искра». До революции он принадлежал купцу первой гильдии Василию Масленникову. Первый этаж был каменным; тут находились торговая лавка и склад. На второй вел парадный вход, сделанный из дерева, с застекленной верандой. Думал ли Василий Афиногенович, что спустя 70 лет в его доме по сюжету кинофильма будет жить семья богача Кафтанова? Так как события фильма происходят в начале 1900-х годов, зданию вернули первоначальный вид. Плотники «Мосфильма» обшили каменные стены бревнами, заменили на крыше шифер железом, построили резное крыльцо на второй этаж, навесили наличники, застелили тесом двор. Отреставрировали заднюю часть дома, в том числе и ворота. С тех пор дом стал называть Кафтановским. В конце 1990-х годов владельцем этого здания стал один из местных фермеров. Вскоре дом превратился в руины. Воистину, что имеем — не храним, потерявши — плачем.

— С артистами довелось поговорить?

— Я была на многих съемках. Как раз отпуск, лето. Однажды пригласили

▼ В фильме этот дом был сельсоветом

на Кривое озеро, по фильму — заимка Кафтанова. От трассы это пять километров в сторону. Нас сопровождал трактор. Дорога туда не очень-то хорошая. Автобус колхозный был и несколько конных подвод. Мы как раз ехали с писателем Анатолием Ивановым, Адой Роговцевой. Мужчины так трепетно относились к Аде Николаевне. Она здесь с маленькой дочкой Катей была. По всей вероятности, ночью не всегда приходилось отдыхать. Поэтому они ей подушку под голову подкладывали. Внимательны были очень, и не только к ней, но и друг к другу. Вот это поведение знаменитых людей нравилось нам. Хороший урок нравственности для жителей.

В сцене на заимке Вадим Спиридонов должен был переплыть через реку. Что-то не устроило режиссеров, и они попросили его повторить. Он устал, и вместо него несколько раз плыл дублер — местный житель Сагитт Багаудинов. Помнится, Тамара Семина только что прилетела на самолете. В Дуване аэродром был. Существовали местные линии, связующие с Уфой, Белокатаем, Красноуфимском. Вот она ждет, когда же ее будут снимать в кафтановском доме. Ну, а мы жили чуть-

чуть подальше, почти рядом. Стоит, грызет огурчик. Я говорю: «Идемте, я вас накормлю, пообедаете у нас!». А Тамара Петровна: «Ну что вы, что вы, нам не разрешают, строгая дисциплина!». Знаменитые артисты стояли и ждали своей очереди. Режиссеры делали по несколько дублей, чтобы потом выбрать лучшее. Подрмируют немножечко — и опять в кадр. Привлекали в массовку местных жителей. Там у нас из Тастубы человек 30 с удовольствием снялось. На подводах ездили на скалу Сабакай, где по фильму базировался партизанский отряд. Ефим Копелян сюда приезжал только летом. А зимой вместо него снимали Евгения Рябухина. Это эпизод возвращения Кафтанова в имение. Посадили Евгения Андрияновича в кошку так, чтобы лицо не все было открытым, а чуть-чуть, нарядили, надвинули шапку...

Жизнь Тастубы, как и многих сел России, в чем-то перекликается с событиями, происходящими в «Вечном зове». Судите сами.

Первая экспозиция школьного музея — «Грозный 18-й», посвященная Гражданской войне. Бомбочка, ядро, копыя, найденные — далеко ходить не надо — в здешних огородах. Записи воспоминаний односельчан о тех далеких днях.

Следующая страница посвящена Великой Отечественной войне. Детские поделки: памятник, обелиск. Собран материал про каждого ветерана. Фотографии, документы, личные вещи, патроны. От руки написана Книга Памяти. Ко Дню Победы в музей пригласили детей войны, в торжественной обстановке по решению сельского совета наградили их медалями.

Я люблю экспонатами музея, многие из которых стали реквизитом для фильма. К примеру, увесистым замком кафтановский управляющий Демьян Инютин (Николай Михеев) ударил младшего брата Ивана Савельева (Николай Иванов), да так, что он

◀ Экспозиция музея

▶ Окно — это все, что осталось от кафтановского дома

потерял сознание! А вот валец, которым Анна Кафтанова (Ада Роговцева) стирала белье. Утюг, похожий на тот, которым провокатор Полипов (Юрий Смирнов) гладил брючата через газету. Директорский телефон. В точно такой же аппарат отдавал распоряжения парторг колхоза Поликарп Кружилин (Петр Вельяминов). Советские учебники, счеты, тетради в узкую линейку. Парта Эрисмана с наклонной рабочей плоскостью, спинкой, подставкой для ног, откидной крышкой, углублением для чернильницы и двумя желобками для пера и карандаша. Не за такой ли сидел Димка Савельев (Алексей Серебряков)? Патефон, с которым служка Кафтанова (местный житель Анатолий Кузнецов) с важным видом повсюду ходил за своим хозяином (Ефим Копелян). Но самый главный раритет — витень, которым были Федьку (Вадим Спиридонов). Только если настоящая плетель делается из кожи, то для фильма ее смастерили из марли.

— Наш музей интерактивный, — продолжает Иванова. — Детям мы разрешаем потрогать вязальную машину, граммофоны, совок для выгребания золы, примусы, лапти, сапожки, мельницу, коробки для конфет, швейную машинку «Зингер», печатную машинку, чехол для топора, который плели из лыка женщины, отправляющиеся на лесозаготовки, чтобы не пораниться.

Музей пополняется. Мы не останавливаемся на достигнутом. Ребята нам приносят телефоны: от проводных до сотовых. Скоро, наверное, можно компьютеры начать собирать, ноутбуки. Наши выпускники ездили в Египет и привезли в по-

дарок папирус, мумию, кувшинчики. А их родители отдали нам электрогитару «Урал», первый видеоманитофон, различные кинескопы, диафильмы. Юные краеведы шестиклассник Данил Волочков и восьмиклассница Екатерина Ганиева стали победителями номинаций «Великая

Отечественная война» и «Этнография» в районной краеведческой конференции «Я — Семья — Отечество», а шестиклассница Алёна Логинова заняла второе место в номинации «Военная история». Вот сборники «Созвездие» о наших односельчанах. Записанные сказки тастубинцев. Книга стихов поэта Евгения Константиновича Смольникова. Он в Тастубе приезжает сюда каждый год. Встречается с ребятами в школе, и мы ему помогли издать такой сборник. Про каждую сельскую организацию созданы карточки: торговые предприятия, комбикормовый завод, школа, амбулатория, сельский совет. Коллекция бюстов: Ленин, Сталин, Зоя Космодемьянская, потому что у нас комсомольская организа-

▶ Стенд, посвященный «Вечному зову»

ся в музее, стал героем двух документальных фильмов. Несмотря на занятость, Аркадий Игнатьевич оказал неоценимую организационную помощь съемочной группе. Вместе с Павлом Мокроусовым они собирали народ для массовых сцен, обеспечивали транспортом, искали реквизит, решали бытовые проблемы артистов (расселить, покормить и прочее), помогали режиссерам в съемках. То пожар для фильма надо устроить, то, наоборот, пожарную машину для дождливой погоды в кадре, то лошадей запрячь.

К сожалению, в 2006-м «Искра» обанкротилась и перестала существовать. Сегодня население занято в крестьянском (фермерском) хозяйстве «Золотое руно». Его выпечка кулинарных изделий и хлеба поставляется на всю территорию Дуванского района. Селяне, как и во времена, отображенные в «Вечном зове», трудятся и на собственных земельных угодьях. Выращивают картофель, свеклу, капусту, морковь, томаты, огурцы, сажают фруктовые деревья. Разводят домашний скот. Активно используют современную технику — мини-трактора, косилки.

«Вечный зов» и сегодня пользуется популярностью и выгодно отличается от многих нынешних мыльных опер глубиной содержания, добротной актерской и режиссерской работой. Ну, а Тастуба так же, как и Аликаев камень в Красноуфимском районе — по фильму «Тени исчезают в полдень» — Марьин утес, — стала местом паломничества туристов ближнего и дальнего зарубежья, желающих прикоснуться к волшебным образом ожившей благодаря кино истории. **✎**

► Лавка купца первой гильдии Василия Антиповича Масленникова

ция носила ее имя. И даже бюст Путина. Уроженец села Ярославки Михаил Михайлович Новиков работал прежде управляющим Сбербанка села Месягутово, ныне на заслуженном отдыхе. Он автор книги «Вечный зов» по другую сторону кадра».

Музей расположен по адресу: площадь Ившина, 1. Кто он такой, чем знаменит? Аркадий Ившин много лет руководил колхозом-миллионером «Искра», кавалер трудовых орденов, делегат 27 и 28 съезда КПСС. Колхоз как победитель социалистического соревнования неоднократно награждался знаменами, которые хранят-

www.uralstalker.com

▼ Вид на село Чусовое и пруд со стороны Вятской горки.

Первые мастера и работные люди Шайтанского завода

Геннадий Николаев

Родился в Невьянске. Окончил Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал в Уральском отделении Всероссийского научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (г. Екатеринбург). Прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе. Кандидат технических наук, автор 83 научных трудов и 13 изобретений. Награжден знаком «Почетный железнодорожник». Увлекается историей, литературой. Член Российского союза писателей. Живет в Екатеринбурге.

Фото автора

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

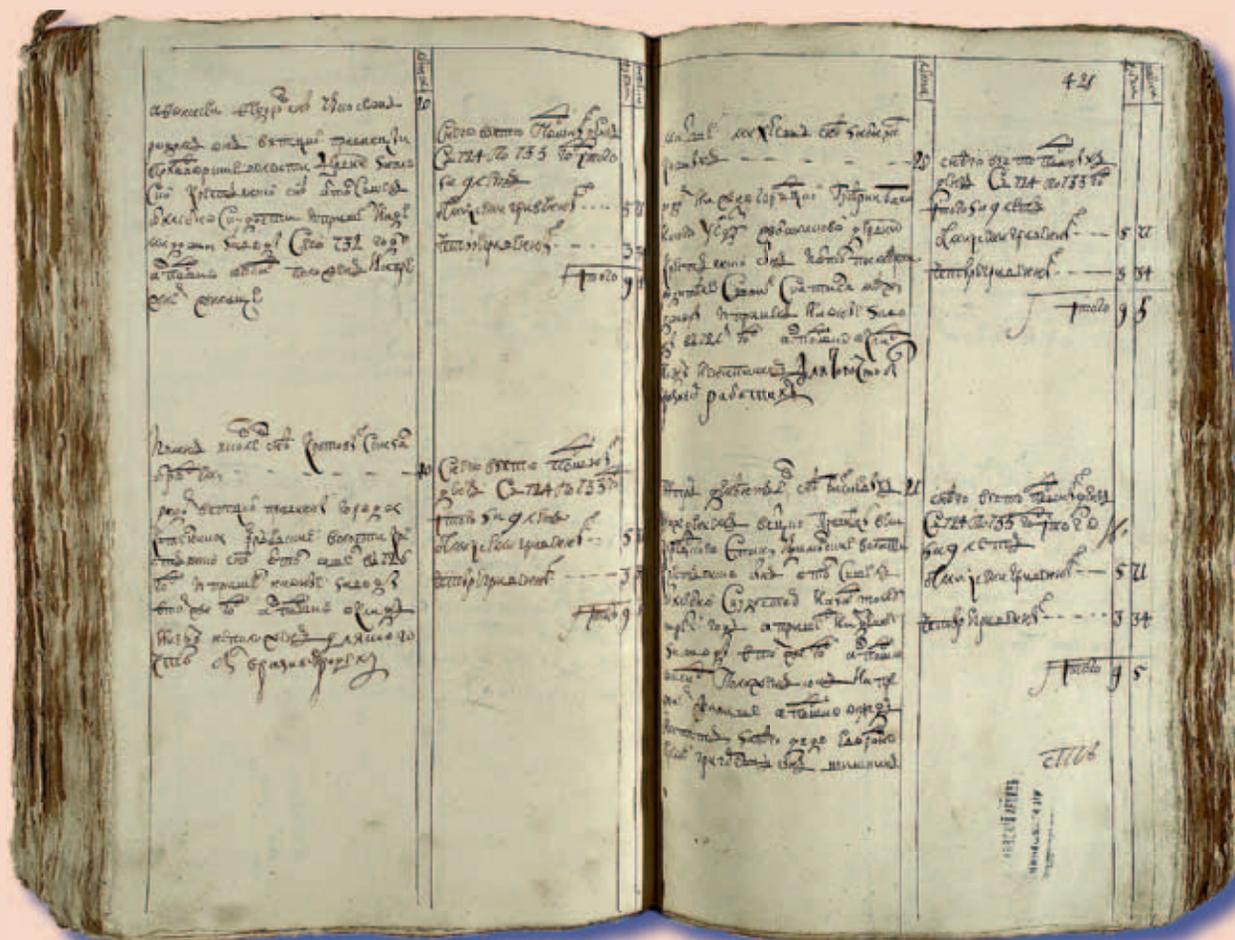

В истории Шайтанского завода (ныне село Чусовое) до настоящего времени сохраняется большое белое пятно — отсутствие документальных исследований о первопоселенцах. Его не в состоянии восполнить передаваемые из поколения в поколение воспоминания старожилов села.

Перепись Толбузина

Человеческая память не всеильна. Ей доступны относительно близкие горизонты. Но и такие воспоминания часто обрастают многими мифологемами. По выражению историка И.Н. Юркина, «закрепившиеся в народной памяти исторические «портреты» создаются и живут по законам жанров народного творчества». Эти свидетельства имеют самостоятельную ценность, но не дают исчерпывающих ответов на такие вопросы: кто они, эти люди, первые работники Шайтанского завода, каково их происхождение? Когда и откуда пришли на уральские заводы? По какой нужде снялись с родных мест? Как звали их, основателей династий, существующих донныне в селе Чусовое? Задача с предсказуемым интересом для современных жителей села, краеведов и родоведов.

Напомню читателям, что Шайтанский железодельательный завод Акинфия Демидова был введен в действие 1 сентября 1727 года. Поэтому для ответа на поставленные вопросы обратимся к документам тридцатых годов XVIII века, в первую очередь, к результатам переписи мастеровых и работных людей демидовских заводов 1732 г. (перепись Толбузина) [1]. Это дело хранится в Российском государственном архиве древних актов, Москва, и по времени является максимально приближенным к дате пуска Шайтанского завода. Данная перепись имела сугубо фискальные цели. Правительство императрицы Анны Иоанновны было озабочено поступлением в казну подушных денег, а на заводах Демидова с 1722 по 1732 гг. сбор

▲ Перепись Толбузина, 1732 г.

податей с пришлых людей не производился. Согласно высочайшему указу было «велено на заводы дворянина Акинфея Демидова послать из Сибирской губернской канцелярии нарочно из афицеров или из дворян доброго, которому по прибытии на тех заводах мастеровых и работных людей переписать. И по окончании той переписи с мастеровых и работных людей, которые в подушный оклад были не положены и подушных денег с них не имано, с тех за всю их тамошнюю бытность подушные денги взять и впредь брать с него Демидова бездомочно...». Исполнение указа было поручено полковнику и шадринскому воеводе Толбузину. «И сего 1733 года сентября 17 дня оной Толбузин в Таболск прибыл и подал в Сибирскую губернскую канцелярию ведомость и перечневой табель. А по переписи ево Толбузина на тех дворянина Демидова заводех мастеровых и работных людей явилось две тысячи шестьсот четыре души, с них надлежало взять подушных денег с 1724 года по сей 1733 год двадцать три тысячи шестьсот пятьдесят четыре рубли девяносто девять копеек одна половина и одна треть копейки».

В списках Шайтанского завода приведены 55 записей (сказок) мастеровых и работных людей мужского

пола [1]. В каждой из «сказок» содержится следующая информация: фамилия, имя и отчество рабочего; его возраст; сыновья и братья; откуда родом (место выхода); происхождение (государственные, дворцовые, монастырские, слободские крестьяне, посадские жители, мастеровые и ремесленники Тулы и подмосковных заводов; бобыли; крестьяне без точного обозначения); когда пришел на заводы Демидовых; положен ли в подушный оклад по генеральной переписи 1722 года. Таким образом, призванный к жизни сугубо экономическими причинами данный документ дает богатый материал для исторических, краеведческих и генеалогических исследований.

Возраст переселенцев

Возрастная картина складывается типично для переселенцев: мало стариков и детей. Двое престарелых мужчин, один из которых «дрякл и слеп», а второй «болен нутряной болезнью», освобождены от подушного налога. Если из общего числа (66 чел.) вычесть двух престарелых поселенцев и четверых детей до 15 лет, то оставшиеся 60 чел. мо-

гут быть отнесены к действующим работникам завода.

Откуда прибыли

Начиная с 29 апреля 1727 года, Российская империя территориально делилась на губернии, провинции, уезды. Особый интерес вызывают выходцы из Тулы и подмосковных заводов, так как они, являясь потомственными мастеровыми, представляли собой наиболее квалифицированную рабочую силу и на их плечах лежало создание и освоение нового завода. Назовем некоторые имена.

1. «Молотовой мастер Леонтий Кондратьев сын Потеряев, 50 лет, урождением города Тула, а в Демидова заводех живет тому будет годов тридцать». Формат переписи Толбузина не предусматривал указание профессии, но для Леонтия Потеряева сделано единственное уважительное исключение.

2. «Петр Игнатов сын Орехов, 50 лет, урождением города Тула казенной слободы оружейного мастера сын, а в Демидова заводех живет назад то будет с годов с тридцать». Отметим, что тридцать лет назад по отношению к дате проведения переписи (1732 г.) означает, что такие мастеровые принадлежат к числу первых переселенцев на един-

▲ Дом караванного приказчика. Фото Дмитрия Леванова

ственный в то время Невьянский завод Демидовых.

3. «Епифан Никитин сын Саранкин, 49 лет, Московской губернии села Павловского, Сорочинских заводов доменного мастера сын, а в Демидова заводах живет назад тому будет годов двадцать».

При всей малочисленности московско-тульской группы мастеровых, тем не менее, её наличие подтверждает тезис Б.Б. Кафенгауза о значительной роли рабочих и ремесленников Центральной России в строительстве первых заводов на Урале [2].

Также сравнительно малочисленна группа выходцев из Сибирской губернии (Верхотурье, Тюменский, Ялуторовский уезды) — 8% от общего числа рабочих. Здесь надо отметить работников с длительными сроками пребывания на заводах Демидова:

1. «Иван Захаров сын Сизиков, 45 лет, Сибирской губернии города Тобольска Ялуторовского дискрикта царева городища Деревни Скоково крестьянский сын, а в Демидова заводах живет назад тому лет с тридцать».

2. «Алексей Федосеев сын Макуриных, 40 лет, у него брат Кирило, 35 лет. Родом из Сибирской губернии города Верхотурья, слободы Ощепковой, бо были, а сошли они отгуда от хлебной скудности назад тому двадцать лет».

Более 30% рабочих были выходцами из Архангелогородской и Нижегородской губерний. Однако преоблада-

ющее большинство рабочих (50%) составляли выходцы из Вятской провинции Казанской губернии. Видимо, неслучайно одно из кладбищ села Чусовое так и называется — Вятское.

Сословное происхождение

По своему социальному положению преобладали крестьяне. Среди причин переселения в «сказках» часто указывались такие: «от хлебной скудности», «скитался в мире по разным местам», «скитался с сумой меж дворов», «кормился Христовым пиением».

Значительное число таких указаний показывает, что поколение уральских рабочих в двадцатые — тридцатые годы XVIII века, как и прежде, пополнялось беглыми из помещичьих имений, дворцовых, монастырских сел и посада. Притягательной силой, особенно в неурожайные годы, служила возможность работы на демидовских заводах «из найму». Наемными являлись все работающие на заводе и получающие заработную плату независимо от происхождения, вплоть до собственных демидовских крепостных.

Таким образом, можно выделить условно три группы, различающиеся между собой сроками пребывания «на разных заводских работах» и квалификацией: 1. Мастерские и ремесленники Тулы и подмосковных заводов (7%); 2. Подготовленные специалисты со стажем заводской работы 5–20 лет, переселенные с других заводов Акин-

фия Демидова (40%); 3. Обедневшие крестьяне «от сохи» преимущественно Казанской губернии (Вятская провинция) и Нижегородской губернии (Балахновский уезд) — 53%.

Основатели родов села Чусовое

Перейду от обобщенных характеристик мастеровых и работных людей Шайтанского завода к персонализированным данным. С этой целью приведу списки фамилий выходцев по причастным губерниям.

Московская губерния: Саранкин, Потеряев, Орехов, Поляков, Птахин.

Сибирская губерния: Сизиков, Овдеевых, Макуриных, Кормачев.

Казанская губерния: Сомов, Федоровых, Пономарев, Перминых, Иванов, Орфигалов, Вершинин, Попов, Ивановых, Градобоев, Пердитов, Полоников, Чекин, Лялин, Чекосев, Кротов, Баглаевых, Молчанов, Порошин, Ленев, Санников, Волков, Пленкин, Малков.

Архангелогородская губерния: Колмогоровых, Соколов, Волков, Мозголин, Жданов, Крокиных (Крохиных?). Последняя фамилия требует пояснений. В переписи она указана как «Крокиных». Скорей всего, речь идет о представительном и поныне существующем роде Крохиных, то есть либо фамилия с годами претерпела трансформацию, либо в переписи допущено её искажение. Поэтому далее

◀ Старинные дома на улице Набокой (ныне Малышева). Фото Дмитрия Леванова

при упоминании этой фамилии приводится двойное её написание.

Нижегородская губерния: Челанов, Кузнецов, Ведерников, Токарев, Голдобиных, Сурнин, Плотников, Житков, Дурницын, Забаранковых.

Кроме того, приведу некоторые «сказки» основателей родов, существующих и ныне в селе Чусовое:

1. «Григорий Иванов сын Голдобиных, 30 лет, родом Нижегородской губернии Балаховского уезду села Бору житель, а в Демидова завод пришел в 730 году, а в подушной оклад нигде не написан, понеже пребывал в заводских работах».

2. «Петр Никитин сын Поляков, 34 года, родом Московской губернии, Кунцевской волости села Орехова деревни Сурово, отец де его был польской нации, а он де Петр от отца сошел в малых годах, пробыв по разным местам, а в Демидова заводех живет с 729 года, а в подушном окладе нигде не положен, для того, что в подушной переписи скитался в мире».

3. «Петр Иванов сын Попов, 30 лет, Вятцкой провинции города Хлынова, волости Верхдворской, Великоредцкогo стану, деревни Лызгачево крестьянский сын и в Невьянский завод пришел в 732 году, а в подушном окладе положен на прежнем жилище».

4. «Петр Дементьев сын Баглаевых, 21 год, урождением Вятцкой провинции Великоредцкогo стану Чуди-

новской волости крестьянский сын отголь сошел от хлебной скудности назад тому третьей год, а пришел на здешний завод в тот же год, в подушной оклад положен он на прежнем жилище, а подушной оклад платит за него дядя его родной Еремей Григорьев сын Шишкин».

5. «Поликарп Микитин сын Молчанов, 30 лет, родом Вятцкой провинции города Хлынова Колсовские волости Молчановы деревни крестьянский сын, а отголь сошел от хлебной скудности в 729 году и пришел на означенные заводы, а в подушной оклад положен он на прежнем жилище и платит за него подушные деньги брат его родной Максим Молчанов».

6. «Евсей Михайлов сын Вершинин, 30 лет, урождением Вятцкой провинции, города Хлынова, деревни Шубиной крестьянский сын, а в Шайтанских Демидова заводех живет назад тому будет года с два, а в подушной оклад в оном заводе не написан и деньги не плачивал, а положен на прежнем жилище своем».

7. «Емельян Васильев сын Крокиных (Крохиных?), 33 года, унего брат Андрей, 31 год, урождением он Архангелогородцкой губернии, города Тотьмы, Семенжевой волости, деревни Подгорной крестьянский сын, а оттуда сошли назад тому годов десять и пришед на Невьянские Демидова заводы, а в переписных подушных книгах написаны на прежнем

жилище, а деньги платил один год, а больше не плачивал».

8. «Дементей Андреев сын Плотников, 25 лет, у него отец Андрей Петров сын Плотников стал дряхл и болен нутряной болезнью. Родом он Нижегородской губернии Балахонского уезду дворцовой Толоконской волости деревни Палажаевой крестьянин, а в Демидова заводы пришел назад то будет лет с десять, а в перепись князя Сонцова сим не записан, а деньги не плачивал».

9. «Федора Ярофеева сына Полозникова дети Андрей, 26 лет, Андрей же, 14 лет. Урождением он Казанской губернии Козмодемьянского уезду государственный крестьянин, а шел он от хлебной скудности назад тому годов с пять и жил по разным местам и с сего 732 года пришел на оные заводы к сыну своему, Андрею большему, для того что шел он назад тому пять лет, а он, Федор, в подушной переписи с сыном моим меньшим написан в Казанской губернии, и деньги подушные и подати платил за него брат его родной Иван Полозников, а я нет. Этот Андрей большей в подушной переписи не положен и деньги не плачивал, для того что в заводских работах ходил».

10. «Сава Федоров сын Мозголин, 43 года, урождением Архангелогородцкой губернии города Ваги Шенгульской четверти Веденина наволоку государственной крестьянин, а сошел отсюда в малых летах для прокормления и пришел на Демидова заводы назад тому годов с десять, а в подушной переписи нигде не написан и денег не платил, а по комиссии 727 года написан при оных Шайтанских заводах, для того что в генеральной переписи жил в заводских работах».

11. Еким Семенов сын Малков, 60 лет, более у себя мужеского полу душ не показал. Родом он провинции Соли Камской, жил в бобылях, а отшел он от хлебной скудности назад тому годов пятьдесят и жил по разным местам, а на Демидова заводы пришел годов тридцать, а в перепись князя Сонцева-Засекина написан он при Невьянском заводе, а денег не плачивал».

Поселения работников Шайтанского завода

Согласно переписи Толбузина мастеровые и работные люди Шайтанского завода в 1732 году проживали в трех условно обозначенных поселениях:

▲ Семья Авдея Тимофеевича и Агриппины Андреевны Голдобиных, 1899 г. Фото из фондов музея села Чусовое

▼ Семья Афанасия Степановича и Анны Семеновны Баглаевых, 1954 г. Фото предоставлено Баглаевой Г.П.

улица Сизикова, улица Екима Малкова и зимовье при конторе Шайтанского завода. Интересно определить местонахождение этих старинных поселений, однако материалы переписи по этому вопросу не содержат данных. Не ясны принципы, по которым группировались поселения. Можно только уверенно сказать, что не по принципу общего места выхода переселенцев, так как во всех трёх упомянутых группах встречаются представители практически всех губерний. Ответы на эти вопросы автору удалось получить благодаря изучению плана Шайтанского завода 1735 года в школьном музее села Чусовое (хранитель музея Г.П. Баглаева).

На плане обозначены три вида построек: кержацкие дворы; мастерские дворы; дома бобылей и заводских служащих. Наибольшая по численности «улица Сизикова» (33 рода) находилась в части села, именуемой Запруд. В нее входили кержацкие дворы, дворы мастеров и частично бобылей и заводских служащих.

Дома староверов были расположены обособленно по южному берегу пруда (улица Набокая, ныне Мальшева).

Дома мастеров располагались по обе стороны главной Сибирской дороги (ныне улица Советская), которая входила на заводскую территорию через сторожевую башню и направлялась к плотине. Здесь, видимо,

был парадный въезд на территорию поселения Шайтанский завод. Позднее эта часть села Шайтанки получила название Гавань, но в 1735 году гавани, как таковой, ещё не существовало. Размещение на плане пристанских амбаров, весов, сарая с лесными припасами и сушильни позволяет однозначно заключить, что пристань в то время находилась на левом берегу Чусовой ниже Зотовского канала. Народная память так и сохранила название этого места — Пристань. Здесь строились коломенки, снаряжались и отправлялись в дальний путь железные караваны.

Дворы бобылей и заводских служителей на Запруде также располагались несколькими обособленными группами по южному берегу пруда и к югу от улицы Набокой.

Назовем некоторые фамилии мастеровых и рабочих людей Шайтанского завода, причисленных в переписи к «улице Сизикова»: Потеряев, Овдеевых, Пономарев, Мозголин, Голдобиных, Поляков, Плотников, Перминых, Вершинин, Попов, Сизиков.

Есть основания считать, что «улица Екима Малкова» (6 родов) находи-

лась на Зареке. Именно здесь, на правом берегу Чусовой, по улице Береговой (ныне Красноармейской) согласно плану 1735 года были расположены дворы бобылей и заводских служителей. Поэтому можно назвать в числе первых поселенцев на Зареке Малкова, Макуриных, Полозников, Чекиных, Птахина.

Наконец, третье поселение — «Зимовье при конторе Шайтанского завода» (16 родов) находилось на южной оконечности Балчуга. В его состав входили четыре двора, расположенные таким образом, что они запирали выход дороги с плотины в сторону Сылвы. Дорога вынужденно отклонялась вправо и следовала далее между дворами. В Зимовье жили бобыли и заводские служители, в том числе: Молчанов, Ленев, Крокиных (Крохиных?), Жданов, Кормачев, Дурнищын, Кротов, Порошин.

Пройдут многие десятилетия, но, обращаясь к истории села Шайтанки (Чусовое), убеждаемся, что пе-

речисленные выше основатели родов, часто совсем ещё молодые люди, пришедшие на Шайтанский завод «от хлебной скудности», не канули в Лету. Их потомки стали уважаемыми людьми, им доверяли водить железные караваны в Москву и Санкт-Петербург. В первой четверти XIX века звучали такие имена, как караванный приказчик Максим Голдобин, сплавщики Афанасий Полозников, Осип Макурин, Трофим Баглаев, Дементий Вершинин, Иван Плотников, Кирило Макурин, Михайло Баглаев.

В заключение отметим, что в данной работе мы не ставили перед собой родоведческие задачи. Приведенные в статье данные о первых мастеровых и рабочих людях Шайтанского завода являются отправными материалами для дальнейших генеалогических поисков. **УС**

Источники

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1504. Л. 409 – 423.
2. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв. Изд. АН СССР, 1949, с. 354 – 356.

▼ Род Никифора Наумовича и Марии Парамоновны Поповых, 1955 г. Фото предоставлено Баглаевой Г.П.

Наш клубный лес

Несмотря на мокрый снег, град, дождь, нашлось 6,5 тыс. отчаянных любителей пройти 18, 36 и 50 км по окрестностям города, а также посадить дерево во время традиционной «Майской прогулки».

500 саженцев посадили пешеходы в районе озера Трехозерка.

Каждый мужчина в своей жизни должен... Ну да, все знают эту навязшую в зубах фразу: построить дом, посадить дерево и вырастить сына. А что, если у тебя руки не из того места растут и дом построить ты не можешь, при этом у тебя две дочери, а не сын?! Все пропало?! Нет! Дерево-то ты посадить можешь!

Такая возможность была предоставлена всем желающим (и не только мужчинам!). Молодежный клуб РГО «Уральский следопыт» и Уральский государственный лесотехнический университет организовали и провели масштабную акцию по посадке хвойных пород деревьев в ле-

сопарке Лесоводов России. С 10 часов утра каждый участник «Майской прогулки» мог посадить свое именное дерево (ель или сосну).

Саженцы заранее подготовили и привезли к месту посадки студенты 3 курса Института леса и природопользования УГЛТУ. Решено было не брать нежные, прихотливые саженцы из питомника, а выкопать уже чуть подросшие, прижившиеся, но в неудачном месте — на поле, где они были бы уничтожены при вспашке. Самоотверженные добровольцы ездили за ними снежно-дождливым холодным майским вечером за город.

Они же помогли всем желающим посадить дерево, делились знаниями и навыками, полученными

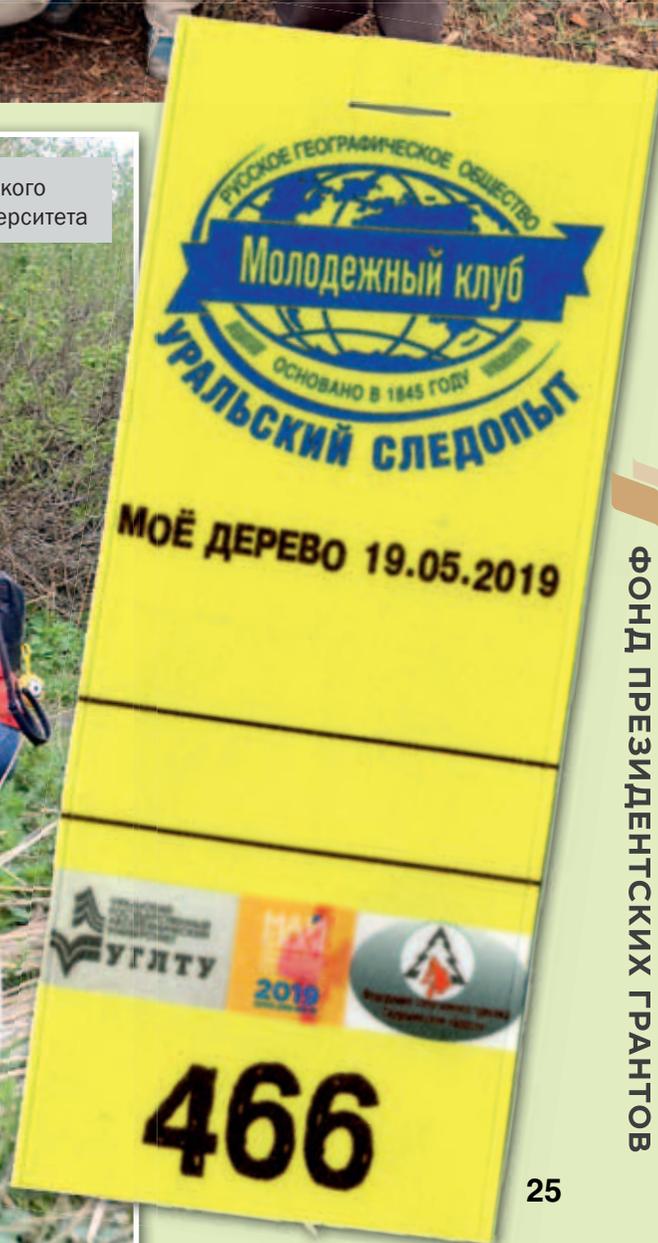
Фото Уральского следопыта

Уральский следопыт, июнь 2019

▼ Евгений Платонов, и.о. ректора Уральского государственного лесотехнического университета

во время учебы в университете, консультировали, помогли выкапывать ямки и поливать саженцы.

Желая внести свой вклад в благоустройство парка из числа участников «Майской прогулки» нашлось предостаточно. Не помешала этому и непредсказуемая уральская погода. Несмотря на дождливый и малоснежный майский воскресный день, за три часа участники акции высадили 500 деревьев.

Не напугала погода даже студентов из Китайской Народной Республики. Веселье, жизнерадостные, на языке жестов, смеси русского и английского языков общались они со студентами Лесотехнического университета, спрашивая, как правильно выкапывать ямку, на какую глубину помещать саженец, как правильно поливать.

Деревья сажали и в одиночку, и группами по 3–5 человек, и целыми семьями, и трудовыми коллективами. Вот молодой папа посадил две маленькие пушистые одинаковые

елочки с двумя маленькими дочками. Рядом молодожены — одну елочку на двоих. Каждому посаженному дереву присвоен номер и имя посадившего. Даже если забудешь, где именно ты посадил свою елочку, ты все равно ее найдешь — все деревья пронумерованы специальными стикерами.

Всего в воскресной посадке саженцев приняли участие 728 человек. Сейчас эти люди могут придти в Парк Лесоводов к своему дереву под номером, например, 335, наблюдать, как оно растет, по необходимости ухаживать и гордиться тем, что внесли свой, пусть небольшой, вклад в озеленение парка. **УГ**

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Приём документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) – без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37

Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия

Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет» 27

Электронная почта: pk@usfeu.ru

Сайт: www.usfeu.ru

▼ Домик — часть музея «Торум Маа»

Как Музей Торум Маа стал народной стройкой

Сегодня Этнографический музей под открытым небом «Торум Маа», можно сказать, визитная карточка окружного центра.

Проводится большая работа в области этнографии коренных малочисленных народов автономного округа, организуются выставки, музей ведет просветительскую деятельность, направленную на консолидацию всех жителей Югры.

Такие народные праздники и традиции, как «Уринеква хотал — Вороний день», «Тыльщ пори — Обряд угощения Лунь» и «Ворсик хотал — Праздник Трясогузки» ежегодно отмечают все жители округа. О том, с чего все начиналось, сегодня вспоминают участники строительства музея.

Галина Ильинична Егорова, работающая во время создания музея заведующей отделом пропаганды и агитации окружного комитета КПСС, вспоминает:

— Вызывает тогда меня первый секретарь Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС Валерий Андреевич Чурилов (он был первым секретарем Ханты-Мансийского Окружного комитета КПСС с 1985–1990 гг.) и говорит: строительство музея под открытым небом поручаю вам.

Для будущего музея нужно было выбрать место в окрестностях города Ханты-Мансийска. Я обратилась к экологу Антонине Федоровне Тархановой.

Мы с ней выехали посмотреть округу и остановились на том месте, где сейчас расположен музей. Там находилась поляна, не надо было вырубать лес, нас все устраивало.

Георгий Владимирович Пионтек, который и был автором идеи музея под открытым небом «Торум Маа» в городе Ханты-Мансийске, рассказал мне, что представляет собой этнографический музей коренных малочисленных народов Севера, ведь до этого мне не приходилось видеть подобного музея и я волновалась. Идея заключалась в том, посетители должны быть активными экскурсантами, а не просто созерцателями, могли что-то сделать своими руками, стать непосредственными участниками событий. Перед музеем должны быть сувенирные лавки, в которых работали бы мастера и учили тех, кто пожелает сделать сувенир, а после продавать эту продукцию посетителям музея. Эта идея меня очень вдохновила... И мы организовали стройку!

► На семинаре по бересте

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Получил высшее образование учителя культурологии и истории. В настоящее время работает лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 г.

У нас не было рабочих, были только научные работники окружного научно-методического центра и добровольцы. Первое, что мы сделали, — приступили к очистке территории от бытового мусора. Помогали учащиеся средней школы № 6, автотранспортное предприятие выделило самосвалы. Нашли перчатки и мешки для мусора. Был митинг по открытию субботника, на нем с пла-

вича Айпина. Привезли избушку, лабазы и навес. И все это нужно было реставрировать на месте. В этот же период был вызван художник Геннадий Степанович Райшев, который изготовил идолы. А священный лабаз и идола возле входа вместе с другими рабочими сделал Николай Волдин.

В день субботника часть людей строила, часть восстанавливала идолы, а Евдокия Андреевна Немысова варила мамалыгу на поляне, где сейчас расположена хантыйская изба. В этот день «петуха жертвенного» принесли, столы накрыли на том месте, где установили идолы.

Основной лестницы, конечно, еще не было, забирались в гору по логу. В тот период там не росли деревья, и в логу мы построили первый сарай. Он, во-первых, защищал от дождя, во-вторых, там хранился весь хозяйственный инвентарь. Очень активными участниками создания музея были

◀ Г.И. Егорова и А.Н. Хомяков, директор музея с. Половинка

РОСТО, готовил допризывников к службе в армии. Он ежедневно отправлял на стройку одну или две группы ребят допризывников, которые на своих плечах заносили в гору сетки рабицы, столбы, доски. Все это делалось вручную, чтобы не нарушать естественный ландшафт и сохранить дерн, ведь если бы пошли машины, они бы все это нарушили.

Свой дом на новом месте Еремей Данилович Айпин строил сам. Запомнился один из дней строительства, в котором принимали участие мой муж и мои соседи. Еремей Данилович сказал, что нет жердей, чтобы крыть крышу дома, и они пошли в лес, нарубили молодых сосеночек, чтобы хватило на накат крыши. Жерди были шести-метровые, и мы, женщины, их шкурили. Помогали собирать дом в паз, он построен без единого гвоздя. Еремей Данилович руководил всем этим процессом.

Зоя Никифоровна Лозьямова и Татьяна Александровна Молданова, Ульяна Шульгина делали хлебную печь, — это уже был сентябрь и октябрь, было холодно, они ходили на болото, рвали там траву и мазали печь.

Музей был почти построен, и где-то за две недели до открытия приехал Валерий Андреевич Чурилов, посмотреть, как у нас идут дела. Я доложила обо всем, что все там хорошо, лабазы поставили, а вот как подниматься туда народу? Летом нормально, а как подмерзло, подняться туда еще можно было, а спускаться невозможно. А лестницу строить уже нет ни времени,

менной речью выступил поэт Юван Николаевич Шесталов. Говорил о том, что это важное событие для нашего округа, что будущий музей прославит округ, что это будет памятник этнографической и материальной культуры народов Севера. Это будет единение народов, живущих в округе, и мы должны строить музей методом народной стройки... В этот день мы работали с десяти часов утра и до восьми часов вечера.

Впоследствии была направлена экспедиция на стойбище Еремея Данило-

▶ Раритеты из экспозиции

Зоя Никифоровна Лозьямова и Татьяна Александровна Молданова, поэт Андрей Семенович Тарханов, писатель Еремей Данилович Айпин, мои соседи, особенно Татьяна Ивановна Вешкурцева, мои дети Андрей и Алена, муж Владимир Сергеевич — они были частыми участниками всех мероприятий и дел.

Большую помощь нам оказал Григорий Тимофеевич Кауртаев. В то время он был начальником автошколы

▲ Изделие из бересты

ни средств. Решили разобрать на речном порту какой-то пирс, и первая лестница была из Речфлота. Его там быстро демонтировали, а в музее собрали, но она была не до самой поляны, приходилось взбираться немного без лестницы.

Зато все проблемы, все трудности забылись, когда наступил день открытия музея. Это был незабываемый праздник, люди все вдохновенные, радостные. Приехало много народу, все было очень торжественно. На поляне поставили столы, развели большой костер, варили уху — радость и настрой были непередаваемые! Особенно радовались местные коренные люди оттого, что появился такой музей в округе.

Потом я неоднократно участвовала в семинарах, проводимых музеем.

▲ Елена Соломина

За эти двадцать пять лет я поработала в Департаменте коренных малочисленных народов Севера начальником отдела культуры. И, естественно, помогала своему музею. В этот период мы построили вторую лестницу, а накануне проведения окружного детского фестиваля «Саликве» (Олененок (сделали маленькие табуретки).

Вот такие мои воспоминания. Строили музей всем миром и все помогали. Это поистине народный музей.

Из воспоминаний другой участницы строительства музея Елены Павловны Соломиной:

— В тот период в Центре культуры и искусства народов Севера (Ханты-Мансийск) работали методами три молодых человека: Влади-

мир Бабкин, Николай Тасманов и Леонид Юдин. На работу они были приняты незадолго до строительства музея. Нужны были люди, которые были бы на подхвате, — подмастерья у более опытных работников, таких как знаток традиционной культуры манси Эмиль Иванович Косполов, художник Геннадий Степанович Райшев, писатель Еремей Данилович Айпин. Между собой мы, сотрудники Центра, называли эту троицу «пухами» — по молодости их лет, пух (хант.) — мальчик.

Однажды «пухов» отправили в служебную командировку в Берёзовский район для транспортировки экспонатов и материалов, необходимых для строящегося музея. К командировке «пухи» готовились серьезно: каждому по очереди купили костюм, шляпу, папку. В таком солидном виде они отправились в Березовский район. По ходу следования своего маршрута они серьезно исполняли долг командированных: проверяли все учреждения в населённых пунктах (клубы, почтовые отделения и даже амбулатории). Все сведения своих проверок они записывали в дневнике. Когда мы читали их отчёт о командировке, то читали его со слезами на глазах, естественно, от смеха. Вот такие были первые кадры в музее...».

Сегодня почти каждый, кто приезжает в Ханты-Мансийск, стремится попасть в поистине народный музей, все увидеть своими глазами и послушать экскурсоводов о жизни коренных жителей манси и ханты. **УС**

▲ Часть экспозиции музея

▶ Пленные немцы

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Святослав Кудрявцев**

Родился на Урале в 1937-м. Окончил в Свердловске Сельскохозяйственный институт. Работал главным инженером совхоза, директором подсобных хозяйств, начальником цеха, преподавал. Увлекается рыбалкой, охотой, беговыми и горными лыжами, коньками, закаливанием. Инструктор в городской секции зимнего плавания. Живет в Первоуральске.

Фото предоставлены автором

Ненависть или жалость?

Как относились к пленным немцам

Судьбы русских и немцев в течение нескольких столетий

переплетались между собой самым тесным образом. Немцев, по тем или иным причинам оказавшихся в разные времена на территории нашей страны, я поделил на четыре категории.

Первая категория — немцы, появившиеся в России ещё во время императрицы Елизаветы. Однако массовое их переселение в Россию случилось при Екатерине II, в 1763–1766 годах. Приезжали они в Россию и раньше, тот же Георг Вильгельм де Геннин — один из основателей Екатеринбурга, который приехал в Россию по приглашению Петра I в 1697 году. Историки до сих пор спорят, откуда он родом: то ли из Голландии, то ли из Германии.

В основном немцы селились в Поволжье — на территории современ-

ной Саратовской области, основав там 105 поселений и создав немецкую автономию.

Тогда же они появились и в Малороссии (Украина): в Ворошиловградской, Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Донецкой, Сумской, Черниговской, Херсонской и Харьковской областях.

Жили обособленно, разговаривали на своём родном языке, с русскими практически не общались, так как остались католиками, учились в своих школах, институтах, техникумах, где всё преподавание велось на немецком языке.

◀ Барак для пленных немцев

После вторжения германских войск на территорию СССР в 1941 году наше руководство сочло немцев скрытой угрозой для безопасности страны. Основания для этого были. Со времен появления колхозов, со времён голодомора, который немцев коснулся основательно, они так и не смирились с Советской властью, с колхозами, с существующими порядками.

28 августа 1941 года был издан указ о ликвидации Автономной Республики немцев Поволжья. Все жители бывшей автономной республики, в общей сложности 440 тысяч человек, осенью того же года были депортированы на Урал, в Северный Казахстан, Алтай, Сибирь. На сборы им было дано двое суток. Подобная участь постигла всю нацию, проживающую в СССР.

В 1942 году большинство немцев мужчин от 17 до 50-ти лет были отправлены на объекты НКВД, а точнее в лагеря. Многие там погибли. Это стало огромной трагедией для всего народа. Прекратилось их преследование только в 1954–1955 годах.

В 70-е годы я познакомился с высланными волжскими немцами, проживающими в Серове. Они мечтали переехать на ПМЖ в Германию и выжидали время. Многим из них это удалось, но коренное население Германии их не очень приветствовало и относилось к ним как к людям второго сорта.

Высланные немцы были и в Первоуральске. На Динасе одним из представителей волжских немцев был Колясников (Кноль) Александр Александрович. Колясников — фамилия жены.

Александр Александрович в начале пятидесятых в 15-й школе преподавал нам немецкий язык. Впоследствии он стал её директором, а в конце жизни был первым заведующим динасовского музея.

Его героическая судьба была иной, нежели судьба большинства волжских немцев. Он в первые дни войны ушёл добровольцем на фронт, воевал, был контужен, затем служил переводчиком в штабе армии. Имел много наград.

Работал на Динасовом заводе и другой волжский немец — Дик Корней Григорьевич (Корнелиус Гергардович), который приехал сюда в середине сороковых годов со своей родной сестрой и сыном Робертом. До крайности порядочный человек, отличный специалист, разбирающийся в радио- и телеаппаратуре.

Третья категория — пленные немцы. В плен немцы попадали и в Первую мировую, но больше всего во Вторую. Тема Первой мировой долгое время у нас в стране была практически закрытой, поэтому мы мало что знаем о тех временах.

Дед моего хорошего друга Топоркова Александра Владимировича по материнской линии — немец. Был взят в плен в 1916 году. После освобождения из лагерей остался в России. Как сложилась судьба в его первые годы пребывания в стране, внуку не известно. Тема в семье была под строжайшим запретом. Известно, что какое-то время он жил в Москве, женился, затем переехал в Серов Свердловской области и, наконец, в с. Махнёво Алапаевского района.

Семья была большая: три сына, дочь. Пока дети учились в школе

в младших классах, их буквально травили. Но вот братья подросли, вымахали под два метра и стали давать обидчикам сдачу. Дрались часто, в кровь.

Во Вторую мировую войну, в 1941 году, пленных немцев поначалу «пускали в расход», отступающей армии с ними некогда было возиться. С 1942 года их стали отправлять в тыл.

В Свердловскую область военнопленные начали поступать с мая 1942 года. Содержали в лагерях вблизи посёлков Монетный и Лосинный, в спецлагере под Асбестом. В черте Свердловска немецкие лагеря были возле оз. Шарташ и в г. Нижне-Исетск (ныне — Чкаловский р-н, Химмаш).

В 1945 году количество пленных в области, по данным профессора В.П. Мотревича, достигло 95,5 тысячи. Содержались они в 14 лагерях. Лагеря включали в себя 99 отделений, в каждом содержалось от 500 до 1500 человек. Фактически каждое отделение представляло собой самостоятельную единицу. Были также сформированы 2 отдельных рабочих батальона (ОРБ), функционировало 2 госпиталя.

Самыми крупными лагерями были Артёмовский № 523, Асбестовский № 84, Алапаевский № 200, Нижнеисетский № 314, Тагильский № 153, Дегтярский № 313, Новолялинский № 318, Верхнепышминский № 531, Уральский № 245.

Советское правительство стремилось к соблюдению международных конвенций при обращении с военнопленными. Согласно приказу НКВД СССР от 5 июня 1942 года пленным определялось денежное содержание. 10 рублей — рядовому составу, 15 — среднему командному составу, 25 — старшему командному составу, 50 — высшему командному составу. Пленным выдавались по норме: хлеб, мясо, рыба, овощи, крупы, масло, сахар. Добровольно сдавшимся в плен хлеба выдавали ещё 100 граммов сверх нормы. Выполнивший норму на 100 процентов получал хлеба 500 граммов, на 150% — 900 граммов. Охранники получали летом — 600–700 граммов, зимой — 700–800.

Помимо этого пленных постоянно обеспечивали посылками. Красный Крест, они имели право на получение посылок от родственников. При многих лагерях были организованы подсобные хозяйства. В итоге плен-

► Немецкий двор в российской глубинке

ные питались лучше, чем местное население.

Со временем при лагерях стали работать клубы, библиотеки, организовывалась художественная самодеятельность, проводились политзанятия. Для пленных были построены специальные бараки, где спали на нарах в два яруса, на каждого пленного приходилось по 2 квадратных метра площади. (Сравните с условиями содержания наших пленных в немецких концлагерях). Лагеря были обнесены колючей проволокой, по углам стояли вышки с автоматчиками. С 1946 года к охране стали привлекать вахтёров из числа местного населения. Случалось, пленные бежали, но на 96% побеге были неудачными.

Работали пленные на рудниках и шахтах, на лесоразработках, на строительстве предприятий и жилья. На строительстве Богословского алюминиевого завода работало 2600 военнопленных, на строительстве Ново-Тагильского металлургического комбината работало 3800 человек в/п. Много пленных работало на Уралмаше, Нижне-Тагильском Уралвагонзаводе, Красноуральском, Кировоградском и прочих предприятиях.

Среди пленных были не только представители Германии, были граждане Австрии, Венгрии, Бельгии, Голландии, Испании, Италии, Люксембурга, Польши, Румынии,

Финляндии, Югославии, Швейцарии, Китая, Кореи, Японии и один американец. Отбывали в нашей области наказание 76 генералов, был среди пленных адъютант Гитлера майор Отто Гюнше, который по заданию Гитлера сжег его труп и труп Евы Браун.

Отбывали здесь наказание адъютант Кейтеля полковник Ганзен, сын промышленника Густава Круппа — Крупп фон Болен унд Гальбах и многие другие известные в Германии и за её пределами люди.

В Талицком отделении лагеря № 476, что под Первоуральском, пленные находились до 1956 года.

Они построили на Динасе Дворец Культуры, дома на центральной площади поселка и в переулке Ильича, стадион в Первоуральске, дворцы культуры в Дегтярске и Ревде, пятиэтажки на улице Ватутина в Первоуральске, жилые массивы на Химмаше и Вторчермете, здание пожарно-технического училища в Свердловске, мост на улице Белинского. Ими был построен завод ЖБИ в Асбесте, завод РТИ и бетонозавод в Свердловске, ТЭЦ в Первоуральске.

Пленные были нашими заклятыми врагами, но работниками они были по своей природе добросовестными, и то, что ими построено, было сделано на совесть.

Однако были и саботажники, которые отказывались работать, как бывший командир танкового полка полковник Ганс Герцог, осуждённый на 25 лет за участие в карательной операции в Белоруссии, австриец Людвиг Фигль, служивший рядовым в Германской армии. Он дважды совершал побеге, дважды совершал

диверсии, вступил в Дегтярске в подпольную организацию, пытавшуюся организовать крупный побег, планирующую взорвать построенный пленными дворец и шахту.

Недавно при ремонте кровли Дворца Культуры, построенного пленными в Дегтярске, было обнаружено письмо к потомкам, написанное на немецком и русском языках, которое ещё не прочитано до конца из-за его ветхости. Пока разобраны три фамилии строителей и речь о том, что они задержаны «московскими мерзавцами». Их бы в Освенцим, они бы узнали, кто истинный мерзавец.

В нашей Талице было много венгров, австрийцев, чехов. Венгров использовали на строительстве градирни на Динасовом заводе. Их водили на обед в столовую № 3 на улице Свердлова мимо нашего дома большой колонной, человек по 6 в ряд, все были в военной форме, в типичных военных венгерских фуражках, многие были в очках. Сопровождали их вооружённые охранники с овчарками. Парни, желая хоть как-то отомстить, бросали в них камни, одному пленному разбили очки.

В 1949 году мне довелось побывать на территории лагеря пленных в Талице. Нас занесло туда любопытство. Вход был свободным, и мы, пацаны, по дороге в пионерский лагерь Динасового завода беспрепятственно туда заходили.

В пионерлагерь ездили, чтобы сразиться в футбол с их командой. Главное, что нас прельщало — наличие кирзового надувного мяча, который для нас был диковинкой. От Подволошной мы добирались на товарняках, заскакивая в них на ходу, и на ходу же спрыгивали под откос в Талице. Скорость составов в те годы около станций была не велика, но риск всё равно присутствовал. Родители о наших путешествиях, естественно, ничего не знали.

◄ Топорков Александр Владимирович

▲ Дом со львами в Перми строили заключенные одного из лагерей для пленных немцев

Весной 1955 года началась массовая репатриация военнопленных из страны. В лагерях их поставили на усиленное питание, выдали новое обмундирование, выдали денежный расчёт, вернули сохранившиеся ценные вещи, за утерянные — выплатили их стоимость, но по смешным, мизерным ценам. Пленные были расконвоированы, свободно ходили по городу, отдыхали, загорали.

Домой они вернулись не все, часть погибла. Особенно высокая смертность пришлась на 1945 год. Тогда в Свердловской области умерло 8300 человек. 5100 человек — от дистрофии, 1300 — от воспаления лёгких, 600 — от туберкулёза, остальные от разных других болезней. По крайней мере, так значилось по документам. Особенно высокая смертность была в Ивдельлаге.

Всего на территории Свердловской области числятся 90 мест захоронений. Самые крупные — в Асбесте — 1631 человек, в Нижнем Тагиле — 3752 человека, в Ревде — 417 человек, в Реже — 437.

Поначалу умерших из разных лагерей свозили в Талицу, где в общей сложности захоронено 193 военнопленных в 177-ми могилах. Затем стали хоронить на кладбищах при ла-

герях, но много было похоронено на общих гражданских кладбищах. Так было в Верхней Туре, Дегтярске, Каменск-Уральском.

В послевоенные годы родственники умерших в плену пожелали посетить могилы родных, что вполне естественно, но с нашей стороны было принято решение: «Не допускать!», и могильные холмы были скрыты бульдозерами.

Наконец, четвёртая категория, менее известная широкому кругу людей — немцы, привезённые в Союз в 1945 году для восстановления страны. В общей сложности из оккупированных советскими войсками районов Германии и стран гитлеровской коалиции в порядке репарации в 1945 году в СССР было вывезено около 300 тысяч трудоспособных граждан — это в 16,6 раза меньше того, что угнали фашисты в годы войны из Советского Союза в Германию.

В числе интернированных около 100 тысяч были представители из Болгарии, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Румынии. В программу попали трудоспособные мужчины 17–45 лет и женщины 18–30 лет. Из попавших в Свердловскую область было сформировано 7 отдельных рабочих батальонов (ОРБ).

Интернировали в основном тех, кто входил в фашистские организа-

ции или, по мнению СМЕРШа, был политически неблагонадежен. Появились интернированные в Коновалово и в Крылосово под Первоуральском.

Интернированные в Коновалово рассказывали, что «в командировку» они взяли много вещей и разной домашней утвари, так как им обеща-

► Отто Гюнше — адъютант Гитлера

▲ Плита на братской могиле венгров

ли хорошие условия проживания, но по дороге прошёл слух, что всех везут в концлагерь. На одной из стоянок эшелона они сожгли весь свой скраб и прибыли на место без вещей и практически раздетыми.

Жители Коновалово помнят, что условия проживания в бараках были ужасные, спали на нарах, зимой мёрзли, страдали от грязи и болезней, их заедали вши. Местные женщины им заходили, но мужчины очень стеснялись своей грязной одежды с копошащимися в ней насекомыми. Они были постоянно голодны, работа на рудниках была тяжёлая. Возвращаясь с работы, подворовывали у населения дрова. Несли домой кто poleно, кто щепку, чтобы подтопить печь.

Многие болели, кто-то умер, где их хоронили, неизвестно, скорее всего, в Талице. Да и кто вспомнит про каких-то там немцев, коль мы не вспоминаем о наших раненых солдатах, замерзших зимой в товарняках по дороге в тыл, умерших в Билимбаевском госпитале, располагавшемся тогда в бывшей 23-й школе. Хоронили их там же, во дворе...

Сейчас на месте этого захоронения подростки Билимбая устроили футбольное поле, поставили ворота, администрация строит здесь спортивный комплекс. Ни плиты, ни памятного знака на месте погребения нет.

Коноваловские немцы, несмотря на суровые условия своего проживания, поражались условиями жизни на-

ших колхозников, говорили, что так жить нельзя. И это была правда. Нищета, убогость жилья, отсутствие дорог, в хозяйствах отсутствие мастерских, гаражей, нормальных скотных дворов. Тесные полутёмные клубы, под которые приспособливались бараки и заброшенные избы.

Я это знаю не понаслышке, так как отработал механиком и главным инженером Первоуральского совхоза 4 года: с 1959-го по 1963-й, там же и жил в таких же ужасных условиях. Я видел, где и как жили наши крестьяне в 23-х совхозных деревнях, в том числе Коновалово и Крыласово. Конечно, это не жизнь, а существование, но другой жизни мы и не представляли в то время.

А как жили наши люди, угнанные в Германию с оккупированных территорий в годы войны? Со многими из них после возвращения на Родину я был знаком. В основной массе репатрианты не любили вспоминать о своей жизни там, да и кому охота вспоминать, как его унижали, угнетали.

В 1941–42-м годах эти люди оказались на оккупированной территории брошенными на произвол судьбы. В Германию 15–16-летних увозили в закрытых товарных вагонах, в дороге не кормили, многие в пути умерли.

Из пяти миллионов вывезенных обратно вернулось только три, остальные погибли. Для большинства это было настоящее рабство, немцы считали русских говорящими животными и обращались с ними соответственно, хотя были и исключения.

В 1945 году эти люди превратились уже в репатриантов, но домой, за редким исключением, так и не попали. Как же они радовались вначале, когда их везли на восток. Каторга закончилась, они наконец-то вернутся домой, на Родину — к родным, но, как писала одна из женщин-репатрианток: «В Германии мы были русскими свиньями, а у своих, с лёгкой руки НКВД, стали немецкими подстилками».

Репатрианты стали на Родине людьми-изгоями. С чужбины их вывезли в Сибирь, на Урал, кого-то расстреляли на пересыльном пункте, многие прямым ходом были направлены в лагерь, которые не были готовы к большому наплыву людей. Я не единожды был свидетелем, как оскорбляли на Динасе репатриантов их коллеги рабочие, как их упрекали в том, что они всю войну вылизывали немцев. Оскорблявшие не думали о том, что сами могли оказаться на их месте, что им просто повезло, что не они жили на территориях, попавших под оккупацию.

Я тоже, как и все, по глупости и по молодости относился к этим людям без должного сострадания, как к людям второго сорта. Сейчас мне стыдно за это. **VG**

▼ Каслинский р-н,
село Воскресенка,
1950 г.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Студенников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машиностроительном заводе, выпуская гранатометы для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинск-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожилов, в том числе бабушки Е. М. Васильевой, пожившей еще «при помещике». Собирает предметы быта, фольклорный материал, старые фотографии, изделия домашних промыслов. В городской газете «Вестник» открыл и вел рубрику «Истоки». Сотрудничает в «Южноуральской панораме», «Каслинском альманахе» и снежинском «Свете памяти», местных газетах. Живет в Снежинске.

Похороны на селе

У Воздвиженки, имеющей многовековую историю, много устоявшихся традиций и обрядов. Даже приток вербованных и приезжих специалистов не сумел что-то изменить, внести новое.

Я хочу рассказать, как происходят похороны (происходили) в Воздвиженке. Усопшего клали в гроб (домовина), перед этим проходило обмывание. Тех женщин (старые девы), которые омывали на полу у порога (мёртвую воду выпивали в глубине двора), чтоб покойный ушёл с чистой душой и телом, благодарили (дары), они же и одевали усопшего. Потом ставили гроб с телом по диагонали избы к божнице головой (при отпевании в храме гроб ставили посреди, против Царских Врат нога-

ми в сторону алтаря). В руках у покойного горела свеча, а также у изголовья и ног (как выражение горячей веры, надежды и любви в молитве за усопшего). На голове у крещёных лента, и на груди иконка, тело покрывали тюлем, но от бедности порой покрывали просто платками, а гроб красили марганцем или оклеивали обоями.

Покойный лежал под образами три дня, его окуривали богородской травой (чабрец) — он перебивает запах, если у покойного глаза не закрывались,

▼ Каслинский р-н,
село Воздвиженка

Уральский следопыт, июнь 2019

▲ За упокой души

▲ Поминальная кутья

то их прикрывали медными пятакими. При прощании родственники обходят вокруг гроба с зажженными свечами. Затем его выносят на улицу, стараясь не задеть порог и косяки (чтоб не возвращался по своему следу), и ставят перед оградой. Раньше была мода фотографироваться у гроба, т.к. на похороны съезжалась вся родня. Перед этим близкий родственник выносит кулички или мешочки с дарами «первому встречному», там могут быть пряники, конфеты. Это чтобы он помолился об усопшем и в доме больше не было покойников. Кто побогаче — у того и дары богаче.

А у бедных случались частые покойники не от того, что слабо задалили, а от того, что скудно питались. В Курганской области я видел, как через гроб передавали живую курицу самой бедной из стоящих. Смысл в том, что она более усердно, чем богатый, будет молиться о здоровье этой семьи и поминать усопшего. После выноса тела сразу же переворачивают то, на чём стоял гроб, — табуреты и скамейки, моют пол за покойником (боязнь его возвращения). Зеркала, стёкла занавешивают тканью, которую не снимают до поминок, чтобы душа покойного не заблудилась и не ушла в зазеркалье.

Постояв немного у ограды, гроб как можно дольше несут на руках в знак уважения к покойнику и ставят на машину, сани, телегу (сани переворачивают до 40 дней). Во время шествия

за покойным кидают хвойные веточки (ель — вечное дерево, и когда шел Иисус, ему кидали под ноги её веточки). Навстречу идущие люди, техника останавливаются, нельзя также обгонять процессию или уходить раньше, чем понесут покойного (мы провожаем его, а не он нас). Родственники не копали могилу и не несли усопшего из-за боязни последующих покойников. В похоронной процессии вначале несут венки, потом крышку гроба, гроб с покойным. За гробом идут первыми родственники, близкие, соседи и любопытствующие.

При входе на территорию кладбища, от калитки до могилы, перед шествием кидают пшеницу или рис для кормления птиц, что служит подтверждением двойственного представления о посмертном бытии души в виде бестелесной субстанции.

На кладбище опять прощание. Гроб может быть открытым, если покойный не отпет. Опускают гроб на полотенцах или верёвках. «В любом случае копальщикам и несущим отрывали от этих полотенец по метру». В могилу кидали обязательно деньги, чтоб усопший купил себе место, задобрить (ихнего домового) «дедушко-соседушко», в это время шёпотом просили, чтоб он принял, пристукивая гроб о стенку могилы. «Слёзные» платочки кидали редко (со временем это ушло из традиции), потом присыпали гроб горсточками земли, желая, чтоб земля ему была пухом, и шли на поминальный обед.

Покойного клали ногами на восток и в ногах ставили крест. Изначально ставились кресты восьмиконечные и не только крещёным, партийным ставились памятники с остроконечной вершинкой и звездой. Памятники металлические ставили и верующим, но только в верхней части их венчал крест. Укладывали могильный холмик цветами и венками. Обязательно ставилась оградка. В Каслинском районе ставились венки из литья Каслинского. Венки или цветы к кресту крепили вязками, верёвочками. Практиковалось, что поминки предварительно начинались на кладбище. Садились, бывало, в два захода, это зависело от чис-

ла пришедших и помещения (если два захода, то первый заход — женщины). На столе обязательно кутья, блины, пирог, суп-лапша, второе, компот, пирожки. После чьей-то речи сперва пробовали кутью, затем брали блин, а только после этого стакан с водкой.

Что интересно: в Магнитогорске на обеде подают по два блюда первых и вторых, это значит, за себя и за покойного скушать. На поминках раздавали женщинам головные белые платки, мужчинам носки х/б (помазевые). Кстати, усопший, если очень пожилой, заранее заготавливал новое платье для одевания, заранее на смерть готовил и платки, носки (носовые платочки не практиковались).

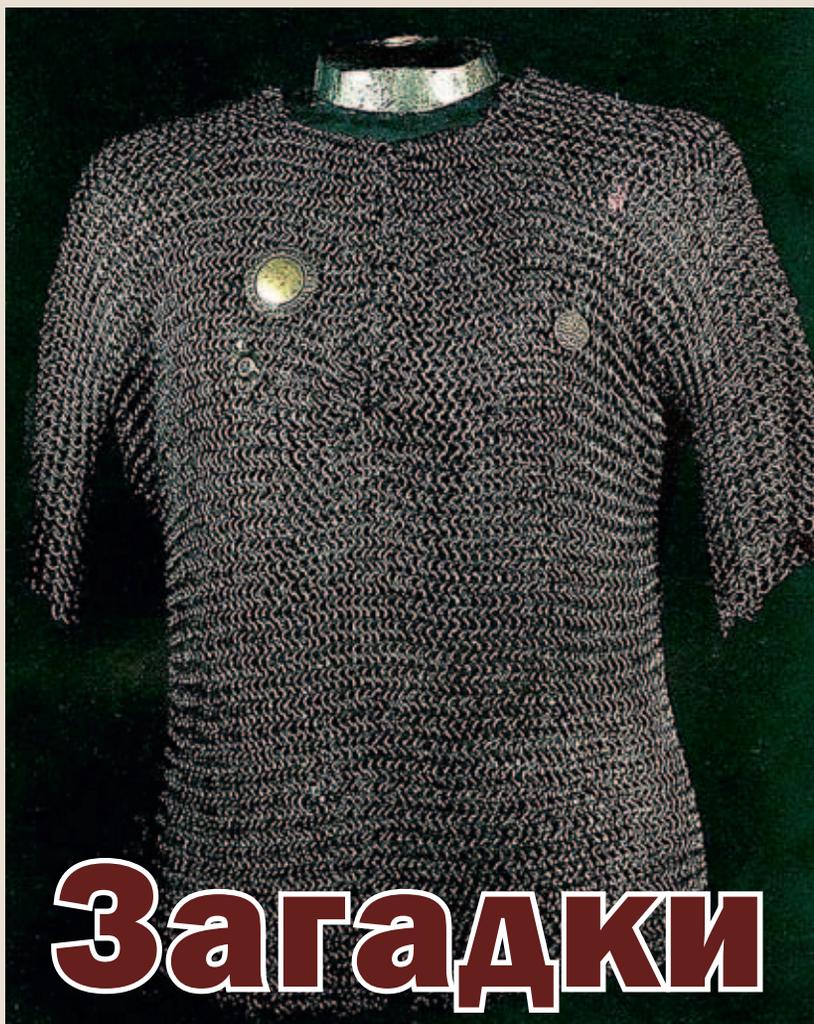
В конце поминального обеда близкий родственник благодарил всех. На девять дней собирались только родственники, после посещения покойного обедали. Ранее существовали «тайные поминки», когда родственники тайком на крыльце или у ограды оставляли поминок самым бедным жителям (их боялись, не зная, кого поминать). На сорок дней, когда душа покидает этот мир, желательно, чтоб пришло сорок человек на поминальный обед. На стол выкладывалось сорок ложек, и кто пользовался, должен их забрать.

Потом отмечали обедом с близкими родственниками годовщину, здесь тоже был обед с кутьёй. Забыл упомянуть, что на оплакивание покойного приглашали опытных причиталок-плакальщиц. Не каждый умеет так причитать, чтоб плакали все вокруг. Причитание было стандартным: «На кого ты нас покинул? Да как мы будем без тебя?». Обязательно присутствующие должны плакать, этим показывая уважение к покойному. В Воздвиженке первоначально не было часовни, отпевали и хоронили в Воскресенске. Когда в 1913 году появилась часовня, отпевали уже здесь, а продолжали хоронить в Воскресенске. В 20-х годах шла антирелигиозная кампания, многие перестали верить в Бога, и в 1936 году начали захоранивать на местном кладбище (в дубраве) коммунистов, комсомольцев без отпевания, да и часовня в эти года была уже под магазином. ❏

► Кольчуга князя Шуйского

▼ Средневековый бердыш в витрине Свердловского Областного краеведческого музея

Загадки старого бердыша

Сергей Скробов

Екатеринбургский историк искусств, журналист, фотограф. Автор многих исследований и книг по истории Екатеринбурга и Урала. Хранитель Музея истории Екатеринбурга.

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Фото автора и музеев
Московского Кремля

В хранилищах свердловских музеев хранятся сотни тысяч экспонатов. Среди них есть настоящие исторические раритеты — к примеру, средневековые военные доспехи и оружие времен освоения Урала.

Большую их часть можно увидеть в «Городке Чекистов» — в залах областного краеведческого музея. Открывает эту уникальную историческую экспозицию необычный бердыш — образец оружия конца XVI века, бытовавшего в Великом княжестве Литовском.

История появления экспоната в нашем музее очень интересна. Во время I Мировой войны из-под Минска (Белоруссия) в Вятскую губернию перебралась семья Иосифа Варфаламеевича Мациевского. Для своих четырех сыновей и дочери он построил большой дом на берегу реки Вятки. Поиски лучшей жизни на этом месте для него и закончились. До самой смерти Иосиф Мац-

евский проработал лесником, охраняя одну из самых красивых дубрав России.

После его смерти дети стали разбирать семейное имущество и неожиданно для себя нашли небольшую коллекцию столового серебра и необычный топор с выбитыми буквами «JG». Последний был покрыт ржавчиной, которую внук И. Мациевского Владимир Петрович аккуратно убрал керосином.

Так, до 31 декабря 1999 года необычный топор, как его называли в семье, хранился в родовом доме. В новогоднюю ночь внук умер, а через некоторое время родственники обнаружили, что семейное серебро и необычный предмет похищены. Как выяснилось позже,

сделал это знакомый, который помогал отапливать старинный дом. Приехавшие милиционеры завели уголовное дело и даже обнаружили некий металлический предмет. А вот оценивать и искать серебро они не стали. По версии правоохранительных органов, оно было очень старым, а значит, не представляло ценности. Правнучка Иосифа Мациевского Ирина Владимировна отдала металлический предмет на экспертизу.

Как ни странно, эксперты из Кировского краеведческого музея определили, что топор конца XIX века и ценности не представляет. Удивившись такой оценке, решили провести еще одну экспертизу в Территориальном управлении по сохранению культурных ценностей в Екатеринбурге. Здесь-то и была выполнена добросовестная экспертиза предмета. Благодаря научному сотруднику Института истории и археологии УрОРАН А.П. Зыкову удалось установить, что данный экземпляр оружия — бердыш, скорее всего, был на вооружении какого-то литовского воинского подразделения во второй половине — конце XVI века, и сам предмет представляет собой ранний образец стрелецкого вооружения.

В энциклопедии холодного оружия читаем. «Бердыш (польск. *Berdysz* — топор) — рубящее древковое холодное оружие в виде топора с широким лезвием (40–100 см) в форме полумесяца на длинном древке (более 2 м). К древку крепился ремень для ношения Б. за спиной. В XV–XVII вв. в России бердыш состоял на вооружении стрельцов, служил также подставкой для стрельбы». Польская энциклопедия добав-

▼ Завоеватель Сибири Ермак Тимофеевич, картина XVIII века

▲ С бердышем наперевес

ляет: бердыш известен еще в Древнем мире, в средневековье получил распространение в XIV в. в Западной Европе. Особенно популярно это оружие было на Руси в XVI–XVII вв. Воевали им, нанося колочие и рубящие удары. Его использовали как подпорку во время стрельбы из мушкета, опирая дуло ружья на верхнюю часть лезвия между острием и древком. Бердыш был оружием польской пехоты времен короля Яна III Собеского (он был меньше и легче московского — 120 см, а не 150, как московский) и выгеснил пику в пехотных войсках и частично саблю. Используя этот бердыш как подставку, стреляли с колена.

Подобные экземпляры оружия уникальны для российских музеев, в наличии их имеется всего лишь несколько штук. Хотя в средневековье их изготавливали крупными партиями по 1–3 тысячи штук.

Обнаруживали подобные предметы и при археологических раскопках на Урале. Так, на Лозьвинском городке в Свердловской области был обнаружен аналог этого экспоната, датированный 1588–1598 годами. Встречались подобные находки и на Донбассе.

Как и каждый экспонат, история которого неясна, литовский бердыш дает возможности для рождения самых смелых версий и предположений. Что обозначают буквы «JC», выбитые на нем? Можно предположить, что это название воинской части «*Jednostka G...*» (*Jednostka* — по-польски, воинская часть). Может быть, это были инициалы владельца или мастера, сделавшего оружие, а может, того, под чьими знаменами и сражались. Если бы наша фантазия была и вовсе безгранична,

то в JG мы бы увидели первые буквы знаменитой *Jasnej Gory* (Ясной горы), на которой был расположен знаменитый Ченстоховский монастырь — одно из главных польских святилищ. В средневековье здесь часто разыгрывались сражения. Но это все лишь версии, боевое оружие, скорее всего, имеет более прозаическую историю.

Удивительно, что такое заслуженное оружие оказалось в глубине России. По всей видимости, для поляка Мациевского (о происхождении более чем ярко свидетельствует фамилия) эта вещь была особенно дорога, если при переезде из Белоруссии в вятские земли он вместе с остальными необходимыми вещами запаковал пятикилограммовый бердыш и хранил его всю жизнь вместе с фамильным серебром. Ныне же этот экспонат весом почти в пять килограммов занимает почетное место в экспозиции Краеведческого музея.

А вот самое древнее средневековое «обмундирование» Урала хранится в хранилищах Московского Кремля. Это кольчуга князя Шуйского, состоящая примерно из 20 тысяч колец. По легенде, именно она была надета на «покорителя Сибири» Ермака Тимофеевича во время его смертельного ранения в 1585 году.

С «Городком Чекистов», где ныне экспонируется средневековое оружие, связан еще один необычный факт. Когда в 1930-е годы строили этот конструктивистский комплекс, то при рытье одной из канав был найден персидский щит — образец старинного вооружения иранского воина. **FC**

▼ Старинные кольчуги, персидское вооружение и боевые топоры в Свердловском Областном краеведческом музее

Возвращение картин Денисова-Уральского

В Екатеринбурге в начале этого года в Музее изобразительных искусств проходила выставка картин известного художника А. К. Денисова-Уральского «Возвращение». Были показаны четыре произведения художника: «Первый снег», «Холмы и леса», «Моя лодка у высокого лесистого берега Чусовой» и «Камень Высокий по реке Чусовой». Полотна представил петербургский коллекционер Рифхат Хасанов.

Картину «Первый снег» собиратель выявил в своей коллекции после просмотра каталога выставки «... Более, чем художник...», проходившей в 2014 году в Екатеринбурге и посвященной 150-летию со дня рождения Денисова-Уральского (1864–2014).

Полотна «Холмы и леса», «Моя лодка у высокого лесистого берега Чусовой» и «Камень Высокий по реке Чусовой» сам художник Алексей Козмич Денисов-Уральский считал утраченными для себя после Всемирной выставки в 1904 году в Сент-Луисе (США) — кар-

тины тогда так и не вернулись в Россию. Эти картины Хасанов нашел, приобрел и вернул в Россию — как раз после юбилейной выставки в 2014 году.

Я просмотрел все издания, посвященные Денисову-Уральскому, и обнаружил две открытки с картин художника, которые нигде не публиковались: «Урал. Соймовская долина» и «Урал. Остатки зимы». Возможно, коллекционеры и исследователи творчества Алексея Козмича найдут место пребывания этих картин и опубликуют их в цветном изображении. **УС**

▼ Денисов-Уральский. Урал.
Остатки зимы

► Денисов-Уральский. Урал.
Соймовская долина

◄ Денисов-Уральский. Урал.
Первый снег

Владимир Трусов

Автор двенадцати книг, в том числе «Особенностей национального туризма на уральской реке Серге» и памятника «Шайтанский завод Никиты Никитича Демидова», в библиографии более 300 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Живет в Первоуральске.

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Иллюстрации
предоставлены автором.

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

Деревенская старина

Сегодня интересно представить, как выглядела деревня Махнёво 100–140 лет назад. В начале деревни, если въезжать от Тагильской слободы, по обеим сторонам улицы стояли невзрачные избёнки на три окна.

В них жили люди победнее, и их было не так много. Центральная часть деревни застраивалась крепкими пятистенками на 5–6 окон или большими одноэтажными домами на 8 окон, со встроенными середниками.

Своеобразная архитектура деревенских домов со встроенными середниками присуща тем населённым пунктам, где население занималось «извозом», или «ямщиной», и встроенная комната в середине дома предназначалась для проезжих гостей. В таком доме был большой двор с крепкими амбарами, сеновалом и большими конюшнями. Одно из последних сохранившихся зданий и сейчас находится по улице Советской № 71. Крыши в таких домах были высокие и крутые, так деревянная кровля быстрее просыхала после снега и дождя. Для утепления потолка использовалась смесь конского навоза и сухой земли или глины. По периметру чердака выкладывались обмолоченные снопы из ржаной соломы. Этот прием тормозил гниение чердачных перекрытий. Отличались деревенские дома, которые строились на Урале и в Сибири, от кре-

стьянских из европейской части России кровлей. Если в центральных областях Российской империи крестьянские избы крылись соломой, то у нас на Урале кровля была тесовая или из дранья (деревянные пластины, получаемые особым способом). Для отопления дома и приготовления пищи в нашем крае использовалась в основном русская печь, и при ее кладке применялся кирпич, т.к. в XVIII–XIX веках в округе было несколько кирпичных заводов. При рубке срубов в нашей местности обычно использовался наиболее надежный способ — «в чашу», а не «в лапу» — потому, что в первом случае лучше сохранялось тепло. Продолжительность жизни крестьянской избы, рубленной из круглого леса, зависела от ее обитателей. При отсутствии периодического капитального ремонта кровли и нижних венцов сруба она стояла не больше 100 лет.

Внешний облик деревенской улицы также отличался от современного. Сто и более лет назад не было палисадных, засаженных цветами и кустарниками. Мода на декоративные придо-

Владимир Кислых

Родился в селе Махнёво. В 1974 году окончил Свердловский юридический институт. После окончания работал следователем прокуратуры Алапаевска. Преподавал историю и основы права в школах Алапаевского района. Автор краеведческих сборников «На дороге в Сибирь». Член Уральского историко-родоведческого общества.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Река времени

▼ Ямская изба

42

Уральский следопыт, июль 2019

▲ Бывшее волостное правление

мовые изгороди пришла в Россию при Петре I из Западной Европы. До уральской деревни она дошла только во второй половине XX века. Окна в домах с наступлением темноты закрывались крепкими ставнями.

Для более яркой иллюстрации крестьянского быта того времени предлагается познакомиться с оригинальными документами. Несколько лет назад при ремонте здания бывшего Махневского волостного правления под полом второго этажа были обнаружены несколько листочков полуистлевшей бумаги. С трудом удалось восстановить их содержание, это было «Дело об установлении опеки над имуществом умерших и малолетних Махнёвской волости». На одном из листов бумаги стоит дата 7 декабря 1876 года. Что же произошло в этот зимний день в д. Махнёвой? Комиссия из пяти наиболее уважаемых

крестьян деревни: Федора Александровича Теснина, Алексея Кузмича Ингодова, Михаила Петровича Палаумова, Захара Петровича Палаумова, Григория Евдокимовича Кислых — пришли в дом умершей крестьянской вдовы Александры Петровны Дружининой и составили опись имущества, оставшегося после неё. Всего перечислено около 40 предметов, здесь есть медный тульский самовар ценой 4 руб. серебром, две женские шубы, зеркало, 2 стола крашенных, платья ситцевые, чулки, 2 скатерти, иконы, кухонная посуда и др. По всему видно, что перечисленные в описи вещи не говорят о бедственном положении умершей вдовы.

В другом документе от 4 июля 1876 года идет опись имущества умершего крестьянина д. Дедохиной Модеста Ефимовича Дедохина, принадлежавшего малолетнему внуку Ивану Григорьеву, составленная сельским старостой Елисеєм Долгополовым, согласно приговору сельского схода Ерзовского общества.

По тем временам опись составлена очень грамотно в виде таблицы, где указаны наименования вещей, количество, вес, стоимость. Так, дом, состоявший из двух изб с крышей, крытой драньем, стоит 20 руб., амбар, крытый драньем, — 2 рубля, далее перечисляются надворные постройки, сельхозинвентарь, лошадь-мерин — 3 руб., рогатый скот: одна корова и две телушки — 12 руб., 3 овцы — 3 руб. серебром, свинья ценой 1 руб. серебром, предметы кухонной утвари, посуда, подсвечник и т.д. Отсюда можно судить о масштабе цен в 70–80-х годах XIX века. Все протоколы подписывал волостной старшина или сельский староста. По причине неграмотности остальных крестьян, они только «рукоприкладствовали»,

т.е. ставили на бумаге особый знак — «крест».

В самом центре поселка Махнево и сейчас выделяется двухэтажное здание с каменным подвалом и балконом на втором этаже. В начале XX века этот дом принадлежал местному купцу Коньшкову, который имел свои лавки как в Махнёво, так и в окрестных деревнях. Кроме него, в д. Махнево торговали Г.П. Плехин (винная лавка), Е.Д. Ингодов (галантерея и мануфактура). В 1901 году на средства Верхотурского земства в деревне было построено двухэтажное кирпичное здание волостного правления. В нем размещались волостной старшина, писарь, агроном, два помощника агронома, представитель страхового общества, почтовое отделение. Здесь же был установлен телефонный аппарат. С 1908 года телефонная линия соединяла волость с Верхотурьем.

По статистическим данным 1869 года, в д. Махнёво было 57 дворов, 169 человек мужского пола и 183 — женского. Основным занятием местных жителей было земледелие. В Махнёвской волости был развит древоизделочный промысел: изготовление деревянной посуды, корыт. По сведениям 1887 года, в семи селениях волости рогожи изготовляли 490 семей. Сбор кедровых орехов в урожайные годы также составлял немалую статью доходов местных жителей. Параллельно с этим крестьяне занимались углежжением. В лесу в особых самодельных печах пережигались березовые дрова и из них получали уголь и деготь. Этот специальный уголь использовался при более качественной выплавке железа на металлургических заводах В. Синячихи и Алапаевска. **УС**

▼ Дом купца Коньшкова

▲ Памятная стела в честь основателей д. Махнёво

Пашкины алмазы

В городе Чусовом Пермского края традиционно проходят Малые Астафьевские Чтения. Сам В.П. Астафьев мечтал написать приключенческую историю о четырнадцатилетнем Павлике Попове, который нашел первый русский алмаз на горнозаводской земле в поселке Промысла в далеком 1829 году.

Землякам Павки вдвойне интересна история его жизни. Обидно, что судьба мальчика до сих пор неизвестна. Автор познакомилась с воспоминанием писателя о его поездке в Промысла (Павел Попов — уроженец деревни Верхнее Калино на реке Полуденке, недалеко от поселка Промысла Горнозаводского района. — Ред.) в рассказе «Русский алмаз», которая оказалась для него неудачной и не вдохновила на создание приключенческого произведения. У автора предлагаемого читателям материала свое видение истории, связанной с Павликом Поповым...

Монотонно скрипя, телега останавливается у двора Поповых. Изба смотрит на свет Божий печально, нахмурившись, словно задумавшись над собственной судьбой. С телеги спрыгивает босоногий Павка, утирает краем рукава мокрый от жары и пота лоб, а потом почти взрослой мужской походкой направляется к шаткому крыльцу, на котором столпились младшие братишки и сестренка Настена. Она бестолково вертит головой, как будто не понимая,

зачем собрались здесь все родные, и, пуская пузыри из толстогубого ротика, неожиданно начинает вопить басом.

Павка подхватывает ее на руки и вместе с малышкой входит в избу.

Полумрак. Прохлада. Тишина. На столе безмолвное, неживое, неестественное тело отца с покорно сложенными на груди руками, в пальцах которых непривычно смотрится поминальная свеча. Его впалые глаза, обведенные синевой, упрямый подбородок и широкие скулы кажутся Павке такими родными и в то же время открывают для мальчика новое и чуждое ему чувство. Лицо отца покрыто мертвенной бледностью...

Подросток стоит у стола и молчит. Замолкла и Настена, будто понимая все происходящее, только слышно ее прерывистое дыхание.

— Мать! Где ты? — но ответа не слышит, значит, мама убежала по делам.

Приказчик поутру вызвал к себе и сразил паренька страшным известием о смерти отца. До сего времени семья жила надеждой на выздоровление

▲ Река Полуденка

▶ Поселок Промысла

Валентина Кошкова

Учитель русского языка и литературы в городе Горнозаводске Пермского края. Печаталась в ряде газет, постоянный участник Малых Астафьевских Чтений.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Иллюстрации предоставлены автором

◀ Гранильная фабрика предназначалась для огранки алмазов

отца, в течение нескольких дней Павка работал на промыслах подручным промывальщика вместо него. Сейчас ощущение пустоты и горя сковывают подростка, комок в горле мешает дышать. За спиной Павка слышит осторожные шаги, затем сдавленные рыдания матери. Он поворачивается лицом к ней, опускает русоволосую голову на ее плечо, и так они стоят безмолвно, объединенные общим горем.

Несколько дней назад в такую же знойную пору его отец, Степан Данилыч, работавший каталом на Кресто-Воздвиженских промыслах, до позднего вечера возил породу к реке Полуденке для ее промыва, пока вдруг не почувствовал озноб и боль в суставах. Видимо, родниковая вода, которая всегда спасала крепостных рабочих в жаркий, знойный полдень своей свежестью, сладковатым вкусом и ломотой зубов, на сей раз сыграла со Степаном Данилычем роковую шутку.

Товарищи под руки привели его в старательский дом, где он провалял-

Заводовладельцы Бисерской горно-заводской дачи — молодая вдова графа Павла Шувалова Варвара Петровна и ее второй муж, граф Адольф Полье — слыли покровителями дела старателей. В угоду хозяевам на Полуденке крепостной работный человек по фамилии Просвирнин обнаружил в 1825 году в логу у речки золотоносные пески. Вскоре именно здесь был заложен Адольфовский прииск, названный по имени его хозяина. С середины 20-х годов началось активное заселение прииска крепостными работными людьми.

Берега речки, поросшие когда-то многочисленным ельником, перемежающимся в некоторых местах скалами, представляли сейчас неприглядный вид: здесь всюду шли промывы песка. Он подвозился на тачках к Полуденке, где была построена запруда. Этой запрудой для артельных рабочих, промывавших в лотках песок, служили тяжеловесные двухсотлетние бревна, крепко сцепленные между собой

для прочности и устойчивости. Из таких же могучих бревен была построена контора золотодобытчиков. Кое-где на берегу ютились избы приисковских старателей. До сего времени Степан Данилыч жил в одном из этих домов, построенных для крепостных на правом берегу Полуденки. Только два раза в месяц навещал он семью, обеспечивая детей кой-каким пропитанием и маломальской одежкой.

— Сбегала заказать гроб, приготовила погребальное, принесла свечи. Детей надо увести к соседям, — сказала мать. — Крепись, Пашенька. Теперь ты за старшего в семье. Больше никому... — Мать за эти семь дней почернела, осунулась и походила на девчонку-подростка. Смотреть на нее сейчас было больно. Чужими, непривычными для Павки были материнские слова. Он слышал их только раз, это было года два назад, когда умерла Катькина мать.

С Катькой их связывали дружеские отношения. Они часто ходили на речку, паши вместе хозяйских коз, собирали грибы в еловом лесу.

С девчонкой было интересно всегда: плетя венок, она пела незамысловатые песни про колечко, про расставание двух возлюбленных да про несчастную девушку, которую выдают замуж не по любви. Грудной голос девочки трогал чувствительную Пашкину душу до слез. Катька умела все: петь, танцевать, выдумывать сценки, представляя себя одной из героинь своей «драмы». Слухи о невероятных способностях крепостной девочки дошли и до управляющего. Он и раньше знал о Кате Северьяновой от деревенских крепостных жителей. Только после смерти ее матери, искусной мастерицы-вязальщицы Полины, вопрос о судьбе девочки он считал делом

► Старый дом в посёлке Промысла

ся в бреду до утра, а утром на телеге управляющего приказано было отвезти его в Калино для излечения.

Все жалели Степана: его трудолюбие, покладистость и незлобливость располагали к нему не только рабочих людей, но и смотрителя, и управляющих. Немногословный, мозговитый и веселый, он часто вспоминал своих детишек: первенца Павлика, помощника в семейных делах, любившего удить хариусов, не по годам серьезного и заботливого, Николку и Глебку, которые были погодками и никогда не расставались друг с другом, балованную всеми маленькую Настеньку. В своей семье старатель души не чаял.

▶ Памятник первому алмазу

первостепенным и не лишенным для него личной выгоды. Выявление талантов среди крепостного люда оплачивалось с лихвой. Да и судьба детей после трагедии в семье оказалась плачевной: слабовольный отец, потеряв опору в семейной жизни, запил, забыл о пятерых малолетних детишках, среди которых двенадцатилетняя Катерина была старшей, дома не появлялся. По решению графини Варвары Петровны Полье, живущей в столице и прослышавшей о талантливой девочке, ее определили в какой-то пансион при театральном училище в Санкт-Петербурге. Все расходы на обучение девочки графиня взяла на себя. С тех пор о Кате Павка ничего не слышал. Остались только теплые воспоминания да мечта о встрече. Осуществится ли она, подросток не знал.

Деньги, посланные управляющим на излечение отца, были уже израсходованы задолго до похорон. На отпевание и поминки ушли средства, которые выделили Павке, отправляя его на похороны с Золотых Промыслов. Отца отпели в местной Воскресенской деревянной церкви, построенной прадедами более двухсот лет назад, и похоронили в родной деревне Калино при большом стечении народа.

После похорон и поминок Павка привел домой братишек, Настена заснула у соседней, те пожалели малышку, не стали будить и оставили ребенка у себя до завтра.

Глаз Павки были сухими, он как-то сразу стал взрослым. В нем чувствовалась крепость породы Степана Попова. Светлые волосы и голубые глаза, казалось, делали его беззащитным и слабым, однако выдающиеся скулы и упрямый подбородок говорили о недолгой моральной крепости. На плечи этого четырнадцатилетнего парнишки легла ответственность за всю семью.

После похорон отца Павка отправляется в Промысла как настоящий рабочий человек. Он выполняет две несложные операции: подвозит песок на тачке, а потом промывает его, помогает взрослым старателям. Казалось бы — чего тут сложного. Но угнетают жара, оводы, терзающие своими неожиданными болезненными укусами, изнуряющая своим монотонным процессом однообразная, повторяющаяся изо дня в день работа с раннего утра до позднего вечера. Хочется бросить тяжелую тачку, сказать какие-нибудь дерзкие слова надсмотрщику Горбунову, грубому и жестокому, или плюнуть в его сытую, вечно недовольную, подозрительную, злую физиономию и уйти домой, туда, где его любят и ждут. Но он сейчас старший в семье, ему надо поднимать на ноги двух братишек и сестренку. Да, реальная жизнь оказывается суровой и жестокой, не жалеющей ни больных, ни слабых. Но в душе Павки теплится мечта.

Когда-то отец, навещавший семью через каждые две недели, рассказал ему о таинственной речке Золотарке, протекающей по одноименному логу. По берегам этой речки находили россыпи золотого песка. Старатели-любители становились владельцами золота, которое позволяло им получить вольную. Об этом он рассказал своему приятелю Ване Соколову, живущему с ним в доме для рабочих. Оба не были лишены приключенческой жилки и впитывали все новости, связанные со старательскими тайнами. На прииске Рудольфа Полье мальчишкам не везло: золота им не попадалось. Подросткам хотелось заняться частной золотодобычей, но они не были вольными и зависели от господ, хорошо зная об указе смотрителя прииска собирать все интересные камни: «Смотри у меня, увидишь блестящую бусинку или цветной минерал — бегом ко мне!».

— Перекур! — кричит смотритель, и Пашка, бросив тачку, усаживается на камень-голыш. Недалеко от него уже отдыхает на пенке чернородый галах по имени Макар. Он обзлен на весь белый свет и предпочитает находиться в одиночестве.

Пашка смотрит по сторонам и не видит Вани. Куда тот подевался? Со стороны Рудольфовского лога в сторону Полуденки идут разморенные старатели, среди которых наконец мальчик замечает Ваню.

— Что случилось? Почему ты такой растерянный? — спрашивает его Павка.

— Смотритель вызывает. Говорят, что приезжает граф Полье с каким-то ученым.

Оба мальчика направляются к конторе, где Ваню ждет смотритель. Ваня маленький, худенький, едва ли можно дать ему четырнадцать лет.

Смотритель входит в контору вслед за Ваней. Беседа занимает не более пяти минут, и вскоре Ваня выходит отсюда обрадованный. Оказывается, смотритель предупредил Ваню о том, что граф придет в Промысла с каким-то иностранцем, поэтому нежелательно Ване, похожему на десятилетнего ребенка, показываться на глаза именитых гостей. Павка рад за товарища, они направляются к лоткам для промывания песка.

Если им повезет сегодня, то на дне лотков узкой полоской заблестят крупинцы золота. Только Павке, подручному промывальщику, почему-то не везет. Ничего интересного. Павка приготовился перевернуть лоток с пустой породой, как вдруг заметил в ближнем к нему углу лотка прижавшийся к стенке прозрачный камешек, заинтересовавший подростка. Таких он не находил никогда. Мальчик держал его в руках и любовался. Был он не более полукарата, но тяжеловатый для своего раз-

мера. Юному старателю даже показало, что он переливается радужными цветами.

— Что у тебя? — спросил Горбунов, когда мальчик вошел в контору. Смотритель долго разглядывал неизвестный минерал, затем почмокал жирными губами и произнес безразлично: «Тяжеловесный топаз». Камень стукнулся о стенку деревянного ларца, куда складывались камешки неузнанной породы.

На следующий день Пашка на дне лотка он вновь нашел «тяжеловесный топаз», вернее, их было два, но эти они отличались особенным блеском, хотя были бесцветны и уступали по размерам первому. Меньший из двух найденных Павка решил оставить себе на память. Через три дня в деревянном ларце смотрителя Горбунова лежало три «тяжеловесных топаза»: два — Павки Попова, а третий принадлежал Ване Соколову.

Немецкий горный специалист, которому предложили посмотреть коллекцию найденных старателями неизвестных камней, опытным глазом определил, что найденные Павкой и Ваней «топазы» вовсе даже не топазы. Это были первые русские алмазы, начавшие историю алмазных экспедиций в России, а для Павлика и Вани Соколова тепшили надежду на освобождение от крепости.

Павка уверенной походкой шагнул по разбитой тележными колесами дороге. Парнишка не знал, что ждет его впереди, исполнится ли его заветная мечта, сможет ли он найти Катку в далеком Петербурге, хозяин которого император Николай. Поможет ли маленькому крепостному всемогущий царь или накажет за смелость, похожую на вызов? Ему должен помочь заветный камушек, о котором знал только его друг Ваня Соколов. Он спрятал алмаз в складку своей рубашки, сделав вручную иголкой искусный кармашек, невидимый завистливому жадному глазу.

Парнишка присел отдохнуть, достал из-под рубашки бутылку с водой,

напился теплой до тошноты водой из речки Полуденки и поднялся. Надо было торопиться, чтоб добраться до темна до столбовой дороги, где страннику, отправляющемуся в дальний путь, может найтись местечко в телеге.

Боковым зрением мальчик увидел быстро догонявшего его бородатого человека. Когда он приблизился, Павка узнал его. Это был угрюмый Макар, о котором ходили разные слухи и которого Павка почему-то очень боялся. Про Макара говорили, например, что это бывший каторжник, сбежавший из мест поселения. Сейчас он жил в Промыслах одиноко, ни с кем не общаясь, выполняя свою монотонную работу каталья. Никто не интересовался его прошлым, ни с кем он не делился и настоящим.

— Стой, Пашка, что же ты так торопишься? — голос Макара дрожал от волнения. — Насилу догнал тебя. — Куда ты пошел, зачем?

— Дядя Макар, мне надо, я тороплюсь.

— Хитрый ты, малец, спрятал камушек от приказчика и помалкиваешь. А если я расскажу?

Пашка молчал. Он не знал, что старый каталь давно наблюдал за Ваней и Павкой, подслушивал их тихие разговоры о золоте и алмазах, найденных ими, юными старателями, и завидовал черной завистью. Он продумал хитроумный план и ждал удобного случая. Глаза Макара бешено сверкали и вызывали тревогу в душе Павки.

— Отдай мне камень, зачем он тебе? У тебя впереди целая жизнь. Еще обогатишься. Отдай, Пашка. Говорю, отдай! — Макара как будто прорвало, глаза его сверкали недобрым огнем, а в руке блеснул нож.

Павка стал было отступать, но вдруг неожиданно рванул навстречу опасности. Парнишка схватил соперника за запястье правой руки, сильно стиснул — и нож выпал из руки злобно-го галаха, тот же левой рукой обхватил Павку за плечи, а правой рукой впился в горло мальчишки. Резко рванувшись из цепких лап врага, Павка освободился и побежал, Макар тяжело дышал за его спиной, не отставая. Вдруг пронзила страшная боль в затылке, Павка стал медленно опускаться на пыльную дорогу...

Когда он очнулся, то увидел над собой заходящее солнце. Было тихо и прохладно, ветки древних елей шевелились. Под лучами заходящего солнца лес казался мутно-красавым. До слуха Павки донеслось мамино ласковое бормотание.

— Пашенька, сынок, потерпи, — шептала мать, хотя рядом он ее не ви-

дел, но догадался, что это она помогала ему справиться с болью. — Скоро будет легче.

Мама была с Павкой всегда, когда он нуждался в помощи, поэтому он не удивился ее появлению на этой дороге.

Болела голова. Топшило. Теперь он видит маленькую Настену. Она протягивает к нему ручонки и молчит. Рядом с ней крепкий, коренастый батя, это он держит Настену на руках и пристально смотрит на Павку, пытаясь что-то сказать, но Павка его не слышит. Мальчик отводит глаза от родных в сторону, где будто столпились ели и... видит Катю.

Она приотлилась за мохнатой еловой веткой, словно прячась от него, и улыбается. Павке надо приподняться, он делает попытку, но чувствует, будто приклеен чем-то липким к земле. Этой вязкой жидкости так много, что мальчику кажется, он вот-вот утонет в ней. Павка догадывается, что это кровь. «Видно, дядька Макар попал камнем в голову», — промелькнула мысль и исчезла.

Над ним склонился бородатый мужик. Павка пытается вспомнить, кто это, а бородатый ошупывает его одежду своими большими черными руками, пытаясь что-то найти. Движения чужака грубы и похожи на пытку, потому что вызывают нестерпимую боль. Наконец он прекращает мучить умирающего, найдя в складках Павкиной одежды то, что искал. Задумавшись, глядит сумасшедшими глазами на Павлика, затем хватает подвернувшийся под руку увесистый придорожный камень и обрушивает его на беспомощного, умирающего подростка. Павка теряет сознание. Теперь навсегда.

P.S.

С тех давних пор прошло, друзья, почти двести лет. Алмазы сейчас добывают в разных уголках России. Только Павел Попов был и будет уникальным четырнадцатилетним крепостным старателем, нашедшим в нашем районе, в поселке Промысла, первый алмаз. Это его рука, символизирующая трудолюбие и мастерство, приподнимает драгоценный земной дар над серой обыденностью жизни. Память об этом подростке сохранится в истории Горнозаводского района и России уже потому, что он сам был отмечен Богом, ведь только простым, трудолюбивым и добрым людям даются великие открытия.

Канули в Лету имена графов и смотрителей, а Павка, одержимый мечтой принести счастье не только своей семье или Кате Северьяновой, а еще сделать богатой нашу Родину, а людей счастливыми, подарит ей надежду на будущее. Это наша история и наша гордость. **УС**

Торговая компания
Люмна
книги учебники канцтовары

г.Екатеринбург, ул.Студенческая, 1В;
(343) 228-10-70- отдел реализации ;
г.Березовский, ул.Уральская, 132
(343) 344-40-60 - отдел реализации

www.lumna.ru

- **КНИГИ**
- **УЧЕБНИКИ**
- **МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**
- **НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ**
- **ОТКРЫТКИ**
- **КАНЦТОВАРЫ**
- **ИГРУШКИ**
- **СУВЕНИРЫ**

Магазины "ЖИВОЕ СЛОВО"

г. Екатеринбург

ул. Победы, 38 +7 (343) 330-16-82
ул. Пехотинцев, 6 +7 (343) 323-81-81
ул. Родонитовая, 9 +7 (343) 381-35-43
ул. Волгоградская, 190 +7 (343) 234-47-73
ул. Блюхера, 12 +7 (343) 374-53-81
ул. Крауля, 44 +7 (343) 278-40-46
пр. Космонавтов, 72 +7 (343) 216-38-21
ул. Красных Командиров, 23 +7 (343) 367-71-23
ул. Грибоедова, 12 +7 (343) 258-43-45
ул. Гагарина, 1 +7 (343) 374-76-37
ул. Кировоградская, 4 +7 (343) 317-25-95
ул. Вильгельма де Генина, 37 +7 (343) 205-98-29
ул. Баумана, 35 +7 (343) 300-17-44
ул. 8-марта, 167 +7 (343) 300-65-50

г. Каменск-Уральский

Комсомольский б-р, 39 +7 (3439) 540-510
ул. Победы, 4 +7 (3439) 370-567

г. Нефтеюганск

М-н «Канцлер», 13 микрорайон, 4 ... +7 (3463) 244-141

г. Сургут

ул. Университетская, 29 +7 (3462) 95-14-46

г. В.Пышма

ул. Кривоусова, 55 +7 (34368) 7-91-56

г. Березовский

ул. Гагарина, 17 +7 (343) 385-66-52

г. Ишим

ул. Горького, 28/9 +7 (34551) 5-09-05

ул. Советская, 19 +7 (34551) 5-12-38

г. Асбест

пр. Ленина, 21 +7 (34365) 2-95-73

г. Серов

ул. Ленина, 148 +7 (34385) 7-50-70

г. Новоуральск

ул. Комсомольская, 18 +7 (34370) 7-100-7

г. Миасс,

пр. Автозаводцев, 52 +7 (3513) 26-65-74

г. Н. Тагил

пр. Мира, 37 +7 (3435) 379-731

ул. Фрунзе, 42 +7 (3435) 379-732

ул. Пархоменко +7 (3435) 379-733

г. Челябинск

ул. Комарова 110 +7 (351)220-28-70

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www uralstalker.com

ISSN 0134-241X

Июнь 2019

Элита

50

Законы Вселенной

РОД ВЕЛИЧ

Я приду за тобой даже в ад

50

81

Повод для улыбки

АЛЕКСАНДР ЮДИН

Паразит

81

Я приду за тобой даже в ад

Род Велич (псевдоним)

Родился в Киеве. С детства увлекали естественные науки, теории возникновения Вселенной и, разумеется, научная фантастика. После окончания политехнического института занялся компьютерной графикой и дизайном. Это в значительной мере определило интерес к жанрам техно-триллера и киберпанка. Писать начал достаточно поздно, когда появился определённый багаж знаний и понимание, что хочется сказать людям. Финалист многих конкурсов фантастических рассказов. Публиковался в альманахе «Astra Nova» и журнале «Мир фантастики». Повесть «Я приду за тобой даже в ад» — попытка заглянуть в далёкое будущее, где технологии и проблемы человечества сместились в сторону мира биологических и генетических модификаций.

* * *

В харчевне растревоженным термитником копошится толпа. Неоновые отблески змеятся по белоснежным стенам. Слух ласкает вязкая музыка, словно колыбельная из детства. По вечерам такие заведения доверху забиты обитателями улья. Я смотрю на однообразие лысых голов и облегающих комбинезонов. Лишь цвет одежды выдаёт касты клонов: белые — из высшей, синие — у работяг, есть даже парочка серых. Низкокастовым здесь не место — наверное, просто уборщики.

— Наконец можно расслабиться, — я блаженно потягиваю молочко из бокала.

Сайто-5, мой напарник внушительной комплекции, хмурит брови.

— Не рановато ли, Дик? В Джакарте нас тоже могут искать. Половина Палеарктики хочет нашей крови.

Я лишь хмыкаю.

— Не думаю, что их ищейки зайдут так далеко. Тем более, мы...

— Да, сменили тела. Но всё же.

Сайто поглаживает лысину. Мы оба побрились, чтобы не выделяться из толпы.

— Не парься, — хлопаю его по плечу. — Тут хорошие безопасники. Они не выпустят чужих.

— Они-то меня и волнуют, — выдыхает он. — Вдруг им не понравятся наши липовые визы?

— Да брось! Ты же сам их делал. — Я поднимаю полупустой бокал. — Давай лучше ещё по молочку. В Джакарте отменное пойло.

Я снова прикладываюсь, ощущая лёгкий привкус каннабиноидов, но Сайто лишь нюхает белесую жидкость.

— Сперва закончу анализы. Чёрт его знает, что туда подмешивают.

— Порой твоя паранойя бесит, — фыркаю я и делаю большой глоток. — Спорим на двести капсул, что всё будет чудесно?

Но Сайто серьёзен как филин. Его глаза поблёскивают, сканируя помещение. Такие делают лишь под военный заказ. Потухни сейчас свет, он будет видеть всё как днём.

— Я профи, — отвечает он. — Я всегда жду угрозы. Иначе закончится как в Ноструме.

На его суровом, словно у каменной статуи, лице — ни тени иронии.

Чёрт бы побрал эти угрозы! ДНК-маркеры, химические визы, искусственные феромоны — сколько всякой дряни придумали конгломераты, чтобы отличать своих от чужих.

— Но мы ведь сбежали тогда. Комбинация Раз-Два-Три, помнишь? — я пробую подмигнуть ему, но Сайто непробиваем.

— Да. Чудом ноги унесли.

Достал меня этот унылый бубнёж. Я толкаю Сайто локтём и одним махом осушаю остатки.

— Ты как знаешь, а моё новое тело требует хорошей попойки, — я протягиваю бармену пустой бокал. — Эй, братишка, ещё дозу, пожалуйста!

Работяга у стойки послушно его наполняет. Когда в улье тебя приняли за своего, жизнь становится раем. Жильё, еда, выпивка — всё задаром. Разумеется, в пределах статуса твоей касты. А касту мы себе выбрали среднюю — бонусов достаточно, но проверяют не так часто, как высших. В подтверждение — краденые синие комбинезоны, внедрённые в ДНК вирусные маркеры и уколы с поддельными феромонами. Здесь на каждом углу химические анализаторы, распознающие твою принадлежность. За окнами темнеет. Синие работяги незаметно расходятся. В харчевне остаётся лишь парочка в белом. Наверное, лабораторники или управленцы. Серый уборщик старательно скоблил пол в углу.

Хорошо вернуться в Джакарту! Мы здесь не были уже лет десять. Стерильная чистота и комфорт. Отличное

место, чтобы передохнуть, прежде чем я продолжу свои поиски.

За наш столик подсаживается невзрачный человечек в синем.

— Хороший аппетит, братья! Давно в нашем улье? — сияет он улыбкой.

— Слышь, ты, братишка, — Сайто хмуро мерит его взглядом. — Тебя вроде не приглашали. Нам с товарищем переговорить надо.

Незнакомец поднимает брови:

— Какие могут быть секреты? Мы все здесь — братья!

В его словах есть доля истины: клонов в ульях штампуют по генетическому шаблону близких родственников. Но в глазах Сайто мелькает бешенство. Это уже перебор. Не стоит так выбиваться из дружелюбного этикета местных.

— Полегче, дружище! — я кладу ему руку на плечо и с улыбкой поворачиваюсь к незнакомцу. — Простите грубые манеры моего товарища, ему при клонировании что-то с генами напортачили. Мы тут недавно: узнали в нейронете, что нужны работяги, и прилетели вербоваться.

Легенда звучит правдоподобно. В Джакарту из других ульев Индомалаи прибывают многие в поисках работы. Это должно объяснить наши отличия. Человечек сопит, раздувая мешки возле носа. Странная модификация — интересно, кто он? Местный лабораторник?

— Только прибыли и уже двойные порции заказываете? Очень интересно, — незнакомец часто моргает. Нехороший знак — возможно, признак нейрокоммутации.

— Эй, братишка, ты что-то слишком внимательный для работяги, — я стараюсь сохранять мягкость в голосе.

— Разумеется. Я Джоко-13, ищейка конгломерата Борнео, — он разваливается в кресле, и на комбинезоне вдруг проступают красные полоски безопасности. — Но вы ведь тоже не работяги, правда?

— А кто же? — стараюсь я выдать смех. — Мутанты из дикого гнезда?

Внимательно разглядываю Джоко. Его заурядная внешность скрывает возраст. Ищейка тринадцатого респауна? Опытный, гад!

— Думаю, вы — рейдеры, — хитро щурится он. — Паразиты ульев.

Он нас провоцирует?

— Что за бред? У нас есть визы! — я изображаю удивление и протягиваю ищейке запястье. — Вот, понюхай.

Джоко принохивается. Теперь понятно, зачем ему модифицированный нос. Я горячно размышляю, где же мы прокололись. Сайто не новичок, чтобы заказать ДНК-маркеры у палёных хилеров.

— Не пытайтесь водить меня за нос, он слишком чувствительный, — ухмыляется Джоко.

Я хмыкаю в ответ. Надо же, у ищеек тоже бывает чувство юмора.

— Маркеры вы подделали неплохо, но... — Джоко придвигается ко мне, словно доверяя страшную тайну, — вы пропустили Танец Единения.

— Что? — моё удивление неподдельно.

— Ну, конечно, вы не знаете, — в голосе ищейки сквозит ирония. — Мы постоянно совершенствуем методы выявления паразитов. Культ Единения внедрён в ульях Борнео совсем недавно. Ежевечерние процессии, танцы, плюс немножко нейропрограммирования — это весьма укрепляет лояльность конгломерату. Слышите музыку на площади?

Из приоткрытых окон едва доносятся ритмичные звуки. Лазерные блики вдали танцуют на белоснежных башнях.

— Пройди вы легальную инициацию, гормональная волна сама пригнала бы вас на площадь Единения, — на лице Джоко торжествующая улыбка.

Чёрт! Стоило вовремя разузнать о новых ритуалах в Джакарте. Ну, да ладно.

— Всё это очень интересно, но... — я беру ищейку за руку, и он вдруг замирает, глядя в одну точку, — посмотрим, как ты поумничаешь под моим гипноконтролем.

На мгновение я проникаю в его сознание. Незакрытые дела, розыскные списки — точно ищейка! Кажется, даже мелькнула карточка с моим именем. Или показалось?

— Уходим, Сайто! — я встаю из-за столика.

Но парализованный Джоко вдруг произносит совершенно иным голосом:

— Не так быстро, Дик-3! Мы следили за вами. Вы нужны конгломерату по важному делу, иначе уже давно были бы мертвы.

Этого стоило ожидать: мозг ищейки коммутирован в эндонет — внутреннюю нейросеть конгломерата. И теперь, когда сознание Джоко уснуло, его устами, заговорило начальство. Дверь с треском вылетает, и в харчевню вламываются солдаты с игломётами. Их тела так обросли мышцами и щитками, что не поймёшь, где кончаются сине-красные комбинезоны и начинается модифицированная плоть.

— Поздравляю, Сайто! Ты снова выиграл двести капсул, — говорю я, поднимая руки. — Но если хочешь их получить, давай сперва вспомним комбинацию. Раз!..

Я пинком переворачиваю стол, и мы прячемся за ним прежде, чем солдаты открывают огонь. Не знаю, из чего тут делают мебель, но иглы в ней вязнут отлично. Я выпускаю Коготь. Чёрт бы побрал эти облегающие комбинезоны, серьёзное оружие под ними не спрячешь!

— Два!.. — команду я и Когтём отрубая ищейке руку, в которой вдруг возник портативный игломёт.

Модифицированные ноги Сайто вытягиваются, и он делает громадный прыжок. За его спиной расправляют-

ся крылья, но совсем не для полета. Взмах! И острые как бритва костяные лезвия сносят голову одному из стрелков у двери; другого — ранят точно в зазор между щитами. Тот валится на пол, испуская пену, — нейротоксин убивает мгновенно. Но это ещё не всё. Солдаты лезут из всех щелей. Очередь игломётов рвут в клочья зазевавшихся рабочих, алые брызги летят на белоснежные стены. Сайто прыгает, будто сатир, уклоняясь от игл, и в итоге приземляется на балке под потолком. Джокко всё так же неподвижен. Из руки хлещет кровь, но он даже не изменился в лице:

— Дик, харчевня окружена дикобразами. Даже ваше козлоногому другу от них не сбежать.

За окном гигантскими кузнечиками шлёпаются с крыш всё новые солдаты. Их конечности, странно вывернуты в суставах. Это «блошинная нога» — новейшая военная модификация — делает их такими прыгучими.

— Зря вы нас пугаете своими мутантами-черепашками! — я палю в дикобразов из отнятого у Джокко игломёта.

Пусть не спешат праздновать победу! На счёт три я включу нейроускорители, и они даже не заметят, куда мы делись.

— Хватит, Дик! У нас всего один вопрос, — продолжает чужим голосом вещать Джокко. — Вы знаете Орфея?

— Что?! — я замираю за секунду до финального отсчета.

Перед глазами бегут давно забытые образы. Дикий пляж. Руины древнего города. Подростки под пальмами. «Орфей!» — кричит кто-то, и всё тает во мраке.

— Мы же пытались говорить спокойно, Дик. Зачем так дёргаться? — обездвиженный Джокко исправно ретранслирует голос конгломерата. — Верните ищейку в сознание, и мы продолжим деловой разговор.

— Ну же, Дик! — доносится из-под потолка крик Сайто. — Бежим! Чего ты ждёшь?!

Он готов сорваться с места. С распростёртыми крыльями-лезвиями Сайто выглядит грозно, словно ястреб в курятнике. Но финальной команды не последует.

— Минуту! — бросаю я ему и разворачиваюсь к ищейке. — Отведите дикобразов и сразу к делу.

Солдаты дружно опускают стволы и пятятся к двери. Как только я вывожу Джокко из гипноза, он стонет и сжимает покалеченную руку. Но тут же производит над собой огромное усилие, чтобы заклеить рану гелевым пластырем и сделать укол. Наконец ищейка вытирает со лба испарину и вздыхает.

— Так-то лучше, — говорит он прежним тоном, расплываясь в наркотической улыбке. — В руководстве Борнео наслышаны о вас, Дик. Среди рейдеров хорошо отзываются о вас с вашим... э... партнёром.

Ищейка косится на Сайто, и я раздражаюсь.

— Ближе к сути!

— Нам известно, что экземпляр Райт-1, известный также как Орфей, был пойман хедхантерами, декапитирован и помещён в мыслительный бак улья Ахерон. Мы хотим выгащить его оттуда, дать новое тело и хорошую работу в нашем конгломерате. Но нужна ваша помощь. Вы ведь его искали по всей Палеарктике? Правда, Дик?

— Что за хрень он несёт?! — из-под потолка недоумевает Сайто.

— Мыслительный бак? — переспрашиваю я.

Джокко ухмыляется.

— Это новая технология. Изолированная ёмкость, где десятки талантливых мозгов, лишённых тела, работают над проектами высокой важности. Никаких угроз и утечек информации. Нулевой риск побега. Внутренняя нейросеть объединяет их на уровне мысли. Всё вместе это и называют мыслительным баком.

Я невольно тру лоб. Декапитация. Вот почему не удалось найти следов Орфея. От бедняги остался лишь мозг в колбе.

— Вы просите меня организовать утечку мозгов из бассейна с пираниями? — я саркастично щурюсь. — Мы — охотники за биоматериалами, а не камикадзе! Может, предложите менее болезненный способ суицида?

Джоко пожимает плечами:

— Можем переработать вас в биомассу, как разрушителей визового режима.

— Мы теряем драгоценное время! — доносится сверху. С лезвий Сайто на пол капает яд и кровь дикобразов.

Но я лишь откидываюсь в кресле, помахивая трофейным игломётом:

— Питательный субстрат или отрыв башки... Право не знаю, что и выбрать!

— Соглашайтесь, Дик, — нажимает Джоко. — Мы снабдим вас всем необходимым, чтобы проникнуть в Ахерон. А после — щедро вознаградим. Вы же сами хотели помочь Райту.

— А вам что с этого?

Джоко принимает официальный вид:

— В последнее время наш конгломерат весьма озабочен усилением Ахерона. Получив такого уникального генопрограммиста, как Орфей, они стремительно развивают новые виды вооружений. Было уже несколько неприятных инцидентов, когда их модификанты проникали в наши ульи. Если оставить всё как есть, это негативно скажется на балансе сил во всей Индомалае.

— А что насчёт обязательств? — я чуть приподнимаю бровь. — Вы настолько мне доверяете?

— Ну, что вы, Дик! — улыбается ищейка. — Разумеется, вас двоих мы посадим на биоакорь.

— На крючок, значит? — сверху хмыкает Сайто. — И если что, он превратит наши мозги в желе?

— Примерно так, — Джоко пожимает плечами. — Но это лишь плата за доверие.

Кажется, пора мне перехватить инициативу.

— Есть встречное предложение. Вы посадите на якорь только меня, а Сайто останется свободным агентом. Это ведь моё личное задание, правда?

Ищейка мрачнеет:

— Мне кажется, вы сейчас не в том положении, чтобы выдвигать условия.

— Ошибаетесь, — я достаю кожаный мешочек величиной с бычью мошонку. — Наверняка вы знаете что это. Если причините мне хоть малейший вред, биобомба сработает автоматически.

Я чуть сжимаю мешочек, и под кожистой оболочкой разгорается багровое свечение. Дикобразы напрягаются. Ищейка молча моргает, наверное, передаёт информацию начальству.

— Ну, сами посудите, — обращаюсь я не столько к Джоко, сколько к тем, кто смотрит его глазами. — Взрыв будет несильным, но боевые прионы разлетятся по всему улью. Вакцины от них нет, вещество стойкое, инкубационный период длинный. Тысячи работяг начнут болеть и умирать. Придётся на годы эвакуировать половину Джакарты, сжигать тысячи заражённых, — я развожу руками. — У вас так чисто! Зачем вам эта морока? Не проще ли чуть-чуть пойти мне навстречу?

Теперь моя очередь злорадно улыбаться. Ноздри ищейки тревожно раздуваются. Джоко чувствует, что я не блефую, но молчит. Видимо, его начальство совещается.

— Чёрт вас дери! — наконец, говорит он. — Передайте бомбу партнёру, и мы завершим сделку.

— Не надо, Дик! Им нельзя верить! — Сайто всё ещё надеется сбежать.

— Слезай. Комбинацию закончим в другой раз, — киваю я, и он нехотя спускается.

Я отдаю ему бомбу и одновременно целую, передавая изо рта в рот её ключ управления.

— Как патетично, — морщится Джоко.

Я протягиваю ему руку:

— Ну, давай твой якорь!

Ищейка молча вонзает иглу.

* * *

Многотонная громадина гипербаллона вздыхает, словно кит, и, свистя дюзами, поднимается навстречу солнцу. Этот заполненный газом пузырь только что вылетел из Джакарты, унося в себе тысячи пассажиров. Дневные рейсы очень популярны своей дешевизной — фотосинтеты на крыше баллона компенсируют львиную долю расходов газа и энергии. В ушах у меня закладывает от быстрого набора высоты и галдежа на палубе низшего класса. Её переполняют сотни безработных и низкокастовых работников, кочующих от улья к улью в поисках лучшей жизни. Нам легко затеряться в этой толпе.

— Да что с тобой, Дик? Я тебя не узнаю! — Сайто раздражённо барабанит пальцами в стекло иллюминатора. — Зачем было соглашаться на это безнадежное задание? Думаешь, мы не сбежали бы от дикобразов?

Я лишь задумчиво провожаю взглядом сказочные башни Джакарты, мурлыкая под нос полузабытую детскую мелодию.

— Не в этом дело, Сайто.

— А в чём? Только не говори, что скучаешь без работы.

Я смотрю в его гневные филинские глаза:

— В Орфее. Я правда давно его ищу.

Несмотря на каменное лицо, Сайто выглядит удивлённым.

— Сколько лет мы знакомы, и ты впервые это говоришь? — похоже, он не слишком обрадован. — И кто же он? Что в нём ценного?

— Для конгломератов он — супермозг, самородок, настоящий монстр генопрограммирования. Такие как он рождаются один на миллиард, чтобы перевернуть весь ход развития науки и технологий.

— А для тебя?

Я выдерживаю долгую паузу:

— Мы выросли в одном гнезде. Он был моим единственным другом.

Сайто крякает:

— Надо же. Я, конечно, догадывался, что ты самородок, но...

— Извини, я не люблю об этом рассказывать. Когда вокруг одни клоны, сразу выглядишь белой вороной.

Сквозь пузырь органического стекла я вижу, как белоснежные строения внизу уступают место глади океана. Вся она усеяна разноцветными квадратами ферм для модифицированных водорослей. У берега из воды торчат руины древних строений. За последние двести лет целые кварталы Старой Джакарты ушли на дно, но уровень моря всё равно продолжает подниматься. Приглядевшись, я различаю тонкую полоску дамбы, отделяющей новые кварталы от ненасытного прибоя. Там, где росли мы с Орфеем, такой дамбы не было.

— Наше гнездо давно поглотил океан, — вздыхаю я. — Орфей — это всё, что связывает меня с теми временами.

Сайто задумчиво изучает разношерстную толпу пассажиров:

— Клону вроде меня трудно понять вас, самородков. Нас изготовили целой партией по заказу внешней разведки улья Оэдо.

— Живорождение там тоже запрещено? — интересуюсь я.

— Как и в большинстве конгломератов, — пожимает он плечами. — Мы не знали, что такое семья и дружба. Вокруг только сотня близнецов — строим на тренировки, потом на задания. Треть погибла в первом же рейде.

Он замолкает. Сайто редко погружается в воспоминания.

— Через год службы я понял: для конгломерата мы — просто биоматериал, нас израсходуют и выпустят других. А с моими навыками на чёрном рынке с руками оторвут. И тогда я сбежал в рейдеры.

Я тщетно пытаюсь представить себя одним из сотни клонов-близнецов:

— Ты хотел бы встретить кого-то из своих?

Сайто косится на меня, как на идиота:

— Зачем? Любой из них убьёт беглеца, как только увидит.

Он откидывается на спинке кресла.

— Представить не могу, что какие-то двести лет назад все были самородками. А теперь они на вес золота. Хедхантеры с ног сбиваются в поисках интересных генов.

Я лишь хмурюсь:

— Не так уж и весело быть самородком. В диких гнёздах — лишь нищета и болезни, да и мутаций после Четвёртой войны хоть отбавляй. Детей выживает очень мало, и большинство забирают хедхантеры.

— И что? Никто не протестует?

Я вздыхаю:

— Гнёзда — ничто против мощи конгломератов. Они ютятся в тени больших ульев в надежде на защиту и объедки. За это с них собирают дань живым товаром. Живородители всё время дрожат, что нагрянет бригада хедхантеров и обнаружит у их отпрыска какой-то ценный ген.

Сайто морщит лоб:

— Но многие потом занимают уютные места в конгломератах.

— Ага, — кривлюсь я. — А многие превращаются биомассу или заканчивают в мозговом баке как Орфей.

Перед нами вдруг всплывает полупрозрачный призрак Джоко-13. Нейронет передаёт картинку-галлюцинацию прямо в мозг, так что другие пассажиры его не видят.

— Скоро вы прибудете в гнездо Лимбо рядом с Ахероном, — говорит он бесцветным голосом. — Там вас ждёт жильё и оборудование.

— Последний инструктаж? — ухмыляется Сайто силуэту ищейки. — Неплохо бы какие-то разведанные об этом гадюшнике.

Призрак Джоко мрачнеет.

— Сведения весьма скудные. Ни один из наших агентов не вернулся из Ахерона.

— Это вдохновляет, — хмыкаю я.

Джоко делает пасс, и между нами появляется объёмная карта улья.

— Мы провели дистанционное сканирование. Ахерон — это замкнутая структура. Всё спрятано в подземные ходы или накрыто куполами биологического происхождения.

Я рассматриваю на карте грозди пузырей с разветвлённой корневой системой:

— И что нам искать в этой грибнице?

— Сооружение в центре известно как Храм, — Джоко указывает на неровную пирамиду.

— Дворец королевы? — усмехается Сайто.

Но Джоко сейчас не склонен шутить.

— Это важнейшая часть улья. Под Храмом замечен источник энергии. Судя по выбросам радиации, это ядерный реактор неизвестного типа. Мыслительный бак должен быть где-то рядом.

Сайто потирает голову:

— Туманно. Может, поймать ахеронца и поговорить по душам?

— Мы пробовали. Но все пленники оказались невменяемыми, — Джоко разводит руками. — Ясно одно: Ахерон модифицирует своих жителей до неузнаваемости. И физически, и ментально.

— И кто же командует этой психушкой? — шурюсь я.

— При Храме есть существа высшего ранга. Что-то вроде жриц, мы их прозвали менадами. Они как-то связаны с управлением ульем, — Джоко показывает серию неясных картинок с уродливыми, едва похожими на людей существами. — И вот ещё: в Лимбо будьте настороже. Ахерон всё больше прибирает гнездо к рукам. У вас уже есть план проникновения?

Ох, не люблю я, когда меня так грубо контролируют.

— Я действую по обстановке, — скалось я и бью Джоко по больному. — Кстати, как твоя рука, братишка?

Он лишь невозмутимо поднимает культю в бандаже:

— Регенерирует.

Когда гипербаллон снижается, Сайто припадает к иллюминатору. Над линией побережья виднеется конус вулкана Агунг, а под ним — розовые пузыри Ахерона. Вокруг темнеют россыпи бамбуковых лачуг — Лимбо и соседние гнёзда.

— Смотри, тут даже ферм нет, — Сайто указывает на побережье, где океан утыкается в трющобы. — Что они едят?

— Может, друг друга? — угрюмо хмыкаю я. — Ещё не поздно сбежать. Ты же без якоря.

* * *

На привокзальной площади снуют толпы в бурых лохмотьях. Конические панамы аборигенов Лимбо смешиваются с непокрытыми головами ахеронцев. Я смотрю на гигантский пузырь гипервокзала, что выпирает из трющоб как стеклянный гриб среди бурого мха. Гор-

ластые рикши зазывают пассажиров и один за другим исчезают в улочках среди бамбуковых лачуг.

— Я чувствую себя богачом на их фоне, — разводит руками Сайто.

— А я — жуком в муравейнике, — непроизвольно ёжусь я. Наши яркие комбинезоны кричаще выделяются среди здешней нищеты.

Сайто пробует остановить пробегающего ахеронца с тяжёлым мешком:

— Эй, братишка! Как добраться в квартал хилеров?

Но тот не реагирует и тащит мешок дальше. Сайто окликает другого — с тем же результатом.

— Зря стараетесь. Они неразговорчивые, — раздаётся вдруг из-за спины.

Мы оборачиваемся. Из-под широкополой панамы нам улыбается рикша.

— Ахеронцы все такие занятые? — интересуюсь я.

— Скорее пришибленные, вечно спешат куда-то. Хван даже не знает, умеют ли они говорить.

— А ты, значит, местный? — Сайто мерит рикшу взглядом.

Тот снова улыбается.

— Хван из Лимбо. Правда, в Ахероне мне помогли приделать это, — указывает он на коляску.

Только тут я замечаю, что рикша и его транспорт слиты в единое целое. Неестественно длинные ноги переходят в торс, а сзади в него словно вырастает коляска.

— Полезная конструкция, — хмыкает Сайто. — Ты тут вроде таксиста?

— Типа того. Хван живо отвезёт вас в квартал хилеров.

— А что просишь? — я изучаю деревянные колёса по-возки.

— Две капсулы.

— А другого транспорта нет? — спрашиваю я.

— Есть, — шурится Хван и кивает в небо. — Но он намного дороже.

Я вижу, как из-за вокзала взмывает похожий на стрекозу аппарат. Полупрозрачные крылья быстро машут, издавая стрекочущий звук. Ещё несколько таких же машин парят высоко в небе.

— Ладно, держи! — я кидаю капсулу рикше. — Вторую получишь на месте.

Хван тут же распечатывает её и чмокает. В воздухе разносится запах спирта.

— Хороший сироп! Не то, что местные бодяжат, — рикша махает рукой на коляску. — Садитесь!

Мы влезает в шаткую конструкцию.

— Я думал, кентавры давно вымерли, — ухмыляется Сайто.

Я с опаской вцепляюсь в борта.

— Что-то не вызывает доверия эта развалюха.

— Пока не оденемся как местные, пешком лучше не бродить, — Сайто хлопает дверцей, и коляска катит по трущобам.

— Хван тут всё знает. Хван довезёт вас короткой дорогой, — рикша успевает комментировать и улыбаться на ходу.

Коляска лавирует по лабиринтам узких улочек и вскоре выезжает к каналу с буро-зелёной жижей. Местные черпают эту мерзость садками, щедро поливая микроскопические грядки на террасах.

— Ну и вонища! — Сайто, морщась, косится на приборы. — Даже мой дозиметр занервничал.

Но Хван выглядит жизнерадостным.

— Жить возле Ахерона хорошо! Стоки кормят наше гнездо, — указывает он на зелёные террасы.

— Ахеронцы вас не трогают? — интересуюсь я.

— Они нас будто не видят. Всё спешат по делам, — рикша улыбается мне из-под панамы. — Есть ещё рога-тые, от них лучше держаться подальше.

— Солдаты, наверное, — шепчет мне Сайто и обращается к рикше. — Они кого-то убивают?

— Нет. Обнюхивают только. И забирают на работу в Ахерон.

— Всех подряд?

— Нет, кого сами выберут. И такой иголкой в руку колют, — рикша показывает пальцами длину иглы и вдруг делает таинственную гримасу. — А ещё Хван слышал, они детей крадут. Но у Хвана нет детей, Хвану нечего бояться.

— Хедхантеры, — кошусь я на Сайто.

Коляска вырывается к внешней стене Ахерона. Глинобитная громадина напоминает крепости прошлого, только сверху вздымаются розоватые купола инопланетного вида. Они чуть подрагивают и дышат словно живые. Трущобы теснятся вдоль крепостной стены, рядом зияет дыра, из которой льются стоки, питающие канал. Стало быть, вся эта вонючая жижа вытекает из улья. Наконец мы пересекаем людную дорогу, идущую прямо к воротам Ахерона.

— Главный вход? — кивает Сайто.

— Да, но вас туда не пустят, — отвечает рикша, не поднимая головы. — Пускают, кого укололи, а других — нет. Я вижу толпу оборванцев, толкущихся у ворот:

— Местные, похоже, сами туда рвутся?

— Да, там кормят, — чмокает Хван.

Мне всё больше нравится этот простодушный болтун, и я спрашиваю:

— Чего ж ты к ним не идешь?

— А что Хвану там делать? Там молчаливые все, и поговорить не с кем, — он с улыбкой пожимает плечами и вдруг снова понижает голос. — А кто много туда ходит, тот сам молчаливым становится.

Когда коляска въезжает в квартал хилеров, я понимаю, почему Джокко поселил нас именно здесь. Кроме повсеместной нищеты, здешние улочки наводняют толпы больных всех мастей. Тучи мух над гноящимися ранами, стоны и вздохи страждущих в ожидании ле-

чения у местных знахарей. Вряд ли кто-то ещё захочет сунуться сюда по доброй воле.

— Откуда столько больных? — недоумеваю я.

— Эти язвы — последствия жизни у радиоактивных стоков, — хмурится Сайто.

Коляска вдруг останавливается.

— Так быстро, как Хван, вас никто не доведёт! — улыбаясь, рикша открывает дверцу напротив условленной хижины. — Накинете Хвану за старания?

Я кидаю ему капсулу, ласково треплю по спине, а потом даю ещё одну сверх условленного. Рикша рассыпается в радостных поклонах и уезжает. Похоже, по местным меркам это невиданная щедрость.

— Зачем было тратить? — пожимает плечами Сайто. — Под гипноконтролем он бы довёз нас и даром.

— Пожалей беднягу, — отмахиваюсь я. — Зато мы узнали местные новости.

* * *

— Есть что-то интересное? — я отрываюсь от нейроконсоли и гляжу, как Сайто роется в ящиках, оставленных агентами Борнео.

— Местная одежда, неплохие приборы, есть даже небольшой кокон-модификатор. А ещё... — он извлекает увесистую пушку, — я выпросил у них этого малыша.

— Плазмомёт? — хмыкаю я. — У нас же вроде тихая операция?

— Кто знает, как всё обернётся, — вздыхает Сайто, проверяя заряд водородных батарей. — Тебе удалось найти Орфея?

Я возвращаюсь к нейроконсоли.

— Скорее, забросить наживку. Мыслительный бак полностью изолирован от внешнего мира, но они регулярно запрашивают информацию из библиотек нейронета.

Сайто морщит лоб.

— Выходит, это что-то вроде тюрьмы для умников, которым отрезали всё, кроме мозга, чтобы они не сбежали?

— Или мозговой центр улья. С высшей защитой от любого проникновения извне.

— И как же ты свяжешься с Орфеем? — суровое лицо Сайто выдаёт недоумение.

— Я могу отслеживать, какую информацию запрашивают из бака в нейронете. И знаю разделы библиотек, что нужны ему для исследований. Там я оставляю сообщения, понятные только Орфею. Если он их прочтёт, я это замечу.

— А как ты узнаешь, что это он?

— Не забывай, мы росли вместе. Есть вещи, известные только мне и ему. Потому ищайкам Борнео и нужен был кто-то из его старых знакомых.

Сайто захлопывает ящик с плазмомётом.

— Думаешь, он тебя ещё помнит?

— Мозг ничего не забывает, — вздыхаю я.

Перед глазами снова плывут картинки. Песок, море, пальмы. Орфей совсем ещё ребёнок. Помнит ли он хоть что-то из этого? И на меня холодной волной вдруг накатывает страх, который я никак не решаюсь озвучить. Человек ли он ещё? После стольких лет, проведённых в тюрьме для мозгов.

— Интересно, как ему там? — невольно вырывается у меня.

Сайто хмыкает:

— А что ты чувствуешь во время респауна из тела в тело?

Я рассеянно смотрю на консоль.

— Холод, тьму, одиночество. Жуткое ощущение, будто находишься на самом дне преисподней. Потому я и предпочитаю спать под наркозом, пока дозревает новое тело.

* * *

Сверху льёт противный муссонный дождь. Не лучшая погода для прогулок грязными улочками Лимбо, но время нас поджимает.

— Шмотки просто отпад! — я пялюсь на свои лохмотья. — Из чего их только делают?

— Какой-то местный гриб, — отвечает Сайто, также переодетый в аборигена. — Зато мы больше не выглядим белыми воронами.

Я лишь кривлю нос.

— Ну и запах! Надеюсь, нам не придётся носить это долго?

Мы выходим на центральную дорогу. Несмотря на ливень, работяги в панاماх всё также толпятся у ворот Ахерона. Рикши галдят, переругиваясь друг с другом. Вблизи крепостные стены улья выглядят огромными. Это контрастирует с узкими воротами — едва разехаться двум рикшам. Вход преграждают рослые солдаты в рогатых шлемах. Приглядевшись, я понимаю, что это не шлемы — костяные наросты торчат прямо из голов.

— Ну, и как нам пролезть в эту чёртову дыру? — я смотрю, как устрашающие фигуры обнюхивают каждого входящего.

— Рикша что-то говорил об игле, — напоминает Сайто. — Думаю, нужен химический пропуск.

Он оглядывается и указывает на группу рогачей:

— Видишь ту троицу? Похоже, чем-то колот в руки работягам.

— Ну что, комбинация Раз-Два-Три? — скалось я как пёс, учуявший добычу.

Мы с Сайто переглядываемся и приближаемся к очередей.

— Простите, можно вас?.. — говорю я крайнему хантеру и беру его за руку; тот предсказуемо впадает в ступор. — Раз!.. И теперь пошли со мной, рогатый.

Я подмигиваю Сайто и увожу жертву в соседний переулок. В сознании солдата пусто аж гудит. Неужели в улье выращивают полных олигофренов для такой работы? Два других хедхантера растерянно переглядываются и спешат за мной. Сайто тихо крадётся следом. В переулке я разворачиваюсь и делаю удивлённый вид:

— О! Вы за нами, мальчики?

— Два!.. — подоспевший Сайто взмахом крыльев-лезвий сносит обоим головы.

— Как грубо! Чуть меня не забрызгал, — морщусь я, обыскивая парализованного солдата. — Ну где твоя иголка?

— Вот, — Сайто вытаскивает похожий на острую раковину фиал и колет в руку.

Я забираю колочку и делаю укол себе:

— Три!

— Вот и всё, — Сайто с хрустом сворачивает шею последнему хантеру. — Теперь бегом в улей.

Мы не спеша проходим ворота, где нас обнюхивают молчаливые солдаты. Вблизи они ещё страшнее: нечеловеческие морды, громадные клыки, остекленевшие глаза. С ними какие-то четвероногие твари с неестественно длинными носами. Проверка не хуже, чем перед посадкой в гипербаллон. Интересно, что с нами сделают, обнаружив обман? Наконец по тёмному тоннелю мы попадаем внутрь улья. Красноватый свет заливают всё кругом, а высоко над головой, словно надутый бычий пузырь, вздымается перепончатый купол. Он непрозрачный, свет едва пробивается внутрь, и улей тонет в багровом сумраке. А вокруг нас по узким проходам снуют толпы молчаливых работяг.

— Как здесь тихо, — шепчет Сайто.

И правда, после шумного Лимбо непривычная тишина давит на уши. Никто не галдит, не ругается. Только мерный топот тысяч спешащих ног. Кажется, сам воздух здесь тяжелее. Я напрасно взглядываюсь в серые лица ра-

ботяг. Те не выражают ни крупницы мысли, но в их хаотическом движении чувствуется тайная закономерность.

— Смотри, все словно под гипнозом, — я ошалело озираюсь по сторонам. — Что с ними сделали?

— Это ты мне скажи. Ты у нас нейрошаман, — бурчит Сайто и тащит меня дальше.

Проходы между глинобитными стенами трудно назвать улицами. Скорее, это узкие щели, где едва разминутся два человека. Сайто отковыривает кусочек стены, нюхает.

— Чёрт, это же фекалии, — кривится он. — Да тут всё из дерьма построено!

— Дерьмовый термитник, — цежу я сквозь зубы.

— Не нравится мне всё это. Давай быстрее найдём Храм и смоемся отсюда.

Мы ещё долго блуждаем по лабиринтам сумрачных проходов. Они ветвятся, некоторые уходят под землю. Я боюсь нарваться на какую-то внезапную проверку, однако, на нас по-прежнему не обращают ни малейшего внимания. Страх постепенно уходит, похоже, наша химическая маскировка работает. Наконец мы решаемся заглянуть в один из подземных тоннелей.

— Зачем это всё? — оглядываюсь я вокруг.

— Чувствуешь, как тут тепло и влажно? — Сайто вдыхает спёртый воздух. — Думаю, эта система ходов и пузырей поддерживает микроклимат в улье.

Глаза понемногу привыкают к темноте, и я вижу светящиеся россыпи грибов.

— У них тут плантации?

Сайто отламывает кусочек грибницы:

— Теперь ясно, почему вокруг нет ферм. Боюсь, тут могут не только еду выращивать.

Среди грибов, не замечая нас, работяга собирает урожай.

— Может, по тоннелям идти к Храму безопаснее? — спрашиваю я.

Но Сайто смотрит на приборы:

— Чёрт, тут радиация зашкаливает! А ну бегом наружу!

Мы снова выбираемся на поверхность. Кажется, движение вокруг стало оживлённее.

— Храм уже где-то близко, — я вдруг замолкаю. — Стой, что это за звуки?

В воздухе пульсирует нечто похожее на удары тамтамов, но звук такой низкий, что воспринимается скорее животом, чем ушами. Работяги сползаются на этот гул, и мы идём вслед за потоком. За поворотом открывается храмовая площадь или, скорее, камера. Небо сверху заволакивает бордовый пузырь, в который упирается громадная пирамида Храма. По ступеням перед ним движется вереница странных существ. Удлиненные головы, богомольи лапы, толстое брюхо переходит в заострённый хвост.

Я указываю на процессию:

— Это и есть менады?

Сайто морщится:

— Не хватало нам ещё одного безумного культа.

Надо сваливать!

Меня вдруг пронзает догадка:

— Постой! Вспомни наш прокол в Джакарте. Может, нужно пройти церемонию, чтобы стать полностью своими?

Я вижу, как на выходе с площади сгрудились солдаты, похожие на скорпионов. Это какая-то новая модификация: у них длинные хвосты, четыре руки заканчиваются костяными лезвиями, покруче, чем на крыльях Сайто.

— Они что-то проверяют у всех выходящих, — вдруг замечает Сайто.

— Может, галочки за посещаемость? — хмыкаю я и морщусь, вспомнив Джоко и Танец Единения. — Похоже, от церемонии нам не отвертеться.

Между тем, движение перед Храмом оживляется. Вокруг менад копошатся миньоны помельче. Они пережёвывают принесённые работягами грибы и сплёвывают голубоватую жижу в большой чан. Менады по очереди прикладываются к нему. Зрелище крайне неаппетитное. Мне казалось, жриц должны кормить чем-то поинтереснее.

— Только Джоко мог назвать это вонючее капище храмом! — меня едва не выворачивает от увиденного.

Но работяги на площади приходят в возбуждение. Они выстраиваются в длинные очереди к каждой жрице. Теперь на их бессмысленных лицах читается нетерпение. Мы тоже подходим ближе, и я, наконец, вижу, за чем они стоят. С конца хвоста каждая менада выделяет капли тёмной жидкости, которыми она поит работяг. А те с раскрытыми ртами жадно толкуются у ступеней, чтобы, получив свою дозу, отползти к выходу с площади.

— Медку не желаете? — язвит Сайто.

Меня коробит.

— Мы что, должны это глотать?! Меня же вырвет!

К горлу подкатывает комок, но страх быть разорванными стражей ещё сильнее.

— Похоже, другого выхода с этой вечеринки нет, — хмуро замечает Сайто, и мы подходим к менадам.

Вблизи они ещё отвратительнее. По влажным телам струится слизь, в нос бьёт неприятный запах. Но работяги впадают от всего этого в благоговейный экстаз. Я чувствую, как в рот падает обжигающая капля, и пячусь дальше от ступеней.

Сайто хватается меня под руку:

— А теперь бегом отсюда, пока эта хрень не подействовала!

Внутри разливается огонь, и от него кружится в голове. Работяги, солдаты-скорпионы, багровые своды — всё начинает плыть перед глазами.

Словно из глубины колодца до меня долетает голос Сайто:

— Дик, ты меня слышишь? Дик!..

Голос удаляется. В ушах пульсирует не то звон, не то полузабытая колыбельная. Всё растворяется во мгле.

* * *

Мотыльки под крышей хижины бьются насмерть в стекло фонаря. Это первое, что я вижу, приходя в себя. Где я? Похоже на наш дом в Лимбо.

— С возвращением, лежебока! — ухмыляется Сайто.

— Ужас, ну и похмелье... — стону я. — Что за попойка была вчера?

Он лишь иронично шурится.

— Вчера? Скажи спасибо, что вытащил тебя оттуда.

— Откуда? Я ничего не помню.

Сайто возвращается к приборам на столе.

— В Ахероне менады напоили нас дрянью, которая начисто отшибает мозги, — он трясёт склянку с тёмной жидкостью и смотрит на просвет. — Анализаторы говорят: жуткий коктейль гормонов и психоделиков.

— Забавный способ поддерживать лояльность в улье, — я пытаюсь справиться с мыслями, но в голове словно прошёл смерч. — Надолго мы отключались?

— Я где-то на час. Хорошо, что у меня имплант в печени, — Сайто хлопает по рёбрам. — Быстро отфильтровал из крови всё лишнее.

Пытаюсь приподняться, но мне что-то мешает.

— А со мной что? — я с недоумением смотрю на рёвки, приковавшие меня к постели.

— Ты вторые сутки в отключке. И всё порываешься бежать куда-то, — смеётся Сайто. — Пришлось связать тебя и быстрее синтезировать антидот, чтобы нейтрализовать эту гадость.

— Развяжи! — я извиваюсь, как пиявка. — Теперь ясно, почему в Ахероне все такие молчаливые и работающие. Там из людей делают насекомых. С отключёнными мозгами они любой приказ выполняют.

Сайто, смеясь, ослабляет пути:

— Может, не стоит пока? А то опять к менадам побежишь.

— Не смешно! — я злобно зыркаю на него и встаю. Меня шатает, тело едва слушается. — Кто они, эти менады?

Сайто хмурится.

— Женщины-модификанты. Хотя человеческого в них осталось мало, как видишь. Они немые и, похоже, слепые.

— И они там за главных? — удивляюсь я. — Сами-то они разумны?

— У менад аномально большой мозг. Они вроде распорядителей в улье. Не пойму: сами они принимают решения или только передают чью-то волю.

В голове понемногу проясняется. Мы на задании. Орфей!

— И как же нам пробраться к баку? — от приступа головокружения я едва не падаю.

Сайто включает схему Ахерона и увеличивает центральную часть.

— Менады не отходят от Храма. Значит, и бак где-то рядом. Но туда никак не влезть напрямую, это самый охраняемый объект улья.

Я неистово тру виски. Голова — это мой главный прибор. И сейчас он определённо не в лучшей форме.

— И что думаешь делать? — я вопросительно смотрю на Сайто.

— Попроберусь туда ещё раз и выясню, как работает защита Храма. Надеюсь, остатков этой дряни в крови хватит, чтобы меня посчитали своим, — в дверях он вдруг оборачивается. — Кстати, я исследовал твой биоаккорд.

Он мастерски сделан. Наночастицы разлетелись по всему организму и осели в органах.

Ещё новость на мою бедную голову.

— Хочешь сказать, мне даже смена тела не поможет? И как от него избавиться?

— Боюсь, только получив у Борнео деактиватор, — Сайто отводит глаза. — Частицы очень стойкие. Их убьёт разве что кипячение или громадная доза радиации. Это всё равно, что сварить себя заживо.

Голова раскалывается. Этот рейд постепенно становится полным кошмаром. Что ж, будем как-то выкручиваться.

— Ладно, ты осторожнее там. А я проверю наживки в нейронете, — вздыхаю я и ковбляю в сторону консоли. Сайто уходит, бросив на прощание:

— И что ты будешь делать, когда найдёшь Орфея?

В ответ я лишь подмигиваю:

— Я сведу его с ума.

* * *

Двое подростков сидят, обнявшись, на диком пляже. У ног плещется море, пальмы над головой перебирают листьями на ветру.

Сверху пальмы перечёркивает надпись:

«Орфей! Эвридика ждёт!»

И ниже подпись:

«Скучаешь по гнезду? Перейди по адресу...»

Эта и ещё сотни таких же картинок оставлены мной в нейробiblioteке, откуда Орфей черпает информацию для своих исследований. К странице приложена запись старинной колыбельной. Если Орфей ещё способен воспринимать человеческие звуки, он должен её вспомнить. Кто-то из мыслительного бака уже несколько раз заходил на страницу. А потом снова и снова запрашивал один и тот же блок текста:

«кто ты?» «кто ты?» «кто ты?»

Много часов я просиживаю за нейроконсолью. Мы не можем говорить напрямую. В баке слишком много секретной информации, чтобы позволить хоть капле выйти наружу. Но запрос — сам по себе информация. Если предлагать варианты ответов и отслеживать запросы, может выйти подобие разговора. Так общаются с глухонемыми паралитиками, когда лишь взгляд может передать мысль.

Оставляю на странице новое сообщение:

«Я хочу вытащить тебя оттуда»

В ответ — снова запросы. Текст выхватывается отдельными словами, но общий смысл понять можно:

«как... это... возможно...»

Отвечаю с новой строки:

«Это уже моё дело. Ты должен мне доверять»

И опять слова из глубины бака:

«доверять... откуда... знаешь... Эвридика...»

Я сохраняю интригу:

«Мы с ней близко знакомы. Она хочет тебе помочь»

Он сомневается:

«как... могу... доверять... тебе...»

Спрашиваю прямо:

«А у тебя есть другой выбор? Ты хочешь выбраться из бака?»

Ответ:

«хочешь...»

Но Орфей ли это? Я пишу:

«Что ты скажешь Эвридике, чтобы она тебя узнала?»

После паузы рождаются слова:

«демоны... пришли... за... мной...»

Это он! Орфей! Эти слова мог знать лишь тот, кто был на том пляже.

«Орфей, ты готов пойти со мной?»

«что... скажет... Эвридика... чтобы... доверять...»

Сейчас моя очередь писать кодовую фразу:

«Я приду за тобой даже в ад!»

Тишина. Какое-то время из бака не исходит ни единого запроса.

Потом:

«Я...»

И снова долгая пауза.

«готов...»

Оставляю ему строку на прощание:

«Жди моих сообщений на этой странице. Когда всё будет готово, я напишу, что делать»

Убеждаюсь, что строка прочитана, и стираю все сообщения.

* * *

Тёплая жидкость ласкает тело. Хочется висеть и висеть в уютной невесомости кокона. Но стадия модификации подходит к концу, и я вынырываю из этого подобия материнской утробы. Оглядываю комнату — всё та же хижина в квартале хилеров. Из двери показывается ухмыляющийся Сайто.

— Шикарно выглядишь, Дик!

— Иди к чертям! — огрызаюсь я. — Тело было совсем новым! Боюсь, ему не пережить этот рейд.

Гляжу на себя в зеркальце — то ещё чудовище. Лицо жутко изменилось, щёки закрыты щитками, на голове — костяная корона. Руки тоже сильно модифицированы, хотя до клешней менад им ещё далеко.

— Не дрейфы! Регенерируем всё, как было, — ободряет Сайто. — У тебя же остались стволовые клетки в загатнике?

Меня мутит от гормонов. Хочется погрузиться обратно в модификатор и проспаться ещё денёк-другой.

— Не хочу, как было! Когда-нибудь я завяжу с рейдами и сделаю себе вот это, — я показываю Сайто металлическую капсулу с образцами клеток. — Моё тело мечты!

— Перестань, Дик! Как можно бросить рейды? — удивляется он. — Вспомни, что мы вытворили в Палеарктике.

Я вздыхаю:

— Все когда-нибудь меняются.

Не хочется ничего объяснять. Может, боевой клон, вроде Сайто, и готов провести остаток дней в ежедневном смертельном риске, но у меня совсем другие планы на будущее.

Сайто молчит, а затем меняет тему:

— Как там наш супермозг?

— Молчит уже несколько дней. Думаю, он в глубоком психозе.

— И как тебе это удастся, Дик? — хмыкает Сайто.

— Легко! Мозг — это тот же нейрокомпьютер, — ухмыляюсь я. — Нейрошаман может его обмануть, взломать, расстроить. Стоило мне показать Орфею серию закодированных картинок, и в его мозгу вдруг зашкалил уровень дофамина. Как при безумной влюблённости или шизофрении.

— Хочешь, чтобы менады подняли его в Храм?

— Ну ты же сам разведал, что мозги из бака проходят профилактику в святилище. Если Орфей пошёл вразнос, менады должны поднять его туда, чтобы привести в чувство. Думаю, у нас есть пара дней, чтобы забрать мозг, пока его не вернули обратно в бак.

Сайто показывает большой палец, но вдруг мрачнеет.

— Не хотел тебе говорить, но пошли слухи, что в Борнео создают собственный мыслительный бак.

— Мрази! — вырывается у меня. — Хочешь сказать, они не собираются выпускать Орфея из капсулы?

— Ну, по крайней мере, это объясняет их интерес к нему, — вздыхает Сайто.

Чувствую, как во мне закипает злоба, но что я могу поделать. Всё уже зашло слишком далеко, чтобы отыгрывать назад. Я снова по самые глаза погружаюсь в кокон.

— Что-то мне всё меньше нравится этот рейд, — наконец, признаю я.

— А что я тебе говорил? — хмурится Сайто. — Ну стасшим мы Орфея, и, думаешь, наши проблемы закончатся? Это тебе не мороженые гипофизы с биоферм воровать! Такая утечка мозгов — грубое вмешательство одного конгломерата в дела другого. Фактически — повод к войне.

— Не похоже, чтобы в Борнео готовились воевать.

— А зачем? Проще замести следы. Убрать исполнитель или стереть нам память о заказчике и выдать Ахерону в качестве дипломатического жеста.

— Память нельзя полностью стереть, — вздыхаю я. — Мозг всё помнит. Если очень понадобится, всегда найдётся способ выудить забытую информацию.

Сайто грустнеет.

— Тем хуже для нас. В общем, если отдадим Орфея без гарантий, то наши жизни и выеденной капсулы не будут стоить.

Плаывая в коконе, я пытаюсь представить себя мозгом в колбе. Что бы стало со мной, пробудь я так лет пять, десять? Нет, жить в теле намного лучше!

— Я вообще не хочу его отдавать, — выдыхаю я после долгой паузы. — Если Орфея не вернут в человеческий вид, получится, что я предам друга. Отправлю из одной тюрьмы в другую.

Сайто чешет короткий ёжик на голове.

— Забрать Орфея себе — это наихудший вариант! Мало того, что мы лишимся гонорара, так ещё и два мощнейших конгломерата прибавятся к длинному списку наших смертельных врагов.

— А может, что-то придумаем? — я с надеждой заглядываю в его глаза ночного видения. — Выскребем запасы из старых тайников? У Орфея в голове полно секретов Ахерона! Их же можно продавать и по отдельности, а не вместе с мозгом.

— Брось, Дик! — отрезает Сайто. — Это чувства самородка толкают тебя на безумные затеи. А я ищу рациональный способ, как бы нам выжить.

Галлюцинаторный призрак Джоко материализуется посреди комнаты.

— Какой прогресс в извлечении Райта? Вижу, вы себя модифицировали, Дик?

— Разве ж это модификация? — скалюсь я. — Просто костяная шапочка, чтобы голову не напекло в радиоактивных стоках.

— Дику нужно притвориться менадой, чтобы попасть в Храм, — поясняет Сайто. — Их охранный барьер не пропустит неживые предметы. Для защиты от радиации мы нарастили костяные пластины, обогащённые барием, на голове и...

— Опустим детали, — обрывает ищейка. — Когда операция?

Меня терзают сомнения. Может, мы ещё успеем спасти Орфея до вмешательства Борнео?

— Послезавтра, — наконец выдавливаю я.

— Время не терпит, Дик! — полупрозрачный Джоко хмурится. — Дела идут хуже, чем мы ожидали. Ахерон выращивает в подземельях огромную армию модификантов. Если дать их завершить, весь регион окажется под угрозой нашествия.

Даже через нейросвязь в его голосе слышится металл:

— Приступаем завтра! Я прибуду в Лимбо с отрядом дикобразов, чтобы лично контролировать ход операции.

Я пытаюсь возражать.

— В этом нет необходимости. Мы справимся.

— Это не вам решать, Дик! На карту поставлено слишком многое, — Джоко грозит пальцем, демонстрируя полностью регенерировавшую руку. — И ещё, я запрещаю вам нести Райта через стоки. Там

слишком высокая радиация, есть риск повредить экзоскелет. Поднимитесь на вершину Храма, мы заберём вас оттуда гипербаллоном.

Настало время проверить мои опасения.

— Кстати, вы уже подготовили тело для Орфея? Джоко молчит слишком долго для прямого ответа.

— Я не уполномочен давать вам подобную информацию.

— Ты же обещал, Джоко! — срываюсь я на крик.

Но он лишь пренебрежительно кривится:

— Зачем сколько эмоций? Это не мне решать.

Я лишь проводник воли конгломерата, — Джоко сверлит меня глазами. — И давайте без фокусов, Дик! Вы же помните про биоакорь? Стоит мне отдать команду и...

Его ухмылка выглядит так мерзко, что хочется чем-то в него запустить. Хоть я и знаю, что передо мной лишь призрак.

— Чёрт! Ну почему всё снова наперекосяк? — опустошённо выдыхаю я, когда нейросвязь гаснет.

— Научись уже проигрывать, Дик, — Сайто хлопает меня по плечу. — Утащить Орфея у всех из-под носа? Это слишком безрассудно даже для тебя.

Потом он подносит палец к губам и пишет на стенке кокона:

«Кажется, биоакорь ещё и разговоры подслушивает».

* * *

Босые ноги шлёпают по флюоресцирующей жиже во тьме подземных стоков. Это противно, но когда тело покрыто толстым слоем слизи, грязь не страшна. К тому же тут тепло как в материнской утробе.

— Что там у тебя? — Сайто через нейролинк бубнит мне прямо в ухо.

— Двигаюсь по тоннелю в сторону Храма, — отвечаю я, глядя под ноги. — Тут везде громадные пивявки.

На полу кишат тела, похожие на обрезки чёрных шлангов. Я рассматриваю их, зная, что Сайто видит сейчас моими глазами.

— Похоже, какие-то личинки, — заключает он. — Держись от них подальше.

— Они меня не трогают. Как и солдаты. Похоже, костюм из слизи таки помогает.

От нервного напряжения мне почему-то всегда хочется говорить.

— А знаешь, Сайто, мы с Орфеем были единственными детьми в селении, — бормочу я, пробираясь по тоннелю. — После Четвёртой войны даже в диких гнёздах живородящих почти не осталось. К счастью, особых талантов хедхантеры у меня не нашли. А вот у Орфея сразу было заметно, мозги работают ого-го!

— Странно, почему его не забрали сразу же, — удивляется Сайто.

— Родители долго его прятали, даже жизнью своей пожертвовали, но всё равно не уберegli, — мне вдруг хочется узнать: слушает ли ищейка наш канал. — Джоко, знаешь, что такое родители?

— Теоретически, — голос ищейки тут же отзывается в ухе. — Я изучал самородков по мере служебных обязанностей. Мы с отрядом на исходной позиции. Начнём, как только экземпляр будет у вас.

— Хорошо вам ждать готового! А мне тащить свою задницу по этим чёртовым подземельям, — ворчу я и сворачиваю в соседний тоннель. — Так вот, Сайто, в итоге Орфея таки выследили ищейки из Палеарктики. А задатки нейрошамана прорезались у меня слишком поздно, так что не удалось его защитить... Чёрт! Это ещё что?

В боковом проходе я вижу множество коконов.

— Дик? — настораживается Сайто.

Я рассматриваю длинные, уходящие в темноту ряды сфер. Из-под толстой оболочки просвечивают многочисленные силуэты с хвостами.

— Ты прав, Джоко, здесь море яиц. Тысячи и тысячи солдат. А там вообще что-то огромное, — вдалеке я вижу ёмкости покрупнее.

Солдаты в полупрозрачных коконах уже почти созрели — вот-вот вылупятся. Они спят, изредка подергивая хвостами и лезвиями на лапах. Страшно даже подумать, что будет, когда вся эта орда вырвется наружу.

— Райт сейчас в приоритете, Дик! Разведка потом, — голос ищейки выдает нетерпение.

Я сворачиваю за угол и лоб в лоб сталкиваюсь с двумя солдатами-скорпионами. Дыхание невольно перехватывает. Я знаю, что костюм менады изолирует газы, которые я выдыхаю, но учуй они сейчас мой настоящий запах — от меня и мокрого места не останется. Спокойно! Только не делать резких движений. Солдаты долго обнюхивают моё склизкое платье, а затем почтительно расступаются. Менадам тут везде проход открыт. Миновав последний кордон, я оказываюсь у нижней двери Храма. Дверью её можно назвать лишь условно — она живая. Упругая органическая диафрагма закрывает проход, будто сфинктер годзиллы. Пора пустить в ход ещё один мой секрет. Я распускаю рукав, и оттуда показывается голова электроутря. Не знаю, какой безумный геномастер додумался модифицировать эту рыбу для взлома нейробиологических замков. Но без неё мне пришлось бы туго. Вставляю руку с утрём в центр сфинктера. Рыбина елозит там какое-то время, пытаясь заморочить управляющую замком нейросеть. Наконец, словно глотка кашалота, дверь расширяется и проглатывает меня.

— Я внутри, — шепчу в нейролинк, поднимаясь в святнице.

— Ищите капсулу с экземпляром, — скрипит в ухе голос Джоко.

Внутри Храм выглядит совсем инопланетно. В призрачном свете уходят ввысь мрачные своды. На стенах — ни орнаментов, ни украшений. Лишь рёбрами

динозавра выпирает несущий каркас. Предельная функциональность осинового гнезда: в изогнутых коридорах — ни мебели, ни хоть чего-то человеческого. Посреди святилища на постаменте я вижу свежий кокон размером с громадный джекфрут. Неужели это Орфей?

Хорошо, что он здесь один — нет времени на поиски. Осторожно разрезаю кокон Когтём. Да, это он! Внутри — капсула с мозгом. Под эластичной плёнкой просвечивают извилины и пульсируют сосуды — капсула поддерживает в нём жизнь. Вынимаю её и прячу в специально выращенную сумку на животе. Сверху прикрываю косяным щитком. Псевдоплацента тут же присасывается к телу. Теперь мы с Орфеем — единое целое, его мозг дышит кислородом из моей крови.

— Он у меня, — отчитываюсь я и замираю. — Погодите... Тут кто-то есть.

Беззвучным призраком в святилище вползает менада. Я с интересом рассматриваю удлинённый панцирь на голове, совсем не похожей на человеческую. У неё действительно нет глаз. Выглядит это отвратительно, но, несмотря на устрашающие лапы-крюки, не похоже, что менада представляет угрозу. Она плавно приближается. Кажется, тоже меня изучает. Если подойдёт слишком близко, я её вырублю. Внезапно мою голову пронзает молния! Что это? Я не могу пошевелиться! Мир вокруг выгибается кривым зеркалом. А потом накатывает волна леденящего ужаса: менада меня контролирует! Безвольно сползаю на пол. Я точно слизняк под прессом. Так вот, что чувствуют мои жертвы под гипноконтролем.

— Дик, отзовись! Я тебя не слышу! — едва доносится взволнованный голос Сайто, но я не в силах ответить.

Менада склоняется надо мной. Её беззубый рот тихо шевелится, и от этого становится ещё страшнее. Ко мне тянется клешня. Если воздействие ещё усилится, мой разум лопнет как орех под сапогом. Наши сознания на секунду сливаются. Разум менады пуст будто сточная

труба. Но я чувствую, как через неё в мой мозг вглядываются десятки чуждых сознаний — холодных, расчётливых и невероятно умных. Я знаю, кто они: лучшие умы, собранные вместе и погружённые в мыслительный бак. Они не пленники, они — истинные стратеги, коллективный разум Ахерона. Все остальные — менады, солдаты, работники — лишь статисты в их игре. Ещё мгновение и правители Ахерона узнают обо мне всё — кто я, откуда, чьё задание выполняю! Пляж, пальмы, детские воспоминания — всё, что составляло мою сущность, начинает стремительно засасывать в эту трубу... Бах! Я разом ощущаю удар и облегчение. Я могу двигаться! Оглушённая менада валяется рядом. Что произошло? Ошалело тарасушь на рыбью голову в рукаве. Электроугорь меня спас! Рыбина испугалась менады и сама, без команды, угостила чужака мощным разрядом.

— Сайто? Была небольшая заминка, — сообщая я в нейролинк.

— Ты так не пугай, — облегчённо выдыхает он.

— Немедленно поднимайтесь наверх, к отдушине режиссёра! — тут же перебивает Джок, и я спешу к вершине пирамиды.

За углом ждут ещё менады, но врасплах им меня не застать! Защита от гипноконтроля выставлена, я выпускаю Коготь и перевожу угра в боевой режим.

— Прочь, вонючие твари! Я вам его не отдам!

Лапы менад тянутся ко мне, но я глушу их электроразрядами и рублю Когтём так неистово, что кровь брызжет на стены. Оставив за собой несколько неподвижных тел, я прорываюсь на лестницу. Одна из менад успела царапнуть меня острой клешнёй. Это плохо. Рана несерьёзная, но она пробила защитную слизь на руке. И теперь изнутри вырывается мой собственный запах — запах чужака.

Я стремглав бегу вверх по изогнутой трубе, слыша за спиной топот множества ног. Похоже, в улье началась всеобщая тревога. Лучше не оборачиваться: я вижу, как

снизу за мной катится сплошной вал солдат-скорпионов. Бесчисленные лезвия, хвосты, рогатые головы — всё сливается в чёрную копошащуюся массу.

— Что там у тебя? — волнуется нейролинк.

— Знаешь, Сайто, — задыхаюсь я, бешено перебирая ногами. — Мне бы сейчас очень пригодился твой плазмомёт...

— Дик! — не умолкает Джоко. — Пробивайтесь к отдушине, отряд уже вылетел за вами!

Солдаты слишком близко, чтобы повернуться к ним спиной. С Когтём наизготовку я пячусь по лестнице, не спуская глаз с кольшущегося моря нечеловеческих морд и горящих глаз. Скорпионы медленно наступают, но почему-то не атакуют. Я заморожено смотрю на их длиннющие острые лезвия. Если набросятся все скопом, то я вмиг превращусь в кучку кровавого фарша. Но их словно что-то сдерживает. Может, чувствуют Орфея в моём «животе»?

— Что, букашки, такие несмелые? — размахиваю я Когтём перед их мордами. — Бойтесь навредить Орфею?

И вот я у отдушины. Сверху веет прохладой белесое небо. Снизу из чёрной трубы свищет горячий воздух реактора. Небеса и ад открыли мне свои двери — иди куда хочешь! Скорпионы чуть отстали, ждут меня на лестнице. А вдалеке уже маячит силуэт гипербаллона: дикобразы летят мне на помощь. Хотя нет, не мне — они просто спешат забрать Орфея. В этот раз — навсегда. Бесконечная минута, чтобы перевести дыхание. Я вдруг ощущаю удивительную свободу: что бы сейчас ни произошло — ни солдаты Ахерона, ни Джоко с дикобразами не осмелятся нападать, пока Орфей со мной.

— Знаешь, Сайто, — говорю я в нейролинк. — Все эти годы меня мучило жуткое чувство вины. Это оно снова и снова гнало меня на поиски. Надеюсь, ты поймёшь почему.

Перед глазами безумным калейдоскопом мельтешат картинки. Тёплый пляжный рай с детьми. Адский холод мозга, заточённого в капсулу. Мне остался лишь последний шаг.

— Дик? О чём ты? — недоумевает Сайто.

Я ощущаю, как в животе бьется пульс, это псевдоплазменца качает кровь в мозг Орфея.

— Просто я не могу снова его потерять! — шепчу я севшим голосом. — Извини, Сайто, ты как знаешь, но я...

И добавляю уже другим тоном:

— Перехожу к плану Б! Комбинация...

— Дик, постой! — кричит Сайто.

— Нет! — следом вопит Джоко, но уже поздно.

— Раз!.. — я отключаю нейролинк и прыгаю в трубу реактора.

Если мы с Орфеем умрём сегодня, то хотя бы вместе, успеваю подумать я, скользя вниз, и плюхаюсь в горячий бассейн. К счастью, это не кипяток. В центре бассейна вода бурлит, но у стен вполне терпимо. Я выныриваю и осматриваюсь в просторной камере. Всё здесь тонет и душном сумраке. Горячий туман клубится над бассейном и вылетает через отдушину в потолок. Мягкие, биоморфные стены дышат — я словно в желудке огромного монстра. Понятно, почему в Борнео не смогли определить тип реактора. Это и не реактор в привычном смысле. Раскалённая активная зона в центре торчит из какой-то структуры наподобие кораллового рифа. И всё это дышит, словно живое, урановые стержни двигаются, настраиваясь на оптимальный режим работы. А вокруг, в горячей воде и на скользких органических стенах переливаются мириады зеленоватых огоньков. Светящиеся бактерии, привычные к запредельной радиации, перерабатывают излучение и тепло в питающую улей энергию. Надо скорей выбираться отсюда. Модифицированная живность Ахерона, может, и приспособ-

блена к такой радиации, но мы с Орфеем — нет. В горячем тумане мне едва удаётся рассмотреть сливное отверстие, и я устремляюсь туда.

Ещё рывок — и вот мы опять в стоках. Я скольжу вниз по тёмной трубе, а вслед мне хлопает горячая вода из реактора. За изгибом — уже знакомый лабиринт сливных тоннелей, где началось моё путешествие в Ахерон. Осталось только добраться до выхода раньше, чем туда нагрянут мои преследователи из обоих лагерей. Я срываюсь на бег, и жирные пиявки веером разлетаются из-под ног. Чёрт! Внезапно в руку вонзаются острые зубы. Я удивлённо отдираю от себя скользкую тварь. На конце — круглый, усеянный зубами рот. Это не пиявки, это какие-то примитивные рыбы, вроде миног. Точнее, были примитивными, пока ахеронские геномастера не модифицировали их для борьбы с непрошеными гостями. И теперь, когда моя защитная слизь нарушена, они учуяли чужой запах.

Змеевидные тела вокруг приходят в возбуждение. Чёрные твари прыгают на меня словно блохи, пытаясь вцепиться в повреждённую руку. Я отмахиваюсь Когтём, но это непросто — твари слишком мелкие, чтобы прицелиться. Ещё несколько зубастых ртов впивается мне в плечо. Придётся сшибить их электрическим разрядом.

Два! Я отдаю мысленную команду, активируя электроутря, и... ничего. Голова рыбины безжизненно свисает. Этого ещё не хватало! Старый друг, столько раз выручавший меня в рейдах, похоже, не выдержал облучения. Как не вовремя!

Я кидаю утря в гущу извивающихся тел, и его жирают прямо на глазах. Это на мгновение отвлекает тварей, и я бегу по тоннелю, на ходу отдирая впившихся миног. Они прыгают со всех сторон, вцепляясь в места, куда попала кровь. Всё новые раны появляются на теле. Судя по острым вспышкам боли, это уже не царапины, твари вырывают из меня куски мяса. Накатывает такой ужас,

что волосы давно встали бы дыбом, если бы они у меня были. Я что-то кричу, но уже не понимаю что именно, словно это происходит с кем-то другим.

Силы быстро тают. Я уже не отбиваюсь Когтём. Левая рука болтается, и я совсем её не чувствую. В какой-то момент с ужасом понимаю: руки больше нет — кровавый шмат мяса едва держится на тонкой полоске ткани. Крякнув от боли, я отрываю эти ошмётки и бросаю тварям, выиграв себе ещё немного времени.

От кровопотери в голове адская карусель. Пока твари доедают мою руку, я выползаю к развилке тоннелей и валюсь на пол. Сил совсем не осталось. Уцелевшей рукой прижимаю сумку-живот с Орфеем. Чёрт! Похоже, здесь и закончится наше путешествие, дружище. Но у нас был хотя бы шанс. Из тёмных труб выползают новые монстры: солдаты-скорпионы прибежали на крик и запах крови. Не похоже, что они будут такими же робкими, как в Храме: улей скорее уничтожит ценный экзemplяр, чем позволит ему работать на врагов. Я лишь заворожено наблюдаю, как вереницы злых глаз приближаются, чтобы превратить нас в кровавое месиво.

Я непроизвольно зажмуриваюсь: только бы не видеть надвигающей смерти! Не думать! Ни о чём не думать... С губ вдруг срываются слова колыбельной из детства. Мать пела её мне, чтобы прогнать ночные кошмары. Это просто страшная сказка, Орфей! Сейчас мы оба заснём. А когда проснёмся, вокруг будет тёплый песок, и пальмы, и ласковое море у ног...

— Не слышу команды: Два!.. — раздаётся вдруг за спиной, и уши раздирает оглушительный треск.

Ослепительный шнур плазмы пронзает тьму стоков, впиваясь в груды извивающихся монстров. Твари загораются, вскипают, лопаются словно попкорн на сковородке. Вспышки огня высвечивают тёмный силуэт. А потом я вижу невозмутимое лицо Сайто, шагающего по тоннелю.

— Не спеши умирать, Дик! Мы ещё не закончили комбинацию, — говорит он, поравнявшись со мной, и идёт по трубе дальше, оттесняя тварей.

Похожий на молнию шнур всё змеится, облизывая стены и сжигая волну за волной напирających пиявок и скорпионов. Тоннель заволакивает дымом, в горле першит от вони горелого мяса. Наконец треск смолкает. Трубы, насколько хватает глаза, чисты от тварей.

— Да, видок у тебя неважный, — возвращаясь, замечает Сайто.

Мне вдруг становится стыдно: что, если он слышал мою колыбельную?

— Коготь тебя дерит! Ты б ещё позже пришёл! — хрипло ругаюсь я, почти теряя сознание. — Где Джоко?

— Чёрт его знает, — Сайто пожимает плечами, заклеивая мои раны гелевым пластырем. — Он так орал, что я вырубил нейролинк.

Он встаёт и всматривается в темноту подземных галерей. Вдалеке вспыхивают новые россыпи злобных глаз. Из-под лохмотьев Сайто извлекает мой подарок — мешочек с биобомбой — и швыряет подальше во тьму.

— Ну, давай ускоряйся, Дик! Пока ещё и Джоко с дикобразами не прыскал, — он подхватывает меня под уцелевшую руку. — Осилишь?

— Три! — команду я и включаю нейроускорители.

Мир вокруг превращается в замедленное кино. Наши мозги теперь работают с двадцатикратным ускорением. Силы мои на исходе, но даже нескольких секунд хватит, чтоб оторваться от погони. Мы мчимся по тоннелю, или, точнее, Сайто скачет на удлинённых ногах, а я болтаюсь у него под мышкой. Брызги грязи и крови красиво зависают в воздухе. Из бокового тоннеля на нас выпрыгивает солдат, но он двигается слишком медленно. Сейчас мы живём с ним на разных скоростях, и его лезвия, выброшенные в смертельном ударе, лишь безобидно проплывают мимо. Я уже вижу свет

на выходе из стоков, когда за спиной разгорается ослепительное море огня. Бомба детонировала. Сайто делает громадный прыжок — и волна горячего воздуха вышвыривает нас из тоннеля.

Смачно чмокнув, зеленоватая жижа канала принимает нас в липкие объятия, и время возобновляет привычный ход. К счастью, канал в Лимбо слишком мелкий, чтобы утонуть. Позади раздаётся грохот, сточный тоннель выплёвывает струю гари и рушится у нас за спиной. От ударной волны остаётся лишь болезненный звон в ушах. Я поднимаю лицо из грязи и вижу, как над разорванным куполом Ахерона встаёт бурое облако дыма.

— Кто тут говорил, что взрыв будет несильным? — Сайто косится на клубящийся гриб и отряхивает грязь с головы. — Хорошо, хоть ветер не в нашу сторону.

Мы выползаем на берег. Аборигены на грядках галдят, указывая на дым из улья. Надо побыстрее скрыться, пока всем не до нас. Но силы почти на нуле. Сайто хочет меня поднять, но я лишь корчусь в приступе рвоты. Похоже, доза радиации была слишком высокой.

— Куда это вы собрались, Дик? — раздаётся над головой до боли знакомый голос.

С террасы нам ухмыляется Джоко в окружении дикобразов. Всё новые прыгающие солдаты с игломётами приземляются вокруг.

— Давно не виделись, ищейка! Стало уже скучновато без тебя, — пытаюсь я выдавить улыбку.

Дикобразы держат нас на мушке, и Сайто опускает оружие. Джоко кивком повелевает солдатам сделать то же самое.

— Отличная работа, Дик! Отдайте Райта, и вы ещё сможете рассчитывать на гонорар, — ухмыляется он и указывает на оторванную руку. — Вижу, теперь вы нуждаетесь в срочном ремонте.

Один из солдат выносит увесистый криоконтейнер для биоматериалов.

— Иди к чертям, Джоко! — отвечаю я хмуро. — Я не отдам Орфея. Лучше мы умрём вместе.

Ищейка расплывается в удивлённой улыбке.

— Я никак не могу вас понять, Дик. Зачем вы это делаете? Ради чего? Как профессионал, я обязан учитывать психологию самородков. Но сейчас даже я заинтригован. В чём ваша логика? — его лицо изображает заинтересованность. — Сила не на вашей стороне. У вас даже бомбы не осталось. Так вы и себя, и его погубите! Зачем вы так упорствуете, Дик? Это какой-то кодекс чести? Влечение инстинктов? Химеры любви?

— Что ты знаешь о любви, клон? — цежу я сквозь зубы, жалея, что до Джоко не доплюнуть.

Ищейка поглаживает лысую голову и ухмыляется.

— Моя лояльность конгломерату — тоже форма любви и верности. Я сделаю ради него всё, даже если придётся убить или пожертвовать собой. Так чем я отличаюсь от вас, Дик?

— Лояльность, — я сплёвываю и киваю на Ахерон. — Да ты такой же термит, как и эти! Бездушный инструмент своего термитника. Тебе никогда не понять...

По земле вдруг пробегает дрожь, и из глубин Ахерона доносится странный гул. Вторичная детонация? Или взрывом зацепило что-то важное в тоннелях?

— Очень жаль, Дик, — вздыхает Джоко. — Но вы не оставляете мне выбора.

Он достаёт небольшой пульт и кладёт палец на кнопку. Ну и пусть! Если он и отнимет Орфея, то не раньше, чем биоякорь превратит меня в безмозглое растение. Джоко направляет устройство мне в грудь и нажимает кнопку. Я ничего не чувствую. Ещё нажатие — и снова ничего не происходит. На лице ищейки мелькает замешательство.

— Что, сломалась любимая игрушка? — ухмыляюсь я. — Похоже, твои наноботы сварились от радиации.

Джоко с перекошенным от гнева лицом хватается за игломёт и... Бу-бум! Стена Ахерона за нашими спинами с грохотом разлетается на куски. Но не успевают пыль осесть, как из пролома выскакивают несколько существ размером со слона. Толстые панцири прикрывают тело, изо лба торчит не то таран, не то хобот. Это мутанки — модификанты огромной разрушительной силы. Мне приходилось о них слышать, но вижу я их впервые. Несмотря на громадный вес, твари двигаются с проворством рысака. Следом за мутанками из клубов пыли выползают чёрные полчища солдат-скорпионов.

— Круговая оборона! — кричит Джоко. — Защищайте Райта!

Дикобразы мгновенно поднимают стволы и пытаются окружить нас защитным кольцом. Лишь только они открывают пальбу, как мутанк отвечает залпом. Пылающая струя вырывается из хобота, сметая всё на пути. Несколько дикобразов кусками горелого мяса шлёпаются на землю. Оглушённого Джоко отбрасывает на несколько метров. Выбежавшие следом солдаты-скорпионы тоже пускают в ход оружие. Их длинные хвосты плюются огненными зарядами, которые разрывают, сжигают и отравляют всё живое. Замешательство в рядах дикобразов позволяет мне и Сайто проскользнуть на улочку, ведущую вглубь Лимбо. Обернувшись, я вижу, как солдаты Борнео пытаются восстановить боевые порядки и неистово отстреливаются от напуганных врагов. Один из них, заметив наше бегство, разворачивает ствол игломёта.

— Не стрелять! — хрипит раненый Джоко. — Вы можете повредить экземпляр!..

Дикобраз опускает оружие, и его тут же разрывает в клочки залпами скорпионов. Мы с Сайто мчимся среди ветхих лачуг. Небо уже заволочено чёрным дымом. Перепуганные дети, собаки и куры разбегаются у нас из-под ног.

— На это раз, Дик, твоё безумие перешло все границы! — гневно рычит Сайто, сметая на бегу веревки с лхмотьями. — Надеюсь, Орфей того стоит. Эх, бросить бы вас прямо здесь!

— Но ты ведь полез за мной в стоки, — слабо улыбаюсь я. — Спасибо. Правда.

Мы вываливаемся на людный перекрёсток. Паника уже охватила аборигенов, окрестные улочки бурлят от суетящихся фигур в панاماх.

— И куда дальше? — Сайто крутит головой, пытаясь понять, что делать в этом хаосе. — Эвакуатор за нами теперь не пришлют. Чёрт бы тебя побрал с твоими комбинациями!

Мутанки и скорпионы огненным цунами растекаются по Лимбо. Их залпы ухают совсем близко, выжигая просеки в бамбуковых трущобах. Фонтаны пламени и ошмётков взлетают над толпами людей, мечущихся среди лачуг. В голове проносится: вот уж точно — все демоны идут за Орфеем! Я бегу вслед за Сайто, на ходу придерживая сумку-живот с мозгом.

— Пропустите! Моя жена беременна! — кричит Сайто, расталкивая аборигенов.

В водовороте паники мелькает знакомая коляска.

— Хван! — кричу я, едва переводя дух.

Рикша удивлённо останавливается.

— Вас и не узнать, — он смотрит на моё изуродованное тело.

— Как нам быстрее выбраться из Лимбо? — Сайто хватается за грудки.

— Садитесь! Хван вас мигом отвезёт, — мы плюхаемся в коляску, и рикша бросается по улице.

Из повозки картина надвигающегося ада выглядит ещё грандиознее. Половина Лимбо пылает. Разрушительная волна монстров из Ахерона стремительно распространяется дальше. Кажется, они хотят полностью сравнять гнездо с землёй. А в небе над ними кружат

несколько гипербаллонов Борнео. Это остроносые боевые модели, с брюх свисают длинные щупальца, по которым на землю десантируются всё новые дикобразы. В один из баллонов попадает струя мутанка, и тот оседает, объятый пламенем. Другие басовито огрызаются чем-то крупнокалиберным. Обогнув стеклянный пузырь вокзала, рикша тормозит на открытой площадке, заставленной крылатыми аппаратами.

— Вот эти штуки! — указывает он. — Летают быстро-быстро!

— Это же стоянка стреколётов! — Сайто выхватывает меня из коляски и несёт к ближайшей машине.

— Хван помнит добро, — улыбается рикша нам вслед.

Я с благодарностью смотрю, как он переминается с ноги на ногу. При всём желании нам не взять его с собой — он навсегда прикован к своей громоздкой повозке.

— Спасибо, Хван! Беги отсюда как можно скорее! — кричу я ему, едва оказавшись в кабине.

Рикша прикладывает на прощание маленькую ладонь к толстому стеклу.

— Хван всю жизнь прожил в Лимбо. Хван встретит судьбу вместе со своим гнездом, — говорит он, и от его улыбки я чуть не плачу.

С другой стороны в кабину заскакивает Сайто.

— А ну, стрекоза, давай на взлёт!

Только теперь я замечаю, что в кабине нет рычагов управления. Из панели торчит лишь голова на длинной шее — биопилот. Как и рикша, он — единое целое со своим транспортом. Глядя на наше вторжение, биопилот недоумённо хлопает глазами.

— Простите, но вы нарушаете правила! — пытается он протестовать. — Покиньте, пожалуйста, транспортное средство, иначе я буду вынужден сообщить... А-а-а!

Вместо ответа Сайто с мясом выдирает кабель нейролинка из панели, затем тычет стволom плазмомёта в голову пилоту.

— Молчи и слушай, головастик! Если дорожишь башкой, быстро поднимай свою задницу в небо!

Прозрачные крылья тут же оживают, и аппарат стремительно взмывает ввысь. Сквозь прозрачную кабину я вижу, как два гипербаллона, заметив нас, устремляются вдогонку. Своими щупальцами они, пожалуй, могли бы поймать даже стреколет.

— Дуй на восток к границе Нотогеи, — командует Сайто пилоту и подмигивает мне. — Ничего, Дик, скоро мы тебя подлатаем.

— Нет, Сайто, — выдыхаю я. — Это тело уже не спасти. В реакторе была жуткая радиация.

— Чёрт! Надо было раньше сказать, — хмурится Сайто. — Конечно, мозги находились под щитками, но если доза слишком большая, то даже не знаю...

Он вонзает шприц мне в шею.

— Это уменьшит шок от облучения.

Тёплая волна разливается по телу, смывая боль. Если бы не тошнота и слабость, могло бы показаться, что я в порядке. Но это обманчивое ощущение: скрытая стадия лучевой болезни — фаза ходячего трупа. Уже завтра температура подскочит и у меня начнут лопаться сосуды по всему телу, а слизистая кишечника, сожжённая радиацией, станет кусками выходить с кровавым поносом. Но это завтра, а сегодня... Сегодня я чувствую себя почти замечательно.

— Понадобятся два новых тела, мне и Орфею, — я отдаю Сайто последние распоряжения, чувствуя, что вот-вот отключусь. — Если встанет выбор: Орфей в приоритете... Найди тихое гнездо...

— Знаем, не впервой, — крикает Сайто. — Какое тело сделать тебе?

Из последних сил я протягиваю ему заветную капсулу.

— Тело... мечты...

И с головой проваливаюсь в наркотическое блаженство и тишину.

* * *

Мне снятся полуразрушенные башни древнего города. Ласковые волны облизывают нижние этажи, где раньше проходили городские улицы, и разбиваются о песчаный пляж. Когда-то множество людей сажали здесь деревья, строили дома, растили детей. Но сейчас в руинах обитают лишь немногочисленные аборигены, а эта часть острова вообще безлюдна. Пара подростков на пляже занимается любовью, торопливо, неумело. Мальчик и девочка. Смуглые тела лоснятся на солнце.

Вечерет. Дети, вдоволь насытившись друг другом, ещё долго лежат на тёплом песке, наблюдая закат солнца. Мальчик закрывает глаза, проложив голову девочке на живот. А она, перебирая его золотистые кудри, тихо поёт колыбельную, что слышала когда-то от матери.

Внезапно мальчик поднимает голову и всматривается в заросли. В тени под пальмами отчётливо проступают рогатые шлемы. Хедхантеры! Дети вскакивают на ноги, но им не убежать далеко. Охотники за головами давно готовили эту засаду. Их окружают мощные фигуры с игломётами. Мальчика с обеих сторон хватают за руки.

— Орфей! — девочка вопит не своим голосом.

Мальчик извивается всем телом не в силах вырваться:

— Эвридика, беги! Демоны пришли за мной!

Но девочка не бежит. На её худеньком личике вдруг проступает нечеловеческая решимость. Она хватается за руку ближайшего хедхантера, и тот замирает как зачарованный. Однако, силы неравны. Даже опытному нейрошаману в одиночку не справиться с отрядом солдат. Другой хантер наотмашь бьет прикладом игломёта, и девочка отлетает в песок. Мальчика уводят. Он ещё пытается оглянуться и видит позади скрюченное тело. Сле-

зы и кровь текут по лицу девочки, но она всё равно пытается подняться.

— Я приду за тобой даже в ад! — кричит она, надрывая связки.

Пальмы, руины, пляж начинают кружиться в безумном хороводе, и всё проваливается во мрак.

Просьпаясь, я вспоминаю, что эта девочка — я...

* * *

Вылезаю из кокона и потягиваюсь. Тело слушается идеально, пока я спала, мозг надёжно прирос к новому вместилищу. Ощущения после респану яркие как у младенца. Провожу рукой по коже — всё как я хотела. Идеальной формы груди, не большие и не маленькие. Широкие бедра, хрупкие плечи, нежные чувствительные руки. Ни грузного мяса, ни лишнего жира. Лет двести назад такие тела носили тренеры по фитнесу.

Я всегда мечтала быть простой домашней женщиной, растить детей рядом с любимым. Жаль, что мутация нейрошамана оказалась несовместима с материнством. А жестокая жизнь в исковерканном мире сделала из меня то, что сделала. Но теперь я в шаге от своей мечты. Прощай, угловатая мужская фигура, я мирилась с тобой не от большой любви. Просто слабому женскому телу очень трудно в опасных рейдах. Но теперь с этим покончено. Больше никаких искусственно раздутых мышц как у дешёвого вышибалы. Никаких имплантов и модификаций. Хотя... Из левого запястья высовывается небольшой Коготь. Надо же! Предусмотрительный Сайто и тут позаботился, чтобы я не осталась совсем безоружной. Ну, ничего, удалю как-нибудь потом.

Рука невольно скользит вниз живота. Всё на месте. Вместо мужского органа пальцы касаются лепестков нежного моллоска. Всё такое новёхонькое, чувствительное. Можно будет потерять девственность ещё раз. Я даже знаю с кем. Я смотрю на соседний кокон, где спит

Орфей. Так хочется поскорее увидеть его в новом теле, но меня сдерживает непонятный страх. У меня ещё будет вся жизнь, чтобы на него насмотреться, а сейчас нужно закончить одно дело.

Осматриваюсь в небольшой комнате. Мы в руинах старинного здания. Стены потрескались, ветер доносит из выбитых окон запах моря. Снаружи — яркое тропическое солнце и такие же руины вокруг. Заметно, что кто-то пытался снова приспособить их к жизни. Похоже, Сайто нашёл-таки тихое гнездо подальше от конгломератов.

В углу я замечаю нейроконсоль. Сажусь за неё прямо без одежды и ввожу своё новое имя: Эвридика-4. Счётчик тел прибавил единицу. Дик-3 исчез теперь навсегда.

Нейросвязь устанавливается не сразу. Наконец перед мной возникает полупрозрачный Сайто. Лохмотья из Лимбо сменил чёрный комбинезон неизвестного происхождения. На лице — свежие пятна гелевого пластыря, видимо, после недавней драки. Мой напарник сосредоточенно смотрит перед собой. Похоже, он за рулём какого-то транспортного средства.

— Шикарно выглядишь, Дик! Ещё лучше, чем в нашу первую встречу, — подмигивает он мне филинским глазом.

— Тебе спасибо! Кто бы ещё сделал мне новое тело, — я посылаю ему воздушный поцелуй. — Где ты сейчас?

— Где-то над Афротропикой, — он неопределённо обводит рукой горизонт. — Я оставил вас на острове, а ищеек увёл за собой. Они не догадаются искать у себя под носом. Да и не до того им, Ахерон и Борнео сейчас яростно воюют друг с другом.

Я лишь вздыхаю.

— Видишь, я снова создаю тебе проблемы...

— Пустяки, Дик! Скоро я тоже залягу на дно, — смеётся он. — Но они быстро раскусят наш трюк, и тогда я вам не завидую.

— Ничего, мы будем готовы, — спокойно отвечаю я. Сайто уже не улыбается.

— Жаль, что мы больше не увидимся, — вздыхает он, стараясь не смотреть мне в глаза. — Знаешь, я всё силился понять: что за чувство связывает вас с Орфеем? Но когда ты сказала про тело мечты, мне стало ясно. Ты нашла всё, что искала.

— Прости, Сайто, — я ёжусь, словно от холода. — Ты всегда был таким рассудительным. Надеюсь, ты поймёшь.

— Да, — он долго молчит, а потом хмыкает. — Зато мы здорово провели с тобой время, правда, Дик? Будет что вспомнить.

Сайто шумно выдыхает и бросает на меня короткий взгляд.

— Мне будет тебя не хватать.

— Что с тобой? — удивляюсь я. — Ты заговорил как настоящий самородок!

Он пожимает плечами.

— Ну, когда-нибудь все меняются. Может, я чем-то у тебя заразился?

Он вдруг начинает кашлять, и я вижу странный блеск в его глазах. Это совсем не похоже на сурового боевого клона, которого я так долго знала.

— Сайто!.. — шепчу я, с трудом сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

— Ничего, я справлюсь, — отмахивается он, вытирая лицо. — Осяду где-то в тихом гнезде. Может, даже семью заведу. Если, конечно, найду ещё женщину, способную к живорождению.

Сайто косится куда-то вбок и переключает рычаги в невидимой для меня кабине.

— Ладно, нам нельзя долго говорить, — переходит он на деловой тон. — Этот нейролинк я оставил, только чтобы убедиться, что с тобой всё в порядке. Сейчас мы закончим, и я его уничтожу. Не хочу, чтобы ищей-

ки отследили твой сигнал. Так что, давай прощаться, Дик.

Его суровое лицо будто высечено из камня. На мгновение на нём мелькает улыбка, но модифицированные глаза полны грусти. Он машет мне, и я поднимаю ладонь, словно пытаюсь прикоснуться к незримой стене, что пролегла между нами.

— Прощай, Сайто. Я тоже буду по тебе скучать...

Он поспешно обрывает связь. Слишком поспешно для такого профессионала, как Сайто.

Я иду будить Орфея. Запускаю процесс раскупорки и наблюдаю, как медленно отъезжает в сторону полупрозрачная крышка кокона. В нём под слоем тёплой жидкости плавает юноша в позе эмбриона. Теперь это уже Райт-2, но для меня он навсегда останется Орфеем. Он словно старший брат того шушлого подростка, которого я когда-то знала. Искусственно выращенное тело выглядит лет на двадцать пять. Оптимальный возраст, когда скелет уже не растёт, но ещё нет признаков старения.

Лицо юноши показывается на поверхности. Он делает глубокий вдох и смотрит на меня.

— Эвридика... — наконец выдыхает он моё имя.

Я улыбаюсь в ответ.

— С пробуждением, Орфей! Я же говорила, что приду за тобой даже в ад.

Он пытается выглянуть из кокона.

— Где мы?

— В безопасности. Это гнездо Ломбок на границе Индомалайи и Нотогеи.

— Какая же ты красивая! — Орфей с улыбкой рассматривает меня. — Я так боялся, что ты меня забудешь.

— А я боялась, что ты меня не вспомнишь. И специально для тебя я надела свой лучший наряд, — я с улыбкой провожу по обнажённой груди, а затем прикасаюсь к его щеке.

— Проведи ещё, — шурится он. — Я так долго жил без тела, что уже забыл, что это такое.

Он прижимается к моей ладони, а потом легонько касается её языком.

— Мозг всё помнит, — я глажу его по коротким, как у младенца, волосам. — Но если что-то и забыл, я помогу тебе вспомнить, я ведь нейрошаман. Как тебе спалось?

Я на мгновение проникаю в сознание Орфея, и сердце замирает от ужаса. Сколько же там скопилось холода, тьмы и одиночества за эти годы! И сколько лет ещё понадобится, чтобы их рассеять?

— Да я и не спал, — отвечает он. — Бродил по нейронету прямо из кокона. Я уже давно не сплю в привычном смысле. Зато успел приготовить тебе подарок.

Он лукаво шурится, пока я удивляюсь.

— Вот как? Значит, ты помнил обо мне все эти годы?

— Конечно. Я ведь тоже тебя искал, — ухмыляется он. — Закладывал незаметные ошибки в генные коды монстров Ахерона. И некоторые из них теряли контроль и напали на соседние улы.

— Так вот откуда в Борнео узнали о вашем секретном оружии!

— Да, я ждал, пока кто-то забеспокоится и захочет выгащить меня оттуда. А ещё зашифровал в ДНК твоё имя, и они сами тебя разыскали.

— Ты мой супермозг! — я с восхищением целую Орфея в лоб и хватаю за руку. — Хватит валяться, лежебока! Пошли к морю!

Мы выходим на пляж, так и не одевшись. На мелководье возвышаются руины довоенного города. Ласковое море плещется у наших ног. А где-то вдалеке слышны тамтамы, не иначе как резвятся местные аборигены. Это всё словно ожившая картинка из воспоминаний.

— Всё как тогда, — вздыхает Орфей, втягивая морской воздух.

— Только теперь я тебя никуда не отпущу! — я обнимаю его и утыкаюсь носом в ямочку над ключицей, где пульсирует артерия.

Как долго шла я к этому моменту! И как страшно подумать, что эта сказка может когда-нибудь рассеяться.

В небе появляется синяя птица — почтовый биодрон — я видела таких в больших конгломератах. Она пикирует, подогнув острые крылья, и роняет блестящую капсулу в руки Орфею.

— Вот и подарок! — он ловит её и протягивает мне. — Надеюсь, тебе понравится.

Посылка обжигает руки холодом. Я открываю крышку и ошарашено тарашусь на пару желтых комочков внутри запотевшего стекла.

— Где ты это взял? Это же!..

— Яичники, — улыбается Орфей. — Ты ведь всегда хотела иметь детей.

— Да! — я с радостным воплем бросаю ему на шею.

— У меня остались образцы твоих клеток. Я вычистил из генома все дефекты. Так что дети будут здоровыми и похожими на тебя.

Я обнимаю и целую Орфея как ненормальная. Здоровые детородные органы — огромная редкость в наши дни.

Но теперь у меня будут собственные живорождённые дети!

Сердце вдруг сжимается от страха и грусти.

— Но ведь... Конгломераты будут охотиться за нами до конца дней.

— Пусть. Я и это просчитал, — глаза Орфея зло сверкают. — Для защиты мы построим собственный улей. Ради наших детей я выращу таких монстров, что все ужасы Ахерона покажутся детской сказкой. Никто и близко не сунется!

— Надеюсь, дети унаследуют твой ум, — я нежно треплю его по голове.

Он с улыбкой обнимает меня за плечи.

— И твою волну к жизни.

Я смотрю, как за кромкой океана тонет кровавый кокон солнца.

— И где же мы выстроим наш улей, милый?

— Да хоть прямо здесь, — Орфей крутит головой, изучая руины. — Тут есть вода и аборигены, чтобы сделать первых модификантов.

Я с удивлением гляжу на него:

— Хочешь использовать этих несчастных как материал?

— А же видишь, что творят конгломераты! — разводит он руками. — Нам никогда с ними не справиться, если не перенять их методы. У нас есть два кокона-модификатора. Тебе нужно лишь взять под контроль парочку аборигенов, а дальше моя забота.

— Но зачем, Орфей? — вечерний бриз пробирает меня холодом. — Давай просто убежим туда, где нас никто не найдёт! Только ты и я!

Он лишь пренебрежительно хмыкает.

— И прятаться, как крысы, до конца своих дней? Да ты с ума сошла! — кривится он. — В мире больше нет безопасных мест! Чтобы выжить, мы должны создать такое место сами.

— За счёт жизней других? — я начинаю злиться. — Ты и наших детей хочешь превратить в модификантов?!

Орфей лишь пожимает плечами.

— А что здесь такого? Любая форма жизни постоянно совершенствуется, чтобы выжить и расселиться по Земле, — он смотрит за горизонт, где только что погасло солнце. — Зачем ждать сотни поколений, если я могу сделать всё за считанные месяцы? Конечно, частью детей придётся пожертвовать, превратив их в солдат. Но это лишь ради выживания нашего рода.

Я не могу поверить своим ушам.

— Ты... Ты это серьёзно?

— Конечно. В баке Ахерона я узнал массу новейших технологий, они все у меня в мозгу! — в его глазах разгорается странный огонёк.

— И ты готов сотворить с нашими детьми то же, что было в Ахероне?!

— Почему то же? Теперь я смогу намного лучше! — ухмылка Орфея светится энтузиазмом. — А начать стоило бы с нас. Ты же не думаешь оставаться в этом хилом тельце? Я уже придумал для тебя столько замечательных модификаций!

Значит, моя мечта для него — хилое тельце?!

— Мне нравится моё тело! — взрываюсь я.

— И очень зря. Против конгломератов с ним долго не выстоишь. Посмотри вокруг, Дик! — он делает широкий жест руками. — Всё меняется! Прежнему человечеству приходит конец. Конгломераты штампуют на конвейере улучшенных солдат и яростно борются за жизненное пространство. Что это, как не естественный отбор? Несоввершенные вымирают, усовершенствованные наследуют землю! Планета созрела для нового вида — более приспособленного к жизни, чем эти ветхие людишки.

Он приближается вплотную, и я вижу, как безумие горит в его глазах. Сквозь них теперь просвечивает та же ненасытная холодная тьма, которую я мельком видела в мыслительном баке.

— Я и есть этот новый вид! Вместе с тобой мы создадим совершенную форму жизни, что будет править миром, когда догнивающее человечество вслед за динозаврами отправится в ад!

Ужас заполняет моё сознание. Я вернула Орфею внешность человека, но внутри он уже перестал им быть.

— Орфей, ты чем-то заразился в Ахероне! Я чувствовала это безумие, когда соприкоснулась с баком, — я пытаюсь обнять его, чуть не плача. — Я приведу тебя в порядок! Вылечу! Пожертвую собой, если потребуется!

Но он лишь холодно отстраняется.

— Заразился? Скорее, понял главный закон эволюции, — Орфей снисходительно кривится. — Любый вид расширяет свою территорию бесконечно, пока кто-то другой его не остановит. Всё просто: чтобы выжить, надо захватить этот мир первым!

И он широко раскидывает руки, словно и впрямь хочет заграбастать весь мир.

— В глубинах мыслительного бака я познал совершенство! Красоту превращения живой плоти в непобедимое оружие, которого ещё не видел мир! То, что ты видела в тоннелях Ахерона, лишь первый этап моих планов. Я сам их разрабатывал и не собираюсь от них отказываться. Просто мне надоел Ахерон, моё влияние там не соответствовало моим способностям. Вот я и решил сбежать и начать всё заново.

— Орфей! Но твои родители... — слёзы мешают мне говорить. — Они же поплатились жизнью, чтобы спасти тебя от всего этого!

Он хмурится, словно вспомнив что-то неприятное.

— Чепуха! Они только мешали моим планам. Да и что они мне дали, кроме этого немощного тела? — в его голосе звучит раздражение. — Мой ум — результат случайной мутации, к которой они не имели отношения. Я сам хотел скорее попасть в какой-нибудь улей, чтобы применить свои таланты.

— Что?! — я оторопело смотрю на Орфея, словно вижу его впервые.

В сущности, так оно и есть. Я любила его в детстве, но что я знала о нём?

Неужели он уже тогда был маленьким монстром — холодным, расчётливым манипулятором, лишь внешне похожим на человека?

— Я никуда с тобой не пойду! Я не хочу захватывать мир, — твёрдо отрезаю я.

Он вздыхает, хотя совсем не выглядит расстроенным.

— Ну что ж. Я просчитал и этот вариант. Хороший план не должен зависеть от одного исполнителя, — Орфей пожимает плечами. — Ты уже выполнила свою миссию, выпустив меня на волю. Не хочешь ты — я найду, с кем создавать мой новый вид. А ты слишком слаба, чтобы мне помешать.

Ах, вот как! Значит, я от начала была лишь пешкой в его планах?

Незначительной переменной в уравнении, которая теперь и вовсе превращается в пренебрежимо малую величину.

Меня охватывает растерянность. Что мне делать? Подчиниться? Попытаться его образумить? Или бежать подальше от этого ужаса?

Я вспоминаю детство. В родном гнезде мне хотелось все всём походить на родителей.

Жить человеческой жизнью, завести семью, детей, а не плодить биомассу для чьих-то революционных экспериментов. Нет, я хочу, чтобы этот ужас прекратился! Здесь и сейчас!

— Слаба? Ошибаешься! — я хватаю Орфея за руку, но он лишь пренебрежительно хмыкает.

— Твой гипноконтроль? Он на меня не действует, — он наотмашь бьёт меня по лицу, и я качусь в песок. — Ты даже не представляешь, каким воздействиям я подвергался в баке.

Я вытираю кровь с разбитой губы. Всё как тогда. Боль пронзает и тело, и душу. Но теперь уже не осталось надежды, что всё может закончиться хорошо. Сказка превратилась в кошмар.

Думая, что спасаю друга, я поставила весь мир под угрозу. Монстр вырвался из темницы, и теперь ужас Ахерона будет расползаться по планете, захватывая континент за континентом. Сейчас я по-новому понимаю слова Орфея: куда бы он ни пошёл, его демоны последуют за ним.

Пока кто-то другой его не остановит, мелькает вдруг в голове.

Орфей уходит навстречу равнодушным пальмам. Теперь он уже не оглядывается.

— Я никуда тебя не отпущу! — кричу я и с разбега прыгаю ему на плечи. С кристальной ясностью я понимаю: потом будет поздно, мне надо остановить его прямо сейчас.

Он крупнее и здоровее меня. Под белой кожей переливаются свежесвыращенные мускулы. Ещё секунда — и он меня сбросит, но... Он ошибся, считая меня безоружной. Коготь — прощальный подарок Сайто — мгновенно выскальзывает из потайного кармана в запястье. Отточенный взмах — и из перерезанной шеи Орфея фонтаном брызжет кровь. Я ни разу не делала этого в новом теле, но мозг отлично помнит заученные движения.

Орфей падает на колени и недоумённо смотрит, как по груди текут струйки крови.

— Я просчиталась, — хриплю я, глядя, как он тщетно пытается зажать распоротые артерии. — Все эти годы я мечтала вернуть свой рай. Но ты с собой принёс лишь ад, бесчеловечный и жуткий. Даже мой напарник, клон из пробирки, был куда человечнее. Как жаль, что я потеряла его из-за тебя!

Он пытается что-то сказать, но лишь пускает кровавые пузыри и валится на песок.

Последние солнечные лучи умирают за горизонтом. Тело Орфея ещё долго стынет у меня на руках. Я уже не рыдаю, слёзы закончились. Я просто сижу, перебирая его золотистые волосы, и тихо пою колыбельную. Спи, Орфей, спи...

* * *

Прозрачные крылья стреколёта шуршат, переливаясь на солнце. Подо мной проносится сверкающая гладь океана, шершавым языком заливая боль воспоминаний.

Иногда мне начинает казаться, что всё это был лишь сон — наведённая галлюцинация. Такое порой случается, когда слишком часто пользуешься нейросвязью. Я щёлкаю предохранителем игломёта и вытираю слёзы.

— И куда теперь? — биопилот опасно косится на оружие, не понимая, что я вряд ли смогу ещё кого-то убить.

— Курс на запад, — раздражённо бросаю я. — Да, не дрейфь! Как перелетим границу, я тебя отпущу.

Бесит меня этот трусоватый пилот. Как бесит и всё остальное накануне месячных. За годы жизни в мужском теле я совсем от них отвыкла.

Пальцы невольно касаются металлической капсулы на шее. Я похоронила Орфея на том безлюдном пляже, но взяла с собой образцы его клеток. На случай, если мне понадобятся очень умные дети. Ещё немного — и мы достигнем Афротропики, где теряется след Сайто. Погоди, дорогой! Может, ты и способен уйти от лучших ищек мира, но от меня тебе точно не скрыться. Я приду за тобой даже в ад.

Паразит

Александр Юдин

Родился в Москве в 1990 году. В данный момент обучается в Московской академии рынка труда и информационных технологий (МАРТИТ). Увлекается кинематографом, литературой, наукой и техникой, программированием, системным администрированием. Писать художественную прозу начал в 2004 году.

Как-то раз Иван Яковлевич — москвич пятидесяти с хвостиком лет, возвратившись воскресным вечером с дачи и переодевшись в домашнее, уютно устроился в кресле напротив телевизора. Прихлебывая крепкий ароматный чай, заедая его белёвской пастилой, он рассеянно внимал ведущему новостной программы.

Однако ни чай, ни напряжённая мировая обстановка не могли побороть его дремоты — сказывалась усталость после дачного отдыха.

Иван Яковлевич широко зевнул, лениво почесал грудь и нахмурился — под правым соском пальцы нащупали нечто постороннее. Хмыкнув, он прошел в ванную и посмотрелся в зеркало. Так и есть, на правой грудной мышце виднелась какая-то крохотная — не больше булавочной головки — чёрная точка. Родинка что ли? Так вроде раньше не было. Кольнула неприятная догадка: уж не подцепил ли он на подмосковном пленэре клеща?

Вернувшись в гостиную, Иван Яковлевич взял с полки, где стояли альбомы с коллекцией марок, лупу с подсветкой и попытался как следует изучить новообразование. Да, весьма похоже, что это и впрямь клещ.

Но полной уверенности не было, уж очень малюсенькая штучка, даже с увеличением толком не разобрать.

Иван Яковлевич бросил взгляд часы: половина одиннадцатого, значит, ехать в медучреждение наверняка поздно.

Ладно, придётся до утра отложить, тем более, может это никакой и не клещ.

Перед сном Иван Яковлевич на всякий случай ознакомился в интернете с различными способами самостоятельного избавления от клещей, заод-

но почитал кое-что и о самом паразите. Оказалось, что клещи не насекомые, как он до сих пор полагал, а членистоногие паукообразные, к тому же одни из древнейших обитателей нашей планеты.

Сменялись эры, эпохи и периоды, появились и вымерли динозавры, на смену всемирным оледенениям приходили глобальные потепления, а клещи спокойненько продолжали существовать, не взирая ни на какие космические, геологические и климатические катаклизмы.

Ещё он выяснил, что хищные кровососущие клещи способны обходиться без пищи по многу лет подряд.

Зато впивавшись в жертву, проявляют чудеса прожорливости, увеличиваясь в размерах в сотни раз. «Прелюбопытные, однако ж, твари», — подумал он, засыпая.

Сон его был беспокойным.

Сначала полночи блуждал он в некоем первобытном лесу, влажном и удушливом, среди древовидных хвощей и папоротников, а вокруг кишели самые невообразимые создания: стремительно метались какие-то гигантские сколопендры, пёрли напролом похожие на броневики мокрицы, важно ползали жирные многоцветные гусеницы, с жестяным скрежетом бегали и летали рогатые, носатые и усатые жуки, размерами не уступающие грузовикам; и все они друг дружку беспрестанно жрали, жрали, жрали...

Потом привиделось ему, что на кассе в «Пятёрочке» полез он за бумажником, а вместо того вытащил из кармана полную пригоршню не то блох, не то паучков.

Попытался он их стряхнуть, да не тут-то было: те полезли ему в рукав, проворно расползаясь по телу.

Кассирша же, увидав его замешательство, засмеялась ехидно и говорит: «А вы слижите их, слижите! Они очень калорийные — чистый белок».

Утром всякие сомнения в истинной природе его новообразования отпали.

Чёрная точка раздулась в шарик, и стало видно, что это сегментированное тельце кровососа; даже малюсенькие лапки при некотором старании можно было обнаружить.

Накануне Иван Яковлевич выяснил, что клеща следует залить одеколоном или другой спиртосодержащей жидкостью, тогда он засохнет и сам отвалится.

Или аккуратно выкрутить пинцетом. Последний способ, пожалуй, надёжнее, решил он. Однако, взяв пинцет, понял, что действовать придется левой рукой, что неудобно, и есть риск оставить головку в теле.

Тогда Иван Яковлевич обильно смочил ватный тампон лосьоном после бритья, но неожиданно замешкался.

Душу его посетило какое-то трудноопределимое чувство... сродни жалости что ли? Клещ был таким беззащитным, таким махоньким, пухленьким... Ну пососёт чуток крови, от Ивана Яковлевича не убудет.

Это были странные, и для него в общем-то чужеродные ощущения, поскольку до сей поры он за собой никаких симпатий к паукообразным, тем более к паразитам, не замечал.

А с другой стороны, если рассуждать здраво, стоит ли заниматься самолечением? Не лучше ль в обед или после работы зайти в травмпункт, где ему надёжно и профессионально удалят членистоногого друга, заодно на исследование пошлют — мало ли что?

Вдруг он разносчик какой-нибудь жуткой инфекции? Он выбросил тампон в мусорное ведро, оделся и пошёл на работу.

Понедельник в их офисе выдался таким суматошным, что Иван Яковлевич и думать забыл про своего клеща, а вспомнил только дома, под душем. Клещ за день изрядно подрос и походил теперь на крупную виноградину сорта «дамские пальчики». И как его теперь самому удалять? Ещё лопнет! Иван Яковлевич вздохнул и твёрдо пообещал себе, что завтра прямо с самого утра отправится к доктору.

Ночью Ивану Яковлевичу приснился чудной сон. Будто бы сидит он за столом на кухне и играет в шахматы.

Вообще-то он любил это дело, но как человек бессемейный, обыкновенно играл сам с собою. А на сей раз у него имелся соперник. И соперником этим был клещ!

Впрочем, во сне особенного удивления у Ивана Яковлевича эта казусная ситуация не вызвала. Тем паче, вдвоём-то играть куда интереснее, да и клещ оказался занимательным собеседником и неплохим игроком. Уже в дебюте он захватил своими пешками центр доски, быстро и грамотно ввёл в бой легкие фигуры, при этом надёжно укрыв от атак короля.

— Как вы вообще играете? — полюбопытствовал Иван Яковлевич. — У вас же глаз нет.

— Зато нюх исключительный, — объяснил клещ, выводя коня на F6.

— Да, но у вас же, простите, и мозгов нет, — ставя слона на G5, засомневался Иван Яковлевич.

— Они мне без надобности, — хмыкнул клещ. — Всё что нужно я нюхом чую. Запомни, братан: главное в любом деле — хороший нюх.

— Не могу с вами согласиться, — возразил Иван Яковлевич. — А как же ум, интеллект? Интеллект вещь полезная, даже необходимая. И в жизни, и в бизнесе, и ...

— Ой, ща лопну! — заржал клещ, хватаясь за бока. — И сильно он тебе помог, интеллект-то? Как любит выражаться твой шеф, Зариф Алиханович: эсли ты такой умный, пачему такой бэдный? Верно цитирую? Когда на то пошло, в бизнесе интеллект вовсе не нужен.

— Как так? — поразился Иван Яковлевич. При этом тот факт, что клещ знаком с его шефом, Ивана Яковлевича абсолютно не смутил.

— А вот так. Вспомни хотя бы девяностые годы, эпоху, так сказать, первоначального накопления капитала. У любого владельца палатки с шаурмой на Москворецком рынке денег в карманах шуршало больше, чем у дюжины профессоров МГУ. А шаурмен этот слово «брат» с двумя ошибками писал. Скажешь, нет? Если хочешь знать, для успеха в бизнесе потребны лишь три качества, и интеллект в их число не входит.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Иван Яковлевич, разменивая свою ладью на слона и пешку противника, — какие же это качества?

— Хитрость, жадность и беспринципность, вот какие, — пояснил клещ, в свой черёд отдавая коня за три пешки.

— И только? — недоверчиво уточнил Иван Яковлевич.

— Не переживай, — махнул одной из восьми лапок клещ, — ты ими не обладаешь. Вот я бы преуспел в бизнесе, у меня этих качеств в избытке, поболе даже, чем у твоего Алихановича.

— Так уж и преуспели бы? — усомнился Иван Яковлевич.

— Сто пудов, — подтвердил собеседник.
— И какова же, позвольте полюбопытствовать, ваша стратегия? Изначальный бизнес-план? Вы уже думали об этом?
— Думать мне, как ты верно подметил, нечем. Да и незачем. А стратегия самая простая. Перво-наперво я обескровил бы всех конкурентов, высосал бы их насухо. Потом и своих сотрудников отжал бы как следует — зажрались, обнаглели, что характерно. А уж опосля за прочий народец принялся.

— Ого! — не сдержал иронии Иван Яковлевич. — Да у вас, я сморю, государственный размах.

— Что есть, то есть, — скромно согласился клещ. — А с согражданами твоими надо что-то делать, согласишься. Уж очень архаичны, прошлым веком живут. Ведь главный двигатель прогресса — индивидуализм. Нужно под себя грести, вот так, вот так! — наглядно продемонстрировал он, энергично загребая всеми восемью лапками. — А в вашем менталитете по-прежнему община главнее индивида. Куда это годится? Это всё пережитки и родимые пятна. Да, да! Надо от них избавляться. Да ко всему — лень, неповоротливость, консерватизм. Энергичности, предприимчивости не хватает вашему брату. Полагаю, это от полнокровия происходит. — Клещ причмокнул. — Ну, эту беду я бы живо поправил... Э-эх, уж я бы вам отладил экономическую модель!

— А какой, интересно узнать, вид бизнеса вас более всего привлекает? — уточнил Иван Яковлевич, делая рокировку.

— Я бы в любом преуспел, — важно заявил клещ. — Могу госимуществом управлять, могу финансами руководить или энергетикой рулить. Всё могу. Я всемогущий! Но ближе всего мне, вви-

ду собственной микроскопичности, нанотехнологии... Шах и мат тебе!

Разбудил Ивана Яковлевича звонок с работы. Дело было срочным, так что он, даже не позавтракав, вызвал такси и помчался в офис. Весь день прошёл в такой кутерьме, что и чаю некогда попить — какой там клещ!

Вернувшись поздно вечером домой, Иван Яковлевич обнаружил, что сожитель его разросся уже до размеров спелой груши. Но — странное дело — никакого страха и даже особенного беспокойства Иван Яковлевич в этой связи не испытал.

Да и какого-либо отвращения к насосавшемуся паукообразному — тоже. Клещ теперь вызывал у него ... уважение, что ли. И ещё чувства, сходные с умилением — почти материнские.

Утром следующего дня на работу Иван Яковлевич не пошёл, сказавшись по телефону больным. Он уже с немалым трудом мог добраться до туалета — приходилось в буквальном смысле тащить на себе клеща, весившего к тому времени килограммов пятнадцать.

Сам же Иван Яковлевич, напротив, заметно сдал: осунулся, похудел, весь как-то высох... Сознание его то и дело туманилось; осталось одно желание — спать, спать, спать...

Утром третьего дня он поднялся с постели, бодро просеменил в ванную и, обильно смочив ватный тампон лосьоном, прижёт совсем уже усохшего Ивана Яковлевича.

Тот, пару раз дрыгнув конечностями, свалился в раковину.

Он брезгливо взял его за ножку, отнёс в туалет, опустил в унитаз и смыл. Сам же облачился в деловой костюм Ивана Яковлевича и отправился в офис. **УС**